

РУССКІЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ,

съ **ВЫСОЧАЙШАГО** соизволения,

ВАСИЛЕМЪ ТИММОМЪ.

(Третій годъ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

По случаю измѣненія почтовой таксы за пересылку періодическихъ изданій, многія изъ послѣднихъ съ 1853 года возвысили свои цѣны. Издатель Русскаго Художественнаго Листка, желая угодить своимъ подписчикамъ, оставилъ цѣну своему изданію прежнею, принявъ все расходы по пересылкѣ, выше прежнихъ, на себя, въ надеждѣ на благосклонность читателей и на готовность ихъ поддерживать Русскій Художественный Листокъ, въ настоящее время единственное въ Россіи періодическое художественное изданіе.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи было представлено въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 29-го Декабря 1852 года.

Ценсоръ *Н. Ахматовъ.*

Fr. R. Kreutzweid nim.
Eesti NSV Riiklik
Raamatukogu

6A 2913

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. Т И М М О М Ъ.

№ 1.

1-го ЯНВАРЯ.

1853 ГОДА.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПРИНЕСЕНИЕ ПРИСЯГИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЕМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ МИХАИЛОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ.

Въ Среду, 26-го Ноября 1852 года, принесена была Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, въ Большой Придворной Церкви и въ Георгіевской Залѣ Зимняго Дворца, по Высочайше утвержденному церемоніалу, торжественная присяга, по совершеннѣйши, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, Ихъ Императорскихъ Высочествъ и Ея Королевскаго Высочества, вдовствующей Великой Герцогини Мекленбургъ-Шверинской.

О совершеннѣйши Государя Великаго Князя Михаила Николаевича возвѣщено было слѣдующимъ Высочайшимъ Манифестомъ 26-го Ноября 1852 года:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Любезнѣйшій сынъ Нашъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, къ утѣшенію Нашему, достигъ 13-го минувшаго Октября опредѣленнаго основными законами Имперіи совершеннѣйши, а нынѣ, слѣдуя священному ихъ установленію, произнесъ предъ лицемъ Сердцевѣдца Бога торжественную присягу на служеніе Намъ и Государству.

Господь, доселѣ хранившій Его подлѣ святымъ Своимъ покровомъ, да благословитъ и дальнѣйшее, подлежащее Ему поприще жизни. Да идетъ Онъ, руководимый вѣрою и вѣрностью, путемъ чести и славы, памятуя дѣянія великихъ нашихъ Предковъ.

Призываемъ всѣхъ любезныхъ нашихъ подданныхъ соединить усердныя молитвы ихъ съ нашими о Немъ мольбами, и принять искреннее участіе въ чувствованіяхъ, сердце наше наполняющихъ.

Данъ въ С. Петербургѣ, 26-го Ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второе; царствованія же нашего въ двадцать осмое.

Самое принесеніе присяги происходило по слѣдующему Высочайше утвержденному церемоніалу:

I. Отъ Двора и отъ Церемоніальныхъ Дѣлъ будутъ

разосланы Святѣйшему Синоду и ко всѣмъ придворнымъ чинамъ, знатымъ обою пола особамъ, и чужестраннымъ министрамъ, повѣстки, по коимъ должны съѣзжаться въ Зимній Дворецъ, 26-го сего Ноября, къ половинѣ двѣнадцатаго часа полудня, дамы въ русскомъ платьѣ, а кавалеры въ парадныхъ мундирахъ.

II. Предъ начатіемъ церемоніи, поставлены будутъ во всѣхъ залахъ, начиная отъ Концертной до Портретной Галереи, отряды Л. Гв. полковъ, при знаменахъ; въ Портретной Галереѣ Рота Дворцовыхъ Гренадеръ, а въ Георгіевской Залѣ отрядъ всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

III. Въ тотъ день, въ половинѣ перваго часа пополудни, Императорскія регаліи: Корона, Держава и Скипетръ, перенесены будутъ изъ Бриллиантовой Комнаты въ Большую Придворную Церковь, подъ прикрытіемъ одного офицера и шести унтеръ-офицеровъ Роты Дворцовыхъ Гренадеръ, и возложены на приуготовленіемъ столѣ, по лѣвую сторону аналая, поставленнаго предъ Царскими Вратами для Животворящаго Креста и Святаго Евангелія.

IV. Означенныя регаліи, въ предшествіи двухъ гоф-фурьеровъ, двухъ Церемоніймейстеровъ и Оберъ-Церемоніймейстера, понесутъ, на золотыхъ глазетовыхъ подушкахъ, назначенныя для того особы 1-го и 2-го классовъ, съ ассистентами изъ вторыхъ чиновъ Двора.

V. Предъ Высочайшимъ выходомъ чужестранные министры, члены Государственнаго Совѣта, Сенаторы, кавалеры ордена Св. Георгія, которые не будутъ во фронтѣ, и прочія особы, коимъ повелѣно будетъ находиться въ церкви, введены будутъ въ оную Оберъ-Церемоніймейстеромъ, и займутъ назначенныя для нихъ мѣста.

VI. Когда все будетъ готово къ шествію въ церковь, тогда Его Императорскому Величеству донесетъ о томъ Министръ Императорскаго Двора, и, по принятіи повелѣнія, шествіе начнется слѣдующимъ порядкомъ:

1) Двора Его Императорскаго Величества гоф-фурьеры и камеръ-фурьеры, по два въ рядъ.

2) Церемоніймейстеры и Оберъ-Церемоніймейстеръ.

3) Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеры, камергеры и вторые чины Двора, по два въ рядъ, младшіе напередѣ; въ должности Гофмаршала съ жезломъ.

4) Первые чины Двора, по два въ рядъ, младшіе напередѣ; Оберъ-Гофмаршалъ съ жезломъ.

5) Государь Императоръ съ Государынею Императрицею, имѣя позади Министра Императорскаго Двора и дежурныхъ Генераль-Адъютанта и Флигель-Адъютанта.

6) Ихъ Императорскія Высочества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Александръ Николаевичъ, съ Государынею Цесаревною, Великою Княгинею Маріею Александровною.

7) Ея Королевское Высочество, Вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

8) Ихъ Императорскія Высочества, Государя

Великіе Князья Николай Александровичъ и Александръ Александровичъ.

9) Ихъ Императорскія Высочества, Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, съ Государынею Великою Княгинею Александрою Иосифовною.

10) Ихъ Императорскія Высочества, Государь Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

11) Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Елена Павловна.

12) Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Екатерина Михайловна.

13) Ихъ Императорскія Высочества, Принцъ Петръ Ольденбургскій и Супруга Его.

14) Статсъ-Дамы, Каммеръ-Фрейлина и Фрейлины по двѣ въ рядъ, по старшинству.

VII. При входѣ въ церковь, Ихъ Императорскія Величества встрѣчены будутъ Митрополитомъ Новгородскимъ и С. Петербургскимъ, и знатнымъ Духовенствомъ, со Крестомъ и святою водою.

VIII. Когда Ихъ Величества изволятъ стать въ церкви на Свой мѣста, тогда членами Святѣйшаго Синода и Придворнымъ Духовенствомъ начнется молебствіе, на сей случай сочиненное, со включеніемъ въ оное службы, бывающей обыкновенно въ день Св. Великомученика Георгія.

IX. Предъ окончаніемъ молебствія, Государь Императоръ изволятъ Самъ подвести Государя Великаго Князя Михаила Николаевича къ аналою, предъ Животворящей Крестъ и Святое Евангеліе, для произнесения, на основаніи Учрежденія объ Императорской Фамиліи, присяги, какъ въ вѣрности Царствующему Государю и Отечеству, такъ равно въ соблюденіи права наследства и фамильнаго распорядка. Присягу, особо для сего сочиненную, читаетъ Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, вслухъ, и потомъ утверждаетъ ее Своею подписью.

X. По совершеніи присяги, воспѣто будетъ: «Тебе, Бога хвалимъ,» при 301 выстрѣлѣ изъ пушекъ съ Петропавловской Крѣпости, и при колокольномъ звонѣ у всѣхъ церквей; въ то же время Императорскія регалии отнесутся изъ церкви въ Бриллиантовую Комнату вышеписаннымъ порядкомъ.

XI. По провозглашеніи многолѣтія, члены Святѣйшаго Синода принесутъ поздравленіе Ихъ Величествамъ и Его Высочеству, Великому Князю Михаилу Николаевичу.

XII. Послѣ сего, Ихъ Императорскія Величества, съ Высочайшею Фамиліею, изволятъ шествовать тѣмъ же порядкомъ изъ церкви въ Георгіевскую Залу, гдѣ, предъ трономъ, будетъ поставленъ аналой съ Крестомъ и Св. Евангеліемъ, и штандартъ 1-го Дивизиона Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго Полка. Предшествующіе придворные чины останавливаются въ Портретной Галереѣ, а придворныя дамы слѣдуютъ въ залу, и помѣщаются, по лѣвую сторону отъ трона, на сдѣланномъ возвышеніи позади фронта; возлѣ нихъ городскія дамы.

XIII. При выходѣ Императорской Фамиліи изъ церкви, всѣ кавалеры ордена Св. Георгія, кромѣ нахо-

дящихся въ строю, при войскахъ, проходятъ изъ церкви прямо, чрезъ Портретную Галерею, въ Георгіевскую Залу, и занимаютъ мѣста возлѣ городскихъ дамъ.

XIV. Дипломатическій Корпусъ, члены Государственнаго Совѣта, Сенаторы и прочія знатныя особы становятся, по правую сторону отъ трона, на сдѣланномъ возвышеніи.

XV. При входѣ въ залу, Государь Императоръ изволятъ подвести Государя Великаго Князя Михаила Николаевича къ аналою подъ вышеозначенный штандартъ, гдѣ Его Высочество, равнымъ образомъ, произнесетъ, на вѣрность службы Государю Императору и Отечеству, присягу, которая будетъ читана Оберъ-Священникомъ Гвардіи, Протопресвитеромъ Бажановымъ, и повторяема вслухъ Его Высочествомъ.

XVI. За симъ Императорская Фамилія изволятъ возвратиться во внутренніе покои тѣмъ же порядкомъ.

XVII. Вечеру городъ будетъ иллюминированъ. (Слѣв. Пч.)

На рисунокъ, приложенномъ къ № 1-му Русскаго Художественнаго Листка изображено Торжественное принесеніе присяги, по совершеннолѣтіи, 26-го Ноября 1852 года, Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ Большой Придворной Церкви Зимняго Дворца. Рисунокъ представляетъ ту минуту, когда Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, стоя у аналая, предъ Животворящимъ Крестомъ и Святымъ Евангеліемъ, читаетъ вслухъ присягу какъ въ вѣрности Царствующему Государю и Отечеству, такъ равно и въ соблюденіи права наследства и фамильнаго распорядка.

По лѣвую сторону аналая изображенъ Его Императорское Величество Государь Императоръ.

По правую сторону: Ея Императорское Величество Государыня Императрица.

На правой сторонѣ рисунка:

Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Великая Княгиня Марія Александровна.

Ея Королевское Высочество, вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Александра Иосифовна.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Екатерина Михайловна.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Николай Александровичъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Александръ Александровичъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Его Императорское Высочество Государь Князь Николай Максимиліановичъ.

За Великими Князьями изображены:

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Николай Николаевичъ.

На первомъ планѣ рисунка, по лѣвую сторону аналая, на приготовленномъ столѣ изображены возложенныя на немъ Императорскія регалии: Корона, Держава и Скипетръ.

По сторонамъ стола представлены унтеръ-офицеры и офицеръ Роты Дворцовыхъ Гренадеръ.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОМЪ.

№ 2.

10-го ЯНВАРЯ.

1855 ГОДА.

РУССКІЯ СВАДЬБЫ

въ XVI столѣтіи.

Изъ всѣхъ новыхъ пьесъ, поставленныхъ на русскую сцену въ теченіе истекшаго 1852 года, ни одна не имѣла такого успѣха, какъ *Русская свадьба въ исходъ XVI вѣка*, Г. Сухонина. Тайна этого успѣха заключается въ счастливой мысли автора показать на сценѣ старинныя русскія свадебныя обычаи и въ великолѣпной постановкѣ пьесы Дирекціею Императорскихъ Театровъ. Самая драма хотя и не лишена достоинствъ, но великолѣпная постановка придала ей большую занимательность.

Мы, Русскіе, всегда дорожили своею народностью, и видимое пристрастіе къ иностранному, проявляющееся въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обычаяхъ нашей общественной жизни, никогда не было серіознымъ. Мы носимъ нѣмецкое платье, танцуемъ французскую кадрили, ѣздимъ на англійскихъ скакунахъ, говоримъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но все это не мѣшаетъ намъ быть Русскими. Смѣшны тѣ, которые видятъ во всемъ этомъ упадокъ народности. Платье у насъ иностранное, а сердце и умъ русскіе. Внѣшность ничего не значитъ, а наша народная поговорка давно уже сказала: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Попробуйте заговорить съ сердцемъ или съ умомъ Русскаго, и вы увидите, на какомъ языкѣ они вамъ отвѣтятъ.

Въ доказательствахъ нашей любви ко всему русскому, народному, у насъ нѣтъ недостатка; но мы приведемъ здѣсь только одно, какъ имѣющее прямое отношеніе къ предмету нашей статьи: это успѣхъ всѣхъ театральныхъ представленій, содержаніе которыхъ заимствовано изъ русской жизни или русской исторіи. Объявленіе о такомъ представленіи всегда возбуждаетъ сочувствіе публики, и привлекаетъ ее въ театръ. Успѣхъ пьесы Г. Сухонина служить также доказательствомъ словъ нашихъ. Впрочемъ, старинныя русскія свадебныя обряды любопытны сами по себѣ, и мы не разъ видѣли въ театрѣ иностранцевъ, которые пріѣзжали смотрѣть пьесу Г. Сухонина. Но возвратимся къ этой пьесѣ, или, лучше сказать, къ картинкамъ, приложеннымъ къ нынѣшнему номеру Русскаго Художественнаго Листка, потому что пьеса извѣстна уже, по всей

вѣроятности, читателямъ изъ отзывовъ о ней, напечатанныхъ почти во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Картинки представляютъ: помолвку, сватовство, дѣвичникъ, обуваніе неvěсты, свадебный пиръ, проводы новобрачныхъ, сѣнникъ и встрѣчу новобрачной, т. е. почти всѣ главныя явленія старинныхъ русскихъ свадебъ. Картинки говорятъ сами за себя, и мы не станемъ пояснять ихъ, но скажемъ нѣсколько словъ вообще о свадебныхъ обычаяхъ нашихъ предковъ въ XVI столѣтіи.

И до сихъ поръ еще въ извѣстномъ классѣ нашего общества, особенно въ провинціяхъ, существуетъ обычай устраивать браки посредствомъ свахъ, но этотъ обычай нѣсколько осмысленъ въ наше время; хотя воля родительская играетъ въ этихъ случаяхъ важную роль, однако женихъ и неvěста имѣютъ болѣе свободной воли, видятся, въ промежутокъ между сватовствомъ и бракосочетаніемъ, и имѣютъ возможность отказаться отъ брака. Встарину этотъ самый обычай сватовства существовалъ въ болѣе строгомъ видѣ. Дѣти безпрекословно повиновались волѣ родителей и вступали въ бракъ, не зная другъ друга. Только послѣ совершенія брачнаго обряда дозволялось молодому приподнять покрывало своей жены. Родители смотрѣли неvěсту и жениха, освѣдомлялись о ихъ состояніи, и т. д., а дѣти полагались во всемъ на родителей, и не выходили изъ ихъ воли. Этотъ обычай объясняется патриархальностью нравовъ—отличительнымъ качествомъ всѣхъ первобытныхъ обществъ, въ особенности же одною чертою этихъ нравовъ, преимущественно свойственною восточнымъ народамъ—обыкновеніемъ держать женщинъ взаперти и подъ покрываломъ.

У насъ на Руси, до Петра Великаго, обычай этотъ соблюдался очень строго: Герберштейнъ, бывшій въ Россіи, именно въ XVI столѣтіи, говоритъ, что русскихъ женщинъ никому не показывали безъ покрывала, даже близкимъ родственникамъ. Понятно, послѣ этого, что браки устраивались родителями обѣихъ сторонъ, которые, устроивъ дѣло между собою, приступали къ официальному сватовству, т. е. посылали сватовъ.

Пріѣздъ сватовъ въ домъ неvěсты сопровождался извѣстнымъ церемоніаломъ, слѣды котораго существуютъ и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Россіи, между поселянами и торговымъ сословіемъ. У насъ вообще сохранилось много старинныхъ свадебныхъ обычаевъ, разумѣется

въ измѣненномъ видѣ, но *дѣвичникъ* принадлежитъ къ тѣмъ изъ нихъ, на которые время имѣло наименьшее вліяніе. Особенно въ деревняхъ обычай дѣвичника сохранился почти въ первобытной формѣ своей. Обычай *обуванія невесты* младшимъ родственникомъ, преимущественно младшимъ братомъ, также существуетъ до сихъ поръ.

Но многіе изъ нашихъ старинныхъ свадебныхъ обычаевъ исчезли, другіе совершенно измѣнились, по той простой причинѣ, что не могли ужиться съ новымъ образованіемъ. Такъ, напримѣръ, обычай *вскрывать новобрачную* встрѣчается уже очень рѣдко; рѣдко также гдѣ можно встрѣтить старинный обычай *разуванія жениха невестою*. Этотъ послѣдній обычай отличался, между прочимъ, слѣдующими особенностями: женихъ клалъ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плеть, и если невеста принималась сперва за лѣвую ногу, то женихъ, вынувъ плеть, ударялъ ее; если же она принималась за правую, то отдавалъ ей положенныя въ сапогъ деньги. Этотъ очень древній обычай существовалъ еще въ XVI и XVII вѣкахъ; о немъ упоминаютъ Герберштейнъ и Олеарій. По совершении брака и окончаніи стола, новобрачнаго вводили въ спальню, гдѣ его ждала новобрачная, одѣтая въ спальное платье. Онъ садился у кровати, держа въ рукахъ плетку. Жена снимала съ него сапогъ, а онъ ударялъ ее три раза плеткой по снѣжѣ и по плечамъ, въ напоминаніе того, что она, ставъ его женою, должна повиноваться ему.

Мы не станемъ впрочемъ входить въ подробное описаніе всѣхъ свадебныхъ обычаевъ, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко, но чтобъ дать о нихъ, по возможности, полное понятіе, приведемъ здѣсь описаніе свадьбы Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною Еленою Глинскою.

«Лѣта 7034 (1526) Генваря въ 21-й день, въ недѣлю жениться Великому Князю Василію Ивановичу всеа Русіи, и нарядясь Великому Князю пойти въ брусяную избу столовую. А братъ его Князь Юрѣя Ивановичъ, и тысяцкой (тоже, что дружка), и весь поѣздъ, и бояре, кому съ нимъ итти. А мѣсто въ средней полатѣ нарядити по обычаю, да оболочи бархатомъ и камками, какъ Князь Великій велить. А на мѣсто положить изголовья шитыя, а на изголовьяхъ положить по сороку соболей, а третій сорокъ держати кому Князь Великій велить, чѣмъ опахивать Великаго Князя и Великую Княжну. А у мѣста поставить столъ, и скатерть наслать, и калачи положить, и столъ поставити. А Княжну Олену нарядити какъ ей итти на мѣсто; а сидѣти ей въ своихъ хоромахъ. А тысяцкаго женѣ и свахамъ и боярынямъ всѣмъ готовымъ быть у

нее, и свѣчамъ обоимъ и короваемъ тутожъ готовымъ быть. А какъ Великій Князь пришетъ къ боярынямъ, и велить Княжнѣ итти на мѣсто, и Княжнѣ пойти изъ своихъ хоромъ въ среднюю полату, на право въ сѣнныя двери; а съ нею тысяцкаго женѣ и свахамъ обѣимъ и боярынямъ. А передъ Княжною итти боярамъ, кому Князь Великій велить. А за бояры передъ Княжною нести свѣчи Великаго Князя свѣчу и Княжнины короваи. А на короваи положить двѣ девять пенезей большихъ серебряныхъ широкихъ, гроши по два одинъ пенезь, въ одну сторону золочены и чеканены, а съ другую сторону бѣлы и гладки, а на короваѣ положить по девяти пенезей. Да пришедъ въ среднюю полату, Княжну и садити на мѣсто. А на Великаго Князя мѣсто посадити Княжну Настасью меньшую сестру ея, а тысяцкаго женѣ и свахамъ всѣмъ сѣсти по своимъ мѣстамъ у Княжны Олены. А со свѣчами и короваи стояти у свахъ на лѣвой сторонѣ. А боярынямъ всѣмъ сѣсти за большимъ столомъ на лавкѣ, да какъ и сядутъ всѣ, и имъ обослатись вѣстію къ Великому Князю. И Князь Великій пошетъ кому сидѣти на большомъ мѣстѣ Князя Юрѣя Ивановича брата своего, а съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ кому велить. И Князь Юрѣя вшедъ въ полату сядетъ на большомъ мѣстѣ, и бояръ и дѣтей боярскихъ иссажаетъ; да пошетъ къ Великому Князю боярина большаго. А рѣчь ему Великому Князю говорити: «Князь Великій Государь! Князь Юрѣя Ивановичъ велѣлъ тебѣ говорить: прося у Бога милости, время тебѣ Государю итти къ своему дѣлу». И Князь Великій пойдетъ изъ брусяныя избы въ среднюю полату, а съ нимъ тысяцкой и весь поѣздъ, и бояре всѣ. Да вшедъ въ полату, поклонявся святымъ пойдетъ къ своему мѣсту, да поднявъ Княжну Настасью, сядетъ на своемъ мѣстѣ; да посидѣвъ мало велить священнику молитву говорить. А тысяцкаго жена станетъ Великому Князю и Княжнѣ голову чесать. А свѣчу Великаго Князя и Княжнину свѣчу въ ту пору зажгутъ водосвященными свѣчами, что въ навечерье Богоявленія Христова, и обручи на нихъ положить, и соболми обогнуть. Да какъ Великому Князю и Княжнѣ голову исчесутъ, и на Княжну кичу положить и покровъ навѣсятъ, и тысяцкаго жена начнетъ осыпать Великаго Князя и Великую Княжну; да послѣ осыпанья соболми опахивать. А осыпалу быть на мисѣ на золотой; а на мисѣ первое хмѣли всыпать на три углы, въ трехъ мѣстахъ, да на три жъ мѣста положить тридцать соболей, да тридцать платковъ бархатныхъ и камчатныхъ и атласныхъ съ золотыми или безъ золота въ одинъ цвѣтъ пять разныхъ шелковъ; а мѣра платковъ въ длину чет-

верть, а ширина съ верхомъ (о поперегъ четверть), да тридевятъ пenezей меньшихъ, на три мѣста по девяти, а величествомъ въ золотой или мало меньше. А на другой мистѣ осыпала нарядить къ постелѣ по тому жъ. А Великаго Князя дружка благословився станеть рѣзать перепеча и сыры. Да поставитъ на блюдо передъ Великаго Князя и передъ Княжну, и во всѣ столы, да и въ разсылку посылаетъ; а Княжнинъ дружка подаетъ ширинки. И послѣдѣвъ мало ѣдетъ Великій Князь къ вѣчанью ко Пречистой: и какъ Великій Князь встанеть съ мѣста, и на его мѣсто на изголовье положить сорокъ соболей. Да прѣхавъ ко Пречистой пойдетъ въ церковь въ стороннія двери отъ площади: а братъ его, и тысяцкой, и весь поѣздъ и бояре съ нимъ. А за нимъ поѣдетъ Княжна Олена въ саняхъ. А какъ Княжна встанеть съ мѣста и пойдетъ къ Собору, и Великаго Князя зголовье положити тогда на Княжнине Оленино зголовье, и два сорока соболей положити на зголовье на верхъ. А съ Княжною Оленою ѣхатъ къ церкви тысяцкаго жены да свахъ большой; сядутъ въ тѣхъ же саняхъ со Княжною, а другія свахи сядутъ въ опришенныя сани. А за санями у Княжны Олены пойдутъ бояре и дѣти боярскіе, и дьяки, кому Великій Князь велитъ; а свѣчи и короваи понесутъ передъ санями. А Княжна Настасья и боярыни тогда пойдутъ изъ среднія полаты Великой Княгини въ хоромы. Да какъ прѣдетъ Княжна Олена къ Пречистой, и вышедъ изъ саней пойдетъ въ церковь въ тѣ же двери стороннія отъ площади. Да вшедъ въ церковь станеть Князь Великій на правой сторонѣ у столпа у Митрополичья мѣста, по лѣву столпа; а Княгиня Олена станеть отъ Великаго Князя на лѣвой сторонѣ. А съ свѣчами и съ короваи стануть у другога столпа на лѣво по праву у столпа. Да у того же столпа поставятъ скамью, и на скамѣ коверъ постелютъ, да и положатъ два изголовья красныхъ. А какъ пойти ко вѣчанью Великому Князю и Княгинѣ Оленѣ, а дружки постелютъ имъ подъ ноги комку да сорокъ соболей положить. И Князь Великій и Княжна Олена стануть на томъ мѣстѣ, а Митрополитъ ихъ вѣнчаетъ, а въ скляницѣ держатъ вино фряское. И вѣнчавъ Митрополитъ дастъ вино пить Великому Князю и Великой Княгинѣ, а въ другіе Князь Великій выпивъ вино, ударитъ склянницею о землю, да и ногою потопчетъ самъ Князь Великій, а иному никому не велитъ топтать (*). А послѣ вѣчанья пойдетъ Князь Великій да сядетъ у столпа

(*) По словамъ Олеарія, новобрачный говорилъ при этомъ: «такъ да будутъ поправы ногами нашими тѣ, которые имѣютъ намѣреніе посѣять между нами вражду и несогласіе».

на лѣвой сторонѣ на зголовье съ правую сторону. И Митрополитъ придетъ къ Великому Князю и къ Великой Княгинѣ здоровать на многія лѣта. А братья Великаго Князя Великому Князю и Великой Княгинѣ здороваютъ, и бояре, и дѣти боярскіе, и дьяки пѣвчіе на обоихъ крылосахъ поютъ многолѣтіе Великому Князю и Великой Княгинѣ. И отъ церкви пойдетъ Великій Князь въ тѣ же двери стороннія на площадь и поѣдетъ къ себѣ завтракать, а Великая Княгиня отъ церкви поѣдетъ въ тѣхъ же саняхъ, и тысяцкаго жена и свахи обои съ нею. Да пойдетъ изъ саней въ свои хоромы; а въ сани сядетъ на Великой Княгини мѣсто ясельничей да отѣдетъ въ саняхъ въ конюшню. А свѣчи и короваи несутъ къ постелѣ, а поставятъ короваи оба въ одну кадъ во пшеницу у постели въ головахъ; а обручей съ нихъ не снимаютъ всѣ три дни, а какъ отойдутъ всѣ три дни, ино свѣчи обѣ вмѣстѣ соскаты, да поставитъ въ церквѣ. А сѣнникъ (*) постельной оболочи снутри запономъ, да по четыремъ угламъ воткнуть стрѣлы, а на нихъ по сороку соболей, или по одному соболю, какъ Князь велитъ, да по калачу. А на лавкахъ, по угламъ же поставити по оловеннику меду. А постели слати въ сѣннику на сноповы на ржаномъ, по обычаю вшедъ въ сѣнникъ на правой сторонѣ. А послати надъ постелью тридевятъ сноповъ. Да послѣ завтрака Князь Великій поѣдетъ по монастырямъ и по церквамъ, а братья его и тысяцкой, и весь поѣздъ съ нимъ, и бояре, кому велитъ съ собою ѣхатъ. А объѣздивъ монастыри пришлетъ вѣсть, и велитъ Великой Княгинѣ итти ко столу, а тысяцкаго жена, и свахи, и боярыни съ нею. Да пришедъ Великая Княгиня ко столу, сядетъ на своемъ мѣстѣ, а у ней тысяцкаго жена и свахи сядутъ по своимъ мѣстамъ; а бояре всѣ сядутъ за большимъ столомъ на лавкѣ. А какъ придетъ Князь Великій и онъ пошлетъ за столъ Князя Юрья напереді себя, да съ нимъ кому велитъ боярамъ и дѣтамъ боярскимъ. И Князь Юрья вшедъ сядетъ на большомъ мѣстѣ; а тутъ кто придетъ съ нимъ посадитъ на окольномъ и въ правомъ столѣ. А Князь Великій какъ самъ прѣдетъ и съ коня сойдетъ, да тотчасъ велитъ на конь сѣсть конюшему, да ѣздитъ конюшему весь столъ и всю ночь кругъ подклѣта, съ саблею съ голою и съ мечемъ; а самъ Князь Великій пойдетъ къ столу, а вшедъ въ полату сядетъ на своемъ мѣстѣ, а тысяцкому и дружкамъ велитъ сѣсть по своимъ мѣстамъ, а бояръ, князей и дѣтей боярскихъ посаждаетъ

(*) Спальня новобрачныхъ никогда не устривалась въ жилищѣ покоемъ, но въ пустомъ и нетопленномъ, какъ бы холодно ни было. Постель была изъ соломы и покрывалась полотномъ.

по всѣмъ столамъ. Да какъ иссажаетъ всѣхъ, и поставятъ передъ Великаго Князя и Великую Княгиню куря вечернее; и большой дружокъ вставъ обертить куря съ блюдомъ и съ калачемъ, и съ солонкою, и съ скатертью верхнею, да отнесетъ къ постелѣ. А Князь Великій велитъ въ столы ѣсть ставить.»

По входѣ въ сѣнникъ наблюдалось много другихъ обычаевъ, о которыхъ мы упомянемъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, чтобы сократить и безъ того уже длинную выписку.

Въ сѣнникѣ свахи снова осыпали новобрачныхъ и приготавливали двѣ шубы собольи, изъ которыхъ одну клали шерстью вверхъ; новобрачныхъ кормили, сваха большая и дружки, курятами, а на слѣдующій день, послѣ мыльни, кормили Великаго Князя кашею. Въ сѣняхъ у сѣнника, висѣли, на всѣхъ четырехъ стѣнахъ, по иконѣ; на двери, *изнутри и съ надворья были поставлены кресты*; у постели, въ головахъ, были положены двѣ, сшитыя вмѣстѣ, подушки, а въ ногахъ, на коврѣ, одѣяло кунье и шуба, покрытая простыней. Несеніе короваевъ и свѣчей сопровождалось также особымъ церемоніаломъ. Вообще русскіе свадебные обычаи были очень многосложны, что легко видѣть изъ приведеннаго нами описанія. Боярскія и купеческія свадьбы не были, разумѣется, такъ великолѣпны, но, за немногими исключеніями, совершались по приведенному нами образцу.

П.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 2-му Русскаго Художественнаго Листка, изображена Русская Свадьба въ исходѣ XVI вѣка, сцены драматическаго представленія изъ частной жизни нашихъ предковъ, соч. П. П. Сухонина, а именно: 1) помолвка; 2) сватовство; 3) дѣвичникъ; 4) обуваніе невесты; 5) свадебный пиръ; 6) проводы новобрачнаго; 7) проводы новобрачной; 8) сѣнникъ; 9) встрѣча новобрачной.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

По случаю измѣненія почтовой таксы за пересылку періодическихъ изданій, многія изъ послѣднихъ съ 1855 года возвысили свои цѣны. Издатель Русскаго Художественнаго Листка, желая угодить своимъ подписчикамъ, оставилъ на нынѣшній годъ цѣну своему изданію прежнею, принявъ

все расходы по пересылкѣ, свыше прежнихъ, на себя, въ надеждѣ на благосклонность читателей и на готовность ихъ поддержать Русскій Художественный Листокъ, въ настоящее время единственное въ Россіи періодическое художественное изданіе. Не смотря на то, нѣкоторые книгопродавцы, въ своихъ разосланныхъ объявленіяхъ, возвысили произвольно цѣну до 10-ти и 12-ти р., не оговаривая условій подписки на Русскій Художественный Листокъ, означенныхъ ниже, а потому издатель считаетъ долгомъ предостеречь своихъ подписчиковъ отъ этихъ самопроизвольныхъ цѣнъ, назначенныхъ лицами, съ которыми издатель не имѣетъ ни какихъ сношеній, и проситъ подписываться только въ мѣстахъ, означенныхъ въ его собственныхъ объявленіяхъ.

Подписка на Русскій Художественный Листокъ на 1855 годъ, принимается въ *С. Петербургѣ*: въ Конторѣ Редакціи *Сѣверной Пчелы*, въ книжныхъ магазинахъ *П. А. Ратькова*, *Ф. В. Базунова*, въ литографіи *А. Минстера* и въ Газетной Экспедиціи *С. Петербургскаго Почтамта*; въ *Москвѣ*: у *П. В. Базунова*, *П. А. Ратькова* и въ магазинѣ *Даціаро*. Иногородные благоволятъ относиться къ самому издателю, *В. Ф. Тимму*, на *Васильевскомъ Острову*, въ 5-й Линіи, въ домѣ *Варнека*.

Подписная цѣна:

9 руб. сер. за СЛОЖЕННЫЕ,
12 » » за НЕСЛОЖЕННЫЕ.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОМЪ.

№ 3.

20-го ЯНВАРЯ.

1855 года.

ДОНСКІЕ КАЛМЫКИ.

Калмыки (*), живущіе нынѣ подъ кровомъ Русскаго Правительства, какъ всѣ вообще, такъ и причисленные къ Войску Донскому, ведутъ начало свое отъ владѣтелей Джунгаріи, и считаютъ себя единоплеменниками знаменитаго джунгарскаго (***) воина Эсена (**).

1642 годъ можно приблизительно назвать началомъ первыхъ сношеній Калмыцкаго Народа съ Донскими Казаками, которыя при Шукурь-Дайчинѣ (****) становятся тѣснѣе и дружественнѣе. Въ 1648 году, Калмыки въ первый разъ неожиданно явились, въ числѣ тысячи человекъ, у Черкаска, и заключили съ казаками миръ, а въ 1654 и 1655 годахъ калмыцкія войска, присягнувъ на вѣчное подданство Россіи, въ соединеніи съ Донскими Казаками, по распоряженію Правительства, дѣйствовали противъ крымскаго хана. Спустя нѣсколько времени, кочевья Калмыковъ являются уже по Кумѣ, Манычу, Иловлѣ, Бузулуку и Хопру; сношенія же ихъ съ казаками стали такъ часты, что въ 1666 году Государь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ отправлять ежегодно Донскому Войску, для принятія и угощенія калмыцкихъ пословъ, по двѣсти ведеръ горячаго вина.

Между тѣмъ, дозволеніе Калмыцкому Народу переходить кочевьемъ на правую сторону Волги, до самаго Дона, удалая, разгульная жизнь казаковъ и обычай ихъ принимать всѣхъ и всякаго, были первою побудительною причиною, что въ концѣ семнадцатаго столѣтія Калмыки, и семьями, и цѣлыми обществами, приходили на привольныя степи Дона. Такъ въ 1685 году прикочевало къ Черкаску двѣсти калмыцкихъ семействъ, принятыхъ казаками въ свое сословіе; самое значительное приращеніе послѣдовало въ 1690 году, и съ того времени число Калмыковъ на Дону годъ отъ году увеличивалось, такъ что въ 1693 году однихъ способныхъ носить оружіе считалось 600 человекъ.

Эти Калмыки имѣли уже для кочевья земли, и, наравнѣ съ казаками, отправляли службу, за что и пользовались всѣми привилегіями, дарованными Войску Донскому

(*) Слово Калмыкъ объясняютъ различно: Фишеръ говоритъ, что это названіе произошло отъ шапокъ, которыя носили эмуты, и которыя названы калмыками. Другіе же говорятъ, что это слово означаетъ *отсталыхъ*.

(**) Джунгарія въ переводѣ означаетъ *восточная страна*. Джунгарія находится между Становымъ Хребтомъ и снѣжными горами на юго-западъ отъ Кяхты.

(***) Эсенъ жилъ въ половинѣ XV столѣтія. Онъ сдѣлался правителемъ Джунгарскаго Ойратства по смерти отца своего Тогана, и славнымъ по нашествію своему на Китай, въ 1449 году.

(****) Шукуръ Дайчинъ, сынъ Хо-Урлука, въ 1644 году, по смерти отца, вступилъ въ управленіе ордою.

за службу, и сверхъ того съ 1693 года получали ежегодно 500 рубл. и десять пудъ желѣза въ жалованье. Таковыя выгоды и вмѣстѣ неустройство въ калмыцкихъ улусахъ (въ 1701 году) послужили новымъ поводомъ къ приходу Калмыковъ, и зачисленію ихъ въ Войско Донское.

Наконецъ въ 1736 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣхъ Калмыковъ, зашедшихъ во время ихъ мятежей на Донъ, оставить при Войскѣ Донскомъ (что подтверждено и въ 1753 году), а для прекращенія побѣговъ, тогда же повелѣно было Калмыкамъ, имѣющимъ надобность ѣздить изъ улусовъ на Донъ, брать отъ намѣстника Ханства Калмыцкаго паспорта, равнымъ образомъ, живущимъ на Дону и имѣющимъ дѣла въ улусахъ брать паспорта за подписью войсковаго атамана; за неисполненіе сего виновные строго наказывались. Съ этого времени переходы Калмыковъ на Донъ, безъ дозволенія Правительства, прекратились.

Не говоря здѣсь о причисленіи и удаленіи изъ предѣловъ Войска Калмыковъ Дурботскихъ, не излишне упомянуть, что, по откочеваніи оныхъ въ степи астраханскія (въ 1800 году), на Дону осталось изъ давно-служащихъ въ войскѣ Калмыковъ мужескаго пола слѣдующее число:

Гелюновъ (*).	281
Гицулей (**).	16
Служилыхъ и отставныхъ	1793
Малолѣтковъ отъ 17-ти до 20-ти лѣтъ .	172

И того 2262.

Это населеніе увеличилось еще причисленіемъ, въ 1803 году, къ Войску Донскому Бѣляевскихъ и Чугуевскихъ Калмыковъ, изъ которыхъ первые были въ числѣ 406 душъ мужескаго пола. Число послѣднихъ было незначительно.

Калмыки, причисляемые къ Войску Донскому, съ начала присоединенія ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣли кочевья свои между Дономъ и Донцомъ, и жили сколько можно тѣснѣе, для безопасности отъ бывшихъ въ то время татарскихъ набѣговъ на донскія жилища. Но съ 1786 г., когда опасность миновала, они постепенно разсѣялись по всему пространству Донской Земли. Разгульная, кочевая жизнь породила въ нихъ склонности къ грабежамъ, не терпимыя въ обществѣ; это было причиною, что Войсковою Атаманъ Графъ Платовъ, въ 1803 году, указалъ имъ для кочевья особыя степи, лежація по лѣвой сторонѣ рѣки Дона. Онъ же, въ 1806 году, желая исправить ихъ нравы и укротить отъ грабежей, которыхъ Калмыки не могли еще оставить, раздѣлилъ ихъ кочевья на улусы, сотни и хотуны, каковое дѣленіе существуетъ и по настоящее время.

Кочевья Калмыковъ, занимая нынѣ пространство въ 1,037,183 десятины или 9,956 квадр. верстъ, граничитъ къ сѣверозападу и сѣверу съ рѣчкою Саломъ, къ востоку съ Астраханскою Губерніею, а къ югу и югозападу съ землями частныхъ конскихъ табуновъ.

(*) Идолослужителей.

(**) Прислужниковъ и пр. при идолослуженіи.

Все кочевье раздѣляется нынѣ на 13 сотенъ и 23 хотуна, въ которыхъ считалось:

	Въ 1834 году.	Въ 1851 году.
Кибитокъ		4,848
Въ нихъ:		
Мужескаго пола	7,840 душъ	9,834 д.
Женскаго пола	8,665 »	10,348 »

И того 16,505 душъ. 20,182 д.

Въ военномъ отношеніи, Калмыки дѣлятся, на основаніи Войсковаго Положенія, на четыре разряда, точно также какъ Донскіе Казаки, съ тою только разницею, что у Калмыковъ допущены табунщики, которые обслуживаются цѣлымъ Войскомъ, и находятся у присмотра донскихъ конскихъ табуновъ. Начало свое они получили съ 1-го Января 1828 года, собственно по уваженію общественной пользы отъ размноженія и улучшенія на Дону лошадей, и по особой способности Калмыковъ смотрѣть за оными.

Все пародонаселеніе здѣшняго калмыцкаго племени исповѣдуетъ вѣру ламайскую.

До 1803 года, Калмыки управлялись князьями, на правѣ старшинъ, которымъ чрезъ толмачей (переводчиковъ) сообщались требованія Войска Донскаго, а съ 1803 года, для управленія ими, назначался войсковымъ атаманомъ штабъ-офицеръ, подъ именемъ *пристава*, съ помощникомъ изъ оберъ-офицеровъ. Въ подчиненіи у нихъ были сотни, управлявшіе сотнями, на правахъ станичныхъ атамановъ, и пятидесятники, а для разбора тяжбъ и споровъ избирались Калмыками двое судей.

По Войсковому Положенію, управленіе Калмыковъ слѣдующее: кромѣ хотунныхъ приказныхъ и сотниковъ съ ихъ помощниками, которыхъ рѣшеніе, само по себѣ, не имѣетъ силы судебнаго приговора, первую и низшую степень расправы составляютъ сотенные сборы, какъ у казаковъ станичные; они бываютъ, по крайней мѣрѣ, изъ пятнадцати семействъ и собираются не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Ко второй степени расправы принадлежитъ Калмыцкое Правленіе, гдѣ засѣдаютъ судья и два засѣдателя изъ чиновниковъ Войска Донскаго.

По ходатайству Войсковаго Начальства, 16-го Декабря 1838 года, открыто приходское училище при Калмыцкомъ Правленіи, съ цѣлью приготовить писцовъ и переводчиковъ Калмыцкаго Языка, а въ 1844 году, 10-го Юня, открыты классы окружнаго училища. Нельзя не замѣтить, что дѣти Калмыковъ оказываютъ весьма замѣчательные успѣхи въ ученіи.

Кромѣ скотоводства, постояннаго занятія племенъ кочующихъ, нынѣ Донскіе Калмыки, поощряемые Войсковымъ Начальствомъ, обращаютъ вниманіе на земледѣльство и на продовольствіе скотоводства запасами сѣна. Въ прошломъ 1851 году въ кочевьяхъ было накошеннаго сѣна болѣе тринадцати стоговъ.

Посѣвъ хлѣба производили 157 хозяевъ, употребивъ для пахаты 25 плуговъ собственныхъ и 54 складочныхъ, которыми запахали 271½ десятину и посѣяли на нихъ: озимаго хлѣба 27 четвертей, яроваго 133 четв.; собрали: озимаго 70 четв., яроваго 274 четверти.

Скотоводство у Донскихъ Калмыковъ, составляющее главные статьи ихъ хозяйства, находится въ слѣдующемъ

видѣ: лошадей 18,637 головъ, рогатаго скота 48,046 гол., овецъ 45,193 гол., верблюдовъ 380 головъ (*).

Измѣнились ли Калмыки со времени своего появленія на Дону? Весьма много и весьма мало. Живя около двухъ сотъ лѣтъ подъ нравственнымъ вліяніемъ бакша-гелюновъ (**), и подчиненнаго имъ духовенства, они утратили духъ хищническаго удалства, свыклись съ арканомъ и нагайкою, и сдѣлались отличными табунщиками (***). Въ послѣднемъ отношеніи Калмыкъ—лицо занимательное, интересное, и только! Какъ табунщики, т. е. охранители донскихъ табуновъ, Калмыки, дѣйствительно, полезные и смысленные люди. Благодѣтельнымъ же положеніемъ, дарованнымъ Донскимъ Казакамъ, Калмыкамъ предоставлено право служить съ казаками въ полкахъ, въ коихъ они составляютъ извѣстную численность.

Вниманіе мѣстнаго донскаго начальства въ послѣднее время улучшаетъ нравственность Калмыковъ и рождаетъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ желаніе гражданственности. Они уже начали пахать землю, разводить картофель и огородные овощи, а нынѣшній ихъ бакша-гелюнь выстроилъ себѣ домъ, пьетъ чай изъ самовара и угощаетъ гостей по-русски. Нѣтъ сомнѣнія, что его примѣръ мало по малу будетъ дѣйствовать и на его единовѣрцевъ. Это уже шагъ къ привитію гражданственности, потому что бакша-гелюнь—лицо съ огромнымъ вліяніемъ на Калмыковъ; второй же шагъ, который началъ приносить видимую пользу, это благоразумное вниманіе и заботы Войсковаго Начальства—распространить между Калмыками сельское хозяйство, поощряя ихъ къ тому денежными наградами. Наконецъ, устроенное среди кочевья окружное (уѣздное) училище, послужитъ, безъ сомнѣнія, полезнымъ орудіемъ къ исполненію благотворныхъ видовъ Правительства...

Въ заключеніе, не могу не сказать, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ Калмыки, наряжаемые въ полки, выходятъ хорошо одѣтыми, исправно вооруженными, и гораздо лучше на видъ противъ прежняго (****).

Александръ Поповъ.

Новочеркасскъ.

(*) Скотоводство у Калмыковъ весьма пострадало въ жестокою, необыкновенно-снѣжную и продолжительную зиму 1848—1849 года: она лишила ихъ: лошадей до 20,000

Рогатаго скота до 22,000

Овецъ 18,000

Верблюдовъ 120

и того до 60,120 головъ.

(**) Бакша-гелюнь—есть глава духовенства у Донскихъ Калмыковъ, и пользуется у нихъ особеннымъ уваженіемъ. При идолаженіи и во всѣхъ церемоніяхъ, бакша-гелюнь отличается весьма наряднымъ своимъ одѣяніемъ, въ коемъ господствуютъ цвѣта яркожелтый и красный.

(***) Т. е. охранителями или стражниками донскихъ конскихъ табуновъ.

(****) На рисункѣ у кибитки изображенъ флагъ, желтый, и по немъ черныя письмена. Флагъ дается семейству калмыцкимъ духовнымъ, когда въ семействѣ оказывается большая смертность. *Изд.*

На рисункѣ, приложенномъ къ № 3-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены Калмыки, кочующіе въ Землѣ Войска Донскаго, рисованные съ натуры В. Тиммомъ въ окрестностяхъ Новочеркасска, въ 1849 году.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 17-го Января 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРЕЧЪ.

Предпринявъ сообщить любителямъ литературы портреты нѣкоторыхъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, издатель Листка рѣшился изобразить ихъ не отдѣльно, а среди ихъ занятій, представить внутренность ихъ жилищъ, подробности ихъ кабинетовъ, предметы, окружающіе ихъ, и имѣющіе соотвѣтствіе съ ихъ отличительнымъ характеромъ. Въ самомъ началѣ представляются изображенія двухъ писателей по ремеслу, посвятившихъ всю жизнь свою исключительно литературѣ, литераторовъ по страсти и призванію.

Первый изъ нихъ Николай Ивановичъ Гречъ (род. 3-го Авг. 1787 г.), который надѣется лѣтомъ 1854 года праздновать пятидесятилѣтіе своего литературнаго и педагогическаго поприща. Онъ извѣстенъ въ Россіи въ трехъ отношеніяхъ, какъ грамматикъ, какъ беллетристъ и какъ журналистъ. О грамматикахъ его говорить нечего. Все нынѣшнее поколѣніе училось по его руководствамъ: если не все выучились, не его вина. Въ собственной литературѣ онъ издалъ два романа (Поѣздка въ Германію въ 1831 г. и Черная Женщина, въ 1834 г.), письма о странствіяхъ своихъ по разнымъ странамъ Европы, и т. п. Извѣстнѣе всего его поприще журнальное. Впервые выступилъ онъ на эту стезю въ 1807 году, участіемъ въ редакціи газеты Геній Времени. Въ 1812 году началъ онъ изданіе Сына Отечества, оставленное имъ въ 1839 г., а съ 1825 г. издаетъ съ О. В. Булгаринымъ Сѣверную Пчелу — это нынѣ почти исключительное его занятіе, и въ этой работѣ онъ представленъ на рисункѣ.

Для объясненія мѣстности должно сказать, что Гречъ живетъ въ собственномъ своемъ домѣ, который приспособилъ къ своимъ потребностямъ и занятіямъ. Въ этомъ домѣ помѣщаются и редакція Сѣверной Пчелы, и контора ея, и типографія со всѣми къ ней принадлежностями и квартирами служащихъ. Кабинетъ его занимаетъ длинную, въ пять оконъ, широкую залу, окнами въ садъ и на полдень. Стѣны залы уставлены книжными шкапами. Подлѣ оконъ поставлены три стола, составляющіе три отдѣленія его занятій: 1) отдѣленіе Сѣверной Пчелы, 2) грамматикѣ и 3) корреспонденціи и другихъ текущихъ дѣлъ. Должно замѣтить, что ни одинъ шкафъ, ни одинъ ящикъ у него не замкнутъ, а отъ многихъ и ключи затеряны, что нерѣдко служило къ произведенію простора и на книжныхъ полкахъ, и въ другихъ помѣщеніяхъ, ибо кабинетъ журналиста доступенъ всякому, какъ аптека или мелочная лавочка. На картинѣ представленъ одинъ уголокъ кабинета, въ которомъ помѣщается отдѣленіе Сѣверной Пчелы. Редакторъ, кажется, отмѣчаетъ что-то въ ино-

странныхъ газетахъ, и насмѣшливо улыбается. Изъ-подъ стола виднѣнъ ящикъ, называемый *литературною могилою*: туда опускается все, что не входитъ въ Пчелу, слѣдовательно довольно кое-чего. На столѣ разложены книги и бумаги. Рисунокъ снятъ, вѣроятно, на другой день какого нибудь праздника, ибо столъ не загроможденъ, по обыкновенію, бумагами, тетрадами, брошюрами, и т. п. Покойный Гиѣдичъ называлъ такую груду *Гречевымъ Моремъ*, въ которомъ самъ хозяинъ съ трудомъ находитъ фарватеръ. Съ одной стороны стола полки съ книгами, необходимыми для справокъ при корректурѣ и т. п. Позади кресель большая клѣтка, наполненная канарейками. Это любимая забава хозяина кабинета, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда, по отправленіи всего семейства на дачу, онъ остается въ городѣ одинъ. Имѣя нѣсколько лѣтъ предъ глазами своими жизнь пернатыхъ, Гречъ увѣряетъ, что нашелъ въ нихъ совершенное сходство съ людьми: то же стремленіе къ наслажденіямъ жизни, падкость на пищу, лакомство, любовь къ прекрасному полу, кокетство и упрямство этой милой половины пѣвчаго племени, ревность и зависть, нѣжность матери къ дѣтямъ, неблагодарность дѣтей, равнодушіе къ страданіямъ ближняго, и наконецъ *честолюбіе*: вечеромъ, когда приходится отойти ко сну, каждая птичка норовитъ сѣсть выше другой, и изъ этого мѣстничества выходятъ ссоры и драки.

Довольно! Кому угодно справиться, точно ли все это такъ, тому сообщаю адресъ Н. И. Греча: 2-й Адмиралтейской Части, 4-го квартала, на Мойкѣ, между Синимъ и Поцѣлуевымъ Мостомъ, въ собственномъ домѣ, № 83.

РАБОЧАЯ КОМНАТА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, О. В. БУЛГАРИНА.

(Письмо къ издателю Русскаго Художественнаго Листка.)

Булгаринъ продалъ вотчину свою на родинѣ, и купилъ у покойнаго Герольдмейстера, потомъ Пермскаго Гражданскаго Губернатора Д. С. С. Отто Карловича фонъ Криденера, мызу Карлово, въ Лифляндіи, возлѣ города Дерпта, на самой городской чертѣ, за *двадцать пять лѣтъ* предъ симъ. Передѣлавъ и отчасти перестроивъ каменный помѣщичій домъ на мызѣ Карловѣ, Булгаринъ приспособилъ его къ своему вкусу и образу своей жизни, и помѣстилъ въ домѣ все, что составляетъ его наслажденіе. Въ Карловѣ есть отличная библіотека и даже драгоценная, по коллекціямъ словарей, географическихъ картъ, первопечатныхъ книгъ со времени изобрѣтенія книгопечатанія (*incunabula*), даже съ 1452 года, рукописей, гравюръ и т. п.; есть небольшое, но хорошее собраніе картинъ, пи-

санных масляными красками, собраніе портретовъ предковъ Булгарина, съ 1564 года, физическіе и астрономическіе инструменты и между прочимъ пассажный телескопъ, работы знаменитаго Фрауэнгофера, и проч. — Однимъ словомъ, лишь только вы переступили чрезъ порогъ карловскаго дома, надъ дверьми котораго, внутри, надписанъ стихъ изъ псалма: «Eine feste Burg ist unser Gott,» — вы чувствуете, что находитесь въ жилищѣ Европейца. Тамъ, въ Карловѣ, Булгаринъ устроилъ себѣ уютное убѣжище, которое Англичане выражаютъ словомъ home, а Французы: le chez soi. Нѣмцы также имѣютъ прекрасное и выразительное слово heimisch, для наименованія спокойнаго, тихаго, привычнаго уголка. Но въ Карловѣ Булгаринъ проживаетъ три или четыре лѣтніе мѣсяца въ году, а остальное время только помышляетъ объ немъ, и стремится къ нему душою. Я былъ два раза въ Карловѣ — и не могъ умолчать объ немъ, говоря о рабочей комнатѣ Булгарина. Въ Петербургѣ Булгаринъ живетъ въ наемной квартирѣ, и уже пятнадцать лѣтъ сряду занимаетъ верхній этажъ въ домѣ наслѣдниковъ Почетнаго Гражданина Мѣняева, надъ извѣстнымъ женскимъ пансіономъ Г-жи Пяге (на Невскомъ Проспектѣ, за Аничковымъ Мостомъ). Семейство у Булгарина большое, и самъ онъ занимаетъ двѣ небольшія комнаты, въ которыя особый входъ изъ передней. Въ этихъ двухъ комнатахъ нѣтъ ни щегольства, ни роскоши, и Булгаринъ живетъ въ нихъ, какъ будто проѣздомъ, или, какъ говорится, *на мази*, готовый каждую минуту отправиться въ Карлово. Но для наблюдателя эти двѣ комнатки, въ которыхъ живетъ, и безпрестанно и неутомимо работаетъ Булгаринъ, заключаютъ въ себѣ много характеристическаго. Въ первой комнатѣ на стѣнахъ вы видите коллекцію рисунковъ знаменитаго карандашиста Орловскаго и собственный его портретъ, написанный имъ въ 42 минуты, передъ зеркаломъ. Коллекція эта тѣмъ замѣчательнѣе, что всѣ рисунки (исключая одного, писаннаго тушью) импровизированы Орловскимъ въ квартирѣ Булгарина, въ слѣдствіе какого нибудь разговора или событія. Обращаютъ также на себя вниманіе въ этой комнатѣ два характерные рисунка акварелью и одинъ карандашомъ извѣстнаго и любимаго публикою водевилиста и актера П. А. Каратыгина. Одинъ рисунокъ изображаетъ Г-жу Віардо-Гарцію, Гг. Рубини и Тамбурины на театральной пробѣ; другой, покойнаго К. П. Брюллова, пишущаго портретъ съ покойнаго академика Я. О. Яненки, и тутъ же Н. В. Кукольника, который смотритъ на работу. Рисунокъ карандашомъ изображаетъ бесѣду К. П. Брюллова, Я. О. Яненки, Н. В. Кукольника и Н. А. Полеваго. Портреты схожи, какъ двѣ капли воды. Весьма замѣчательнъ портретъ знаменитой пѣвицы и актрисы Полины Віардо-Гарціи, рисованный ею карандашомъ и весьма схожіей. Любимица нашей публики мастерица во всѣхъ искусствахъ! Въ этой же комнатѣ вы увидите на стѣнѣ превосходное изображеніе бѣлорусскаго крестьянина, которое литографировалъ Полковникъ Краминъ, когда главная квартира Фельдмаршала Графа Сакена была въ Могилевѣ. Чрез-

вычайно рѣдкія и любопытныя двѣ гравюры находятся въ этой комнатѣ. Императрица Екатерина Вторая намѣревалась важнѣйшія дѣла Своего царствованія изобразить въ гравюрахъ, и для этого выписаны были иностранные граверы, и въ числѣ ихъ извѣстный Вендрамини. Оттиснуто было только восемь гравюръ, а прочія сгорѣли въ бывшемъ тогда пожарѣ въ печатной Академіи Наукъ. Уцѣлѣло не болѣе десяти полныхъ экземпляровъ или семьдесятъ оттисковъ, и Булгаринъ случайно приобрѣлъ всѣ восемь оттисковъ, т. е. что было оттиснуто. Одинъ эстампъ изображаетъ коронованіе Императрицы Екатерины Второй, въ Успенскомъ Соборѣ, въ Москвѣ, а другой аудіенцію Турецкому Послу. Молодые Великіе Князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ изображены стоящими по обѣимъ сторонамъ трона. Группы превосходныя, но лучше всего архитектурическая часть. Остальные шесть эстамповъ хранятся въ Карловѣ. Тутъ же эскизъ Сѣнной Площади зимою, который В. О. Тиммъ подарилъ на память Булгарину; портреты Наполеона, Екатерины Второй и нѣкоторыхъ живыхъ знаменитыхъ лицъ и вельможъ, которыхъ я не смѣю называть, потому что кабинетныя тайны не публикуются. Это, пожалуй, примутъ за лестъ! Надъ рисунками и гравюрами рядъ масокъ великихъ мужей: Императора Александра и Наполеона, Петра Великаго и Карла XII, Генриха IV и Фридриха Великаго, и наконецъ Шекспира, Ньютона, Гете, Шиллера, и проч., словомъ, въ маленькой комнатѣ много для ума и чувства! Въ другой комнатѣ шкафъ съ книгами, самыми необходимыми для журнальных справокъ, письменный столъ, и на стѣнѣ портреты и бюстики лицъ, близкихъ къ сердцу хозяина квартиры. Изъ умершихъ укажу на миниатюрный портретъ Графа Ангальта, незабвеннаго начальника Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса (нынѣ 1-й Кадетскій), въ которомъ воспитывался Булгаринъ, и портреты А. С. Грибоѣдова и А. Н. Греча, и бюсты Наполеона; почитаемаго Булгаринимъ покойнаго Графа Бенкендорфа, любимаго его поэта Шиллера и акварельное изображеніе Наполеона на Островѣ Св. Елены, писанное для Булгарина старымъ другомъ его и товарищемъ покойнымъ Карломъ Карловичемъ Мердеромъ. И тутъ не назову живыхъ лицъ, по той самой причинѣ, какъ и прежде. О жизни и приключеніяхъ Булгарина каждый можетъ читать въ его *Воспоминаніяхъ*, а литературная жизнь его передъ нами, и каждый можетъ судить объ ней, какъ ему угодно. Что онъ работаетъ много и усердно, не имѣя досуга на свѣтскія развлеченія, ни на обѣды, ни на вечера, ни на театры и маскарады — это всѣ видятъ, а каковы всѣ его работы, приговоръ зависитъ отъ вкуса и понятій каждаго:

«Увы, насильно милымъ

Не будешь никому!»

Вотъ вамъ и статейка, по вашему желанію! Дѣлайте съ нею что хотите, а меня не поминайте лихомъ. И. С.—гъ.

Къ № 4-му Русскаго Художественнаго Листка приложенъ листъ первый съ портретами редакторовъ русскихъ періодическихъ изданій. На этомъ Листкѣ изображены издатели газеты «Сѣверная Пчела», Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 30-го Января 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОМЪ.

№ 3.

10-го ФЕВРАЛЯ.

1855 года.

ОЧЕРКЪ ТИФЛИСА.

Въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х., Тифлисомъ называлась небольшая деревня въ одномъ изъ ущелій на берегахъ Куры, въ двадцати двухъ верстахъ (по нынѣшнему измѣренію) отъ Мцхета, древней столицы Грузіи. Деревня эта славилась цѣлебными силами своихъ горячихъ минеральныхъ источниковъ. Грузинскій Царь Вахтангъ Гургесланъ сталъ обносить ее каменными стѣнами, и назвалъ городомъ. Сынъ его, Дачи, довершилъ постройку стѣнъ, и въ 499 году, Тифлису суждено было содѣлаться столицей Грузіи. Надъ нимъ протекло четырнадцать столѣтій, въ продолженіе которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, нѣсколько разъ значительно измѣнился внѣшній видъ его. — Въ концѣ двѣнадцатаго вѣка и въ началѣ тринадцатаго, Тифлисъ процвѣталъ подъ мудрымъ управленіемъ Царицы Тамары, имя которой есть едва ли не единственное, которое до сихъ поръ хранится въ народной памяти. Но кто только вообразить себѣ, что Тифлисъ испыталъ около тридцати опустошительныхъ вторженій непріятели; что не было почти ни одного восточнаго завоевателя, который не пыталъ бы надъ нимъ силу своихъ; что въ 1222 году, Чингисханъ разгромилъ его, что въ 1403 году Тамерланъ прошелъ въ шестой разъ по его дымящимся развалинамъ, что Надиръ-Шахъ, Шахъ-Абазъ и многіе другіе восточные владыки Востока обгадили кровью дома его, и ругались надъ его святынями, — тотъ невольно изумится и спроситъ: какъ еще могли уцѣлѣть слѣды этого города, не только самый городъ? Въ 1795 году, въ царствованіе Ираклія, нашествіе Али-Магомедъ-Хана было послѣднимъ ударомъ, сокрушившимъ силы царства, уставшаго въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ бороться за свою печальную независимость. — Грузія прибѣгла къ покровительству Россійскихъ Монарховъ: манифестомъ Императора Павла I, въ 1801 году 18-го Января, она навсегда присоединена къ Россіи, и Тифлису вновь суждено возникнуть изъ развалинъ и пепла, подобно фениксу, и стать однимъ изъ обширнѣйшихъ губернскихъ городовъ Россіи. Прошло съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ русскія знамена появились въ стѣнахъ его, и кто теперь узнаетъ тотъ самый городъ, гдѣ, по словамъ Клапрота, посѣтившаго Тифлисъ въ 1807 году, кучи мусора составляли цѣлую треть, а остальныя двѣ трети были кое-какъ застроены. Кто теперь, по его описанію, узнаетъ тотъ городъ, гдѣ улицы такъ тѣсны, что арба можетъ проѣхать только по самымъ широкимъ, а по переулкамъ и небольшимъ улицамъ едва одинъ верховой, гдѣ, во время грязи, два пѣшехода, идя рядомъ, должны бе-

речься, чтобъ не толкнуть другъ друга. Да, изъ такого описанія не узнаете вы современнаго намъ Тифлиса. Въ послѣднія десять лѣтъ въ особенности измѣнился наружный видъ его, и городъ далеко раздвинулъ свои предѣлы. Чтобъ написать исторію быстраго возникновенія и устройства Тифлиса, начиная съ первой удобной для проѣзда улицы, именно *Армянской*, съ большими препятствіями проложенной по приказанію Главнокомандовавшаго А. П. Ермолова, до постройки огромнаго театральнаго зданія, по мысли Его Свѣтлости Намѣстника Кавказскаго Князя Воронцова, надобно наполнить цѣлый томъ, и, быть можетъ, потеряться въ исчисленіи новыхъ улицъ, переулковъ, зданій частныхъ и общественныхъ. Занимательна была бы сравнительная статистика Тифлиса 1800-го, 1825-го и 1850-го годовъ. Но за неимѣніемъ подъ руками цифръ, расскажу просто, чѣмъ, на примѣръ, былъ Тифлисъ до первой персидской кампаніи.

Кто теперь повѣритъ, что пріѣзжіе не находили квартиръ, и занимали грязныя сакли; извозчиковъ не было; на балъ къ Главнокомандовавшему, въ сильный дождь, чтобъ не промочить ногъ или не увязнуть въ грязи, иные занимали *мушей*, и нерѣдко такимъ образомъ отправлялись на спинѣ носильщика. Не было ни одной порядочной гостиницы; торговля была до того ничтожна, что, какъ рассказывали мнѣ люди, бывшіе въ то время въ Грузіи, нельзя было найти полдюжины стакановъ для покупки. Сообщенія съ Россіей были затруднительны; въ 1812 году, болѣе нежели по два мѣсяца Русскіе не получали писемъ, и изнывали въ горькомъ невѣдѣніи объ участи своего отечества. Общество было самое небольшое. Туземки, при встрѣчѣ съ Русскими, отворачивались и закрывались чадрами. Тѣснота улицъ, духота и зной пораждали разныя лихорадки и горячки, которыя трудно было излечивать, и Тифлисъ, нынѣ пользующійся самымъ здоровымъ климатомъ, слылъ когда-то городомъ, убійственнымъ для здоровья.

Теперь, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, вы не только можете пользоваться всеми возможными удобствами, вы можете даже роскошничать, если только у васъ есть деньги и вы привыкли къ роскоши: прекрасныя гостиницы, двухъ-этажныя и трехъ-этажныя каменные дома съ удобными квартирами, широкія улицы, мостовыя, парные извозчики, газовое освѣщеніе въ темныя ночи, тысячи лавокъ и множество магазиновъ, наполненныхъ всевозможными товарами, театръ съ русскими водевилями и италіанскою оперою, публичная бібліотека, балы у Князя-Намѣстника, на которые собирается иногда до шести сотъ человѣкъ гостей; вечера, гдѣ Грузинки, точно такъ же какъ и русскія дамы, составляютъ цвѣтъ общества — словомъ, едва ли

много найдется такихъ губернскихъ городовъ, которые могли бы теперь соперничать съ Тифлисомъ.—Просмотрите тифлискіе календари, издаваемые при Канцеляріи Князя Намѣстника, если хотите знать, сколько учреждений по всеѣмъ отраслямъ управленія даютъ жизнь этому городу, и на весь Закавказскій Край простираютъ свое благодѣтельное глѣніе.

Изъ Россіи въ Тифлисъ три главные пути сообщенія. Первый изъ нихъ, чрезъ Владикавказъ, живописнымъ Дарьяломъ, по Военно-Грузинской Дорогѣ, берегами Терека, и по ту сторону сѣвдаго хребта, чрезъ Пасанауръ, Анануръ и Душетъ. Другой изъ Одессы, Чернымъ Моремъ, потомъ чрезъ Редутъ-Кале, Кутаисъ и Гори. Третій изъ Астрахани, Каспійскимъ Моремъ, потомъ чрезъ Баку, Шемаху и Елисаветполь. Избравши первые два пути, вы вѣдете въ Тифлисъ Московскою Заставою, съ одного конца города; избравши послѣдній путь, съ другаго конца его. Въ первомъ случаѣ, при самомъ вѣздѣ, не знаю, пріятно или непріятно поразитъ васъ широкая, правильная улица (Головинскій Проспектъ), ни чѣмъ рѣзко не отличающаяся отъ главныхъ улицъ нашихъ губернскихъ городовъ; во-второмъ случаѣ, ручаюсь за самое выгодное впечатлѣніе: передъ вами вдругъ откроется великолѣпная панорама восточной части полуазіатскаго города, масса безкровельныхъ домовъ, цѣпляющихся по скатамъ каменныхъ утесовъ, конусообразные верхи церквей, виноградные сады, бѣлые куполы бань и минареты. Тифлисъ расположенъ вдоль узкаго ущелья, по берегамъ извилистой рѣки Куры, и съ одного конца города вы не увидите другаго конца его. Видъ Тифлиса, приложенный къ № 5-му Русскаго Художественнаго Листка, далеко не вмѣщаетъ въ себя и половины города. Вы не увидите здѣсь, ни развалинъ старой крѣпости, на каменной скалѣ, каменными зубцами заслонившихъ собою чудную растительность ботаническаго сада, ни живописнаго Салалакскаго Ущелья, ни театральнаго зданія съ тремя ярусами галерей, ни дома, занимаемаго Его Свѣтлостію Княземъ-Намѣстникомъ (*), ни зданія военнаго штаба съ башенными часами, ни Первой Тифлисской Гимназіи, ни даже Монастыря Святаго Давида на Святой Горѣ (*Мта-Цмнда*), гдѣ погребено тѣло нашего незабвеннаго Грибоѣдова. Однимъ словомъ, едва ли гдѣ нибудь въ Тифлисъ можно стать на такую точку зрѣнія, съ которой удобно было бы снять панораму цѣлаго города.

Чтобъ описать Тифлисъ съ его окрестностями, не упуская ни одной изъ его достопримѣчательныхъ историческихъ древностей, нужно, написать, если не цѣлый томъ, по крайней мѣрѣ, статью большихъ размѣровъ, что, согласитесь, читатели, было бы не совсѣмъ умѣстно въ Листкѣ, котораго главное назначеніе знакомитъ своихъ подписчиковъ, по преимуществу, помощью литографическаго карандаша, нагляднымъ образомъ. Художественный Листокъ одного не можетъ упустить изъ виду, именно,

(*) Смотр. Р. Х. Листокъ 1851 г. № 5.

что Тифлисъ для истиннаго художника не исчерпаемъ въ красотахъ своихъ. Одинъ базаръ, съ его живописными группами Грузинъ, Имеретинъ, Персіянъ, Курдовъ, Лезгинъ, Татаръ и другихъ племенъ, какую богатую жатву дастъ карандашу въ рукахъ талантливаго художника! Сколько типовъ, какое разнообразіе въ костюмахъ!

Въ послѣднее пятилѣтіе, Тифлисъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ много Русскихъ дѣятелей на поприщѣ искусства. Князь Гагаринъ, извѣстный своими рисунками въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ изданій въ Европѣ, въ своемъ *le Caucase pittoresque* (*), своимъ пребываніемъ въ Грузіи, принесъ несомнѣнную пользу относительно развитія искусствъ за-Кавказомъ. Не говоря уже о многихъ планахъ новыхъ церквей, поправленныхъ, или совершенно передѣланныхъ рукою его, во вкусѣ древне-византійскомъ, не говоря уже о многихъ иконостасахъ, имъ самимъ расписанныхъ, укажемъ на театръ, гдѣ все, начиная съ плафона и баллюстрады ложъ до послѣдняго завитка на люстрѣ, исполнено по его рисункамъ и по большей части имъ самимъ исполнено, по недостатку искусныхъ работниковъ. Не знаемъ, на чемъ остановилось новое его предположеніе, о которомъ такъ много говорили, и отъ котораго такъ много ожидали: расписать внутри стѣны древняго Сіонскаго Каѳедральнаго Собора въ Тифлисъ, расписать его въ древнемъ византійскомъ стилѣ, придерживаясь стіля тѣхъ немногихъ памятниковъ церковной живописи въ Грузіи, которыхъ остатки съ каждымъ годомъ теряются на закоптѣлыхъ стѣнахъ древнихъ грузинскихъ храмовъ, подъ руками непризванныхъ и далеко не искусныхъ маляровъ. Князь Гагаринъ въ особенности полезешъ не только многосторонностью своего таланта, но и практическими своими познаніями въ матеріальной части каждаго художества; на примѣръ искусство составлять массу для лѣпныхъ работъ и искусство золотить, точно такъ же ему не чужды, какъ и искусство составлять краски. Дѣятельность его неистощима, и мы вправѣ многого ожидать отъ рукъ его. Мастерская для живописи, на свой счетъ устроенная княземъ, на дворѣ занимаемаго имъ дома, также останется надолго памятникомъ его пребыванія въ Тифлисъ. Будущіе, вслѣдъ за нимъ появившіеся въ Грузіи художники, несомнѣнно, будутъ благодарны ему за такую мастерскую.

Намъ приходитъ въ голову много именъ талантливыхъ художниковъ, въ послѣднее время посѣтившихъ Тифлисъ, или надолго избравшихъ его мѣстомъ своего пребыванія; но не будемъ упоминать о трудахъ ихъ прежде времени.

О.

(*) Смотр. Р. Х. Листокъ 1852 г. № 8.

На рисунокъ, приложенномъ къ № 5-му Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ видъ города Тифлиса.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ДОМА ШТИГЛИЦА И К^о.

1-го Января нынѣшняго года совершилось пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія извѣстнаго во всей Россіи и въ Европѣ торговаго дома Барона Штиглица. Естественно явилась мысль отпраздновать достойнымъ образомъ этотъ день, замѣчательный въ лѣтописяхъ русскаго коммерческаго міра.

Путру, въ двѣнадцать часовъ, всѣ служащіе въ конторѣ этого знаменитаго торговаго дома, явились къ Барону Александру Людвиговичу Штиглицу. Одинъ изъ среды ихъ произнесъ рѣчь, въ которой сильно и краснорѣчиво выразилъ благодарность къ покойному основателю дома, Барону Людвигу Ивановичу и чувства искреннѣйшей преданности нынѣшнему хозяину. Баронъ Александръ Людвиговичъ отвѣчалъ съ свойственною ему скромностью, приписывая весь успѣхъ торговаго дома покойному своему родителю; рѣчь его была безъ всякой изысканности, но очень дѣльная и шла прямо къ сердцу.

Послѣ произнесенія рѣчей, трое изъ главныхъ сотрудниковъ Барона Штиглица поднесли ему, на память объ этомъ торжественномъ днѣ, серебряную вазу превосходной отдѣлки.

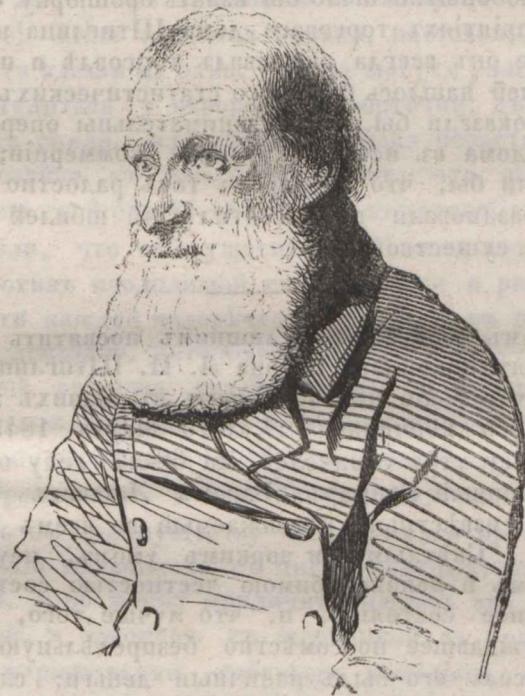
Прочіе служащіе въ конторѣ поднесли Барону золотую на этотъ случай вычеканенную медаль, на которой съ одной стороны изображены портреты основателя дома, Барона Людвигу Ивановича, и его сына, нынѣшняго владѣльца дома, а на другой сторонѣ представленъ геній торговли и промышленности, съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ, и съ рогомъ изобилія въ другой. Медаль эта была вложена въ богатый футляръ, на которомъ изображенъ былъ гербъ фамиліи Штиглица, и выставлены годы: 1803, 1826 и 1853; первый указываетъ на эпоху основанія торговаго дома, второй на пожалованіе фамиліи Штиглица баронскаго Россійской Имперіи достоинства, а третій на день пятидесятилѣтняго юбилея. Медаль замѣчательна не по одной благородной мысли, которая внушала Гг. служащихъ у Барона Штиглица: исполненіе ея также заслуживаетъ похвалу, какъ и чувство, внушившее ее.

Потомъ одинъ изъ родственниковъ Барона пропѣлъ стихи на Нѣмецкомъ Языкѣ, сочиненные имъ на этотъ случай. Въ нихъ коротко, но живо были выражены благодарное воспоминаніе о покойномъ Л. И. Штиглицѣ, и сердечная привязанность къ его сыну. Замѣчательна музыка, нарочно сочиненная къ этимъ стихамъ. Друзья и пріятели Барона повторяли послѣднія строфы хоромъ, и эта лирическая сцена произвела поразительно пріятный эффектъ.

Послѣ того праздникъ изъ семейнаго превратился въ общій. Съѣхалось множество гостей, желавшихъ отъ души поздравить юбиляра. На этотъ случай Рижскій Биржевой Комитетъ прислалъ въ С. Петербургъ банкира Стефани, съ письменнымъ поздравленіемъ, въ коемъ, отъ лица рижскаго купечества, благодаритъ за содѣйствіе, оказанное

торговому домомъ Штиглица рижской торговлѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ.

Въ шесть часовъ начался обѣдъ, на которомъ присутствовали друзья дома и всѣ служащіе въ конторѣ. За обѣдомъ самые откровенные и искренніе тосты подавали поводъ къ рѣчамъ дѣльнымъ и занимательнымъ. Въ концѣ обѣда, позванъ былъ артельщикъ Андрей Алексѣевъ,

Артельщикъ Андрей Алексѣевъ.

который служить торговому дому почти съ самаго его основанія, то есть около пятидесяти лѣтъ. Его длинная, сѣдая борода, внушающая почтеніе, показывала, что онъ уже довольно пожилъ на свѣтѣ. Дѣйствительно, ему теперь 70 лѣтъ. За здоровье его пили всѣ гости; каждый съ нимъ чокался. Баронъ Александръ Людвиговичъ привѣтствовалъ его отъ души; Алексѣевъ отвѣчалъ по-своему, просто, но сильно, со слезами вспоминалъ о покойномъ своемъ благодѣтелѣ, родителѣ нынѣшняго хозяина знаменитаго торговаго дома. Сцена была трогательная и умильная: она возбуждала множество воспоминаній, и множество самыхъ утѣшительныхъ, самыхъ сладкихъ мыслей о будущемъ!

На вечеръ никого не звали, но пріѣхали многіе члены Дипломатическаго Корпуса, многія знатныя особы и извѣстные негоціанты. Совершенно неожиданно составился балъ, тѣмъ болѣе оживленный, что къ нему вовсе не готовились, и начали танцовать безъ особенныхъ приготовленій. Вечеръ этотъ имѣлъ всю прелесть неожиданности. Балъ кончился ужиномъ, за которымъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ С. Петербургскаго Биржеваго Комитета произнесъ рѣчь, превосходно приуроченную къ обстоятельствамъ этого дня. Онъ показалъ, какъ умно, дѣльно и добросовѣстно велся и теперь ведется торговый домъ Ба-

рона Штиглица. Рѣчь эта можетъ служить лучшимъ панегирикомъ уму и таланту Александра Людвиговича, который мастерски ведетъ самыя трудныя коммерческія предпріятія.

Такъ кончился праздникъ, незабвенный для друзей и почитателей этого дома. Онъ навсегда останется въ сердцахъ ихъ. Въ этотъ день Баронъ Александръ Людвиговичъ не ограничился однимъ весельемъ: многое *сдѣлано для многихъ*. Всѣ служащіе въ конторѣ его награждены въ возможной степени; но мы не имѣемъ права рассказывать о благодѣяніяхъ этого дня, скажемъ только, что старинный слуга, артельщикъ Андрей Алексѣевъ, также не былъ забытъ при этомъ случаѣ, и будущая его участь обезпечена. Одного недоставало въ этомъ торжествѣ: самого незабвеннаго основателя дома. За то все было имъ полно. Мраморный бюстъ его былъ поставленъ благодарнымъ сыномъ на возвышеніи, великолѣпно украшенномъ цвѣтами; все и всѣ обращались къ этому памятнику теплой, живѣйшей любви. Никто не забылъ старца, основателя торговаго дома, честиѣйшаго и добрѣйшаго человѣка, благотворителя ближнимъ и ревнителя просвѣщенія.

Очень любопытно было бы издать брошюрку объ огромныхъ предпріятіяхъ торговаго дома Штиглица и о содѣйствіи, какое онъ всегда оказывалъ торговлѣ и промышленности. Въ ней нашлось бы много статистическихъ данныхъ, которыя показали бы, какъ занимательны операціи этого торговаго дома въ исторіи русской коммерціи; съ тѣмъ они доказали бы, что не даромъ такъ радостно и торжественно праздновали пятидесятилѣтній юбилей его блистательнаго существованія.

При этомъ полагаемъ не лишнимъ посвятить нѣсколько строкъ памяти покойнаго Барона Л. И. Штиглица, именно сообщить, что было писано о немъ въ нашихъ журналахъ по случаю его кончины (*): «6-го Марта 1843 года, въ девятомъ часу утра скончался, на 68-мъ году отъ рожденія, Придворный Банкиръ Баронъ Людвигъ Ивановичъ Штиглицъ, извѣстный и уважаемый во всемъ коммерческомъ мірѣ. Свѣтлымъ и зоркимъ умомъ, неутомимымъ трудолюбіемъ и непоколебимою честностью составилъ онъ себѣ огромное состояніе, и, что лучше того, приобрѣлъ имя, возбуждавшее повсемѣстно безпредѣльную довѣренность: вексель его былъ наличныя деньги; слово лучше всякаго векселя. Но занятія дѣлами коммерческими и банкирскими не заграждали души его отъ вліянія и впечатлѣнія всего изящнаго и добраго. Воспримчивый и образованный умъ его находилъ отраду и удовольствіе въ занятіяхъ и бесѣдахъ ученыхъ и литературныхъ. Рѣдко давалъ онъ блистательныя балы и пиршества, но любилъ окружать себя людьми умными и просвѣщенными, и въ ихъ бесѣдѣ находилъ отдохновеніе послѣ трудовъ своихъ. Онъ прилежно и внимательно слѣдилъ за ходомъ и успѣхами литературы въ Европѣ, и корреспонденты его отовсюду присылали ему всѣ достойныя вниманія книги, лишь только онѣ появлялись. Всею душою привязанный къ Государю и Россіи, онъ былъ самый пламенный и усердный патриотъ, и при всякомъ общепольномъ и благомъ дѣлѣ, первое имя въ подпискѣ было Штиглицъ. Избытки свои употреблялъ онъ на благотвореніе ближнимъ, истинно нуждающимся, и требовалъ только, чтобы не говорили о

его добрыхъ дѣлахъ: они открываются нынѣ, послѣ его кончины, и составляютъ ему самое краснорѣчивое надгробное слово. Въ семействѣ своемъ, достойномъ такого отца, онъ былъ искренно любимъ и уважаемъ. Горесть, причиненная внезапною его кончиною, неліцемерна и неизобразима. Память о немъ никогда не исчезнетъ въ душѣ тѣхъ, которые его знали и чтили.

«Погребеніе Барона Штиглица происходило 11-го Марта. Въ Лютеранской Церкви Св. Петра собрались къ первому часу пригласенныя особы, и весь храмъ наполнился желанными воздать послѣдній долгъ усопшему. Въ числѣ ихъ были русскіе и иностранные министры и другіе знатнѣйшіе чиновники, военные и гражданскіе и все санктпетербургское купечество. По просьбѣ купечества и по докладу Г. Министра Финансовъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на закрытіе въ сей день Биржи, что бываетъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. По произнесеніи надгробной рѣчи Пасторомъ Фроманомъ и по совершеніи духовнаго обряда, гробъ вынесенъ былъ изъ церкви особами купческаго сословія, друзьями и сотрудниками покойнаго и поставленъ на дроги подъ балдахиномъ. Впереди несли ордена, которыми Государь Императоръ благоволилъ наградить услуги покойнаго государству; затѣмъ шли воспитанники Санктпетербургскаго Коммерческаго Училища и Высшаго Коммерческаго Пансіона, въ Совѣтахъ коихъ Баронъ Штиглицъ былъ членомъ. Ни какія вишнія украшенія не обременяли гроба: онъ покрытъ былъ вѣнками, которые любовь дѣтская сплела ему изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Не было ни гербовъ, ни коронъ баронскихъ. За гробомъ ѣхала не траурная великолѣпная карета, а обитая чернымъ сукномъ скромная колясочка, въ которой обыкновенно ѣздилъ покойный. Большая часть присутствующихъ провожали шествіе пѣшкомъ. Когда колесница выѣхала на Невскій Проспектъ, ей должно было остановиться. Вся эта широкая улица до перекрестка Литейной наполнена была народомъ. И далѣе, по пустыннымъ въ обыкновенное время улицамъ, ведущимъ на Волково Поле, стояли густыя толпы. И въ этихъ массахъ народныхъ, конечно, не было одного человѣка, который могъ бы произнести малѣйшую жалобу на умершаго, а сколько тысячъ благословляли его память, и желали ему награды на небесахъ. На могилѣ произнесъ рѣчь Пасторъ Муральтъ и Пасторъ Фроманъ прочиталъ молитву. По опущеніи гроба, родные, ближніе и друзья, съ сокрушеннымъ сердцемъ бросали землю на гробъ почившаго. Когда дошла очередь до одного русскаго литератора, пользовавшагося нѣсколько лѣтъ его дружбою, онъ не могъ удержать чувствъ своихъ, и въ немногихъ словахъ исчислилъ, по-русски, достоинства и заслуги покойнаго и выразилъ общую скорбь о неожиданной его потерѣ. Слова неприготовленныя, излившіяся прямо изъ сердца, нашли путь къ сердцамъ слушателей.»

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 6-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) портретъ Барона Людвигъ Ивановича Штиглица; 2) портретъ Барона Александра Людвиговича Штиглица; 3) медаль, поднесенная Барону А. Л. Штиглицу, служащими въ его конторѣ, 1-го Января 1853 года; 4) Образцовый Пріютъ Барона Штиглица, въ Малой Мастерской Улицѣ, въ С. Петербургѣ; 5) домъ Барона Штиглица на Англійской Набережной, въ С. Петербургѣ.

(*) См. Сѣв. Пчелу 1843 года.

ШАРМАНЩИКЪ.

На небольшомъ пространствѣ земли, занимаемомъ Петербургомъ, скопилось населеніе, равное числомъ жителей иной губерніи. Съ разсвѣтомъ каждаго дня, въ положенные часы, какъ пчелы изъ ульевъ, спѣшать изъ домовъ цѣлые рои людей на добываніе насущнаго хлѣба, на добываніе денегъ, употребляя къ тому въ дѣло руки, ноги, языкъ, горло и наконецъ голову. Къ десяти часамъ утра почти всѣ уже на своихъ мѣстахъ, и дома остаются по большей части женщины, дѣти и прислуга, всѣ за свойственными имъ занятіями и обязанностями. Съ того же часа начинаютъ появляться на дворахъ домовъ разнаго рода промышленники.

Быть каждаго класса и каждаго ихъ вида, отдѣльно и въ урочный часъ, въ этой огромной и разнообразной картинѣ, можетъ представить неистощимую пищу искусному карандашу и перу; но, на первый случай, посвятимъ нѣсколько строкъ очерку особаго разряда забѣжкихъ къ намъ промышленниковъ, рѣзко отличающагося отъ прочихъ заморскихъ искателей фортуны, т. е. денегъ.

Вотъ музыканты на дворѣ ударили въ смычки, или шарманка затянула веселую таньку, и всѣ жильцы дома, сверху до низа, какъ бы по мановенію магическаго жезла, бросаются къ окнамъ. Не знаю, приписать ли это врожденному любопытству человѣка и желанію воспользоваться всякимъ удовольствіемъ, могущимъ развлечь и усладить его повседневную, однообразную жизнь; или, напротивъ, это стремленіе должно отнести къ непобѣдимому влиянію музыки на душу каждаго человѣка, въ особенности жителя Петербурга, какъ города не даромъ снискавшаго себѣ славу музыкальнаго? Предоставляю рѣшеніе этой задачи психологамъ, и перейду къ предмету настоящаго очерка — уличнымъ музыкантамъ.

Бросьте взглядъ на любой дворъ, гдѣ раздались звуки какой либо музыки — во всѣхъ окнахъ всѣхъ этажей виднѣются головы дѣтей, нянекъ, кухарокъ, лакеевъ и самихъ господъ; даже котъ васька, обходившій дозоромъ чердаки, съ края крыши смотритъ съ любопытствомъ на дворъ.

Тамъ, предъ музыкантомъ или музыкантами, и водовозъ съ боченками на салазкахъ, и дворникъ съ метлой, и подмастерье сапожника съ шиломъ въ рукѣ и дратвой за ухомъ, а подъ часъ и съ талеркой съѣстнаго изъ мелочной лавочки, и лакей съ чайникомъ кипятка на десятиградусномъ морозѣ, а подъ воротами десятка два прохожихъ стоятъ неподвижно и слушаютъ польку-трясучку; если же это Италіянецъ, юлой вертящійся и подсвистывающій подъ жужжаніе своей лиры (*), или еще лучше

съ обезьяной на бѣлой лошаdkѣ, представляющей штуки — то общій хохотъ оживляютъ эту разнообразную сцену. Тогда форточка за форточкой отворяются, и бѣлыя ручки кидаютъ къ ногамъ неутомимыхъ странствующихъ музыкантовъ, плясуна или хозяина штукмейстерши обезьяны, гривенники и пятаки, завернутые въ бумагу.

Но загляните въ любую квартиру или кухню: сколько безпорядка и даже бѣды причинило это минутное, неодолимое развлеченіе! Здѣсь сердится нянька, наставница или мать, зачѣмъ дѣти влезли на окна, откуда могутъ упасть на полъ, или простудиться у отворенной форточки; дѣти плачутъ, зачѣмъ ихъ сняли, или зачѣмъ музыка перестала играть, а тутъ хозяйка съ ужасомъ видитъ, что за кухаркой, покинувшею свой очагъ, сбѣжали и кипятившіяся на плитѣ сливки, или, что еще ужаснѣе, сбѣжалъ кофе! Что же дѣлать противъ неодолимой силы музыки и развлеченія — потребности каждой человѣческой души, а въ особенности, какъ уже доказано, петербургской!..

Уличные артисты раздѣляются: на музыкантовъ съ инструментами духовыми и струнными, въ компаніи пяти, семи, а иногда и болѣе человѣкъ странствующихъ заграничныхъ и остзейскихъ виртуозовъ; на шарманщиковъ по преимуществу италіянскаго происхожденія; той же націи мальчиковъ съ инструментомъ, называемымъ ими лирой, а по моему приличію назвать его пчелой или жужжалкой, и наконецъ съ шарманкой съ приложеніями, т. е. съ маріонетками, собачьею комедіею, обезьянами, плясуньею дѣвочкой, эквилибрическими упражненіями цѣлаго семейства, или съ акомпаниментомъ пѣнія нѣмецкихъ, очень чувствительныхъ романсомъ мужчиною или женщиною, у которыхъ впрочемъ, голосъ остался за границею.

Изъ всѣхъ родовъ уличныхъ артистовъ, скажу подробнѣе о шарманщикахъ, ибо рисунокъ этого нумера Художественнаго Листка знакомитъ читателей съ характеристическою картиною (tableau de genre) соотечественника нашего, даровитаго художника Чернышева, изображающею шарманщика, окруженнаго толпою любопытныхъ зѣвакъ-слушателей.

Лѣтъ за тридцать и болѣе предъ симъ, когда не было уличныхъ оркестровъ, странствующихъ со двора во дворъ музыкантовъ, промыселъ шарманщика былъ очень прибыточенъ. Тогда съ наступленіемъ каждой весны, на корабляхъ съ мессинскими апельсинами, пріѣзжали къ намъ очень много Италіянцевъ разнаго возраста, изъ Неаполя и другихъ мѣстъ, и зарабатывали хорошій хлѣбъ, не только игрою по дворамъ домовъ и на гуляньяхъ, но и на дѣтскихъ вечерахъ и даже на семейныхъ пирушкахъ ремесленниковъ, гдѣ находили весьма удобнымъ танцовать подъ звуки шар-

(*). Такъ называютъ они свой инструментъ, который издаетъ какіе-то жужжащіе звуки.

манки вальсы, грессфатеръ, экоссесъ и кадрили. Но въ послѣдствіи оркестры странствующихъ музыкантовъ, а еще болѣе распространившееся обученіе музыкѣ на фортепіанѣ въ женскомъ полѣ средняго сословія, окончательно изгнали скромную шарманку, и сдѣлали ее достояніемъ улицъ и дворовъ. Такимъ образомъ ревность Италіянцевъ къ услажденію петербургской публики звуками шарманки и доморощенныхъ инструментовъ стала охлаждать; но за всѣмъ тѣмъ они еще являются къ намъ и ежегодно обновляютъ свой музыкальный корпусъ, который въ настоящее время состоитъ, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, почти изъ сорока инструментовъ. Разница въ томъ, что теперь рѣдкій изъ этого рода искателей фортуны снискиваетъ благосклонность и давнія публики непосредственно для себя: по болѣе же части для хозяина, своего соотечественника, у котораго сегодня ходитъ съ шарманкой, а завтра, быть можетъ, съ алебастровыми зайчиками и кошечками, кивающими мордочками, которыя какъ бы кланяются прохожимъ. Такихъ содержателей въ Петербургѣ четыре человѣка, и имъ принадлежатъ почти всѣ шарманки, стоящія дорого, не по средствамъ бѣдняка, нуждою выгнавшаго изъ-подъ неба Италіи снискивать насущный хлѣбъ на хладномъ сѣверѣ, гдѣ онъ часто, въ бархатной курточкѣ и въ узенькомъ исподнемъ платьѣ, за нѣсколько копѣекъ, долженъ съ полчаса играть на трескучемъ морозѣ, предъ дверьми булочной или кондитерской. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, нѣкоторымъ изъ пріѣзжихъ шарманщиковъ, отличавшихся молодостью, ловкостью и особеннымъ искусствомъ плясать, щелкать соловьемъ или свистать ваньку - таньку, удавалось зарабатывать большія деньги. Такъ, на примѣръ, года за четыре, красивый Миланецъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, одѣтый попугаемъ, невольно выманивалъ деньги у своихъ зрителей необыкновенною быстротою *тарантеллы*, и ловкостью и забавностью тѣлодвиженій, сопровождаемыхъ звуками пчелы. Его приглашали во многіе дома позабавить дѣтей, и онъ, по прошествіи короткаго времени, уѣхалъ въ свое отечество съ значительнымъ для него капиталомъ. Подобные сему примѣры и теперь сманиваютъ этого рода бѣдняковъ въ нашъ холодный сѣверъ, съ инструментомъ не дорого стоящимъ, но за то, безъ особаго какаго либо искусства со стороны самого владѣльца, мало приносящимъ выгоды.

Шарманокъ у насъ въ Россіи вовсе не дѣлаютъ, или очень плохія, въ Москвѣ и въ Митавѣ. Ихъ выписываютъ и привозятъ на продажу изъ Бреслава, что въ Силезіи, а лучшія изъ Парижа. Последнія отличаются громкимъ, приятнымъ звукомъ съ двойными тонами, и эти шарманки, которыхъ теперь здѣсь только еще двѣ, зарабатываютъ вчетверо болѣе противъ бреславскихъ, а потому содержатели этихъ инструментовъ выписали ихъ еще нѣсколько штукъ.

Въ Петербургѣ, хотя и не дѣлаютъ шарманокъ, но готовятъ для нихъ новые валы, а на старые набиваютъ любимыя здѣшней публикою аріи, романсы и русскія пѣсни. Подобное заведеніе находится въ Гороховой Улицѣ, у Г. Винтергальтера.

Шарманки распространены по всѣмъ городамъ Россіи: даже въ Шемахѣ, въ Закавказскомъ Краѣ, была одна. Въ Тифлисѣ и понынѣ играетъ ихъ штукъ пятнадцать. Шарманки тамъ очень любимый инструментъ.

Шарманки разносятъ вальсы Штрауса и аріи Донизети, Россини и Беллини отъ Бѣлаго до Чернаго и Каспійскаго Морей, и мнѣ случалось слышать, какъ астраханская баба

пѣла на голосъ: *сжался, сжался надо мной* — изъ Роберта, а въ Гроднѣ жидъ Йогель весьма искусно исполнялъ *тифъ, пафъ!* изъ Гвельфовъ: оба единственно шарманкамъ были обязаны своимъ музыкальнымъ образованіемъ.

Взгляните теперь на рисунокъ съ картины А. Чернышева, и онъ лучше всякихъ словъ докажетъ вамъ обаятельную силу шарманки на слушателей, и съ тѣмъ вмѣстѣ обаятельную силу таланта художника, изобразившаго сцену, которую и мнѣ и вамъ случалось видѣть въ Петербургѣ по тысячѣ разъ. Всѣ эти лица, начиная съ маэстра Италіянца, маэстра трубочиста, ма... извощика (чуть было не обмолвился), Чухны мальчишки, Охтинки-молочницы и дѣвочки-Нѣмочки, отправляющейся въ пансіонъ, такъ знакомы, какъ будто портреты съ хорошо извѣстныхъ намъ людей, которыхъ еще сегодня мы съ вами видѣли всѣхъ порознь, но гдѣ только не припомнимъ. Но это не портреты, а типическія изображенія каждаго характера, возсозданнаго до того вѣрною натурѣ кистью, что не можешь себѣ представить, чтобы шарманщикъ, трубочистъ или бѣлобрысый мальчишка, подмастерье оловящика, имѣли лица и выраженія лицъ не тѣ, которыя представлены на картинѣ.

Безъ сомнѣнія, удовольствіе, порожденное въ васъ разсматриваніемъ этой милой картинки, невольно вызывающей улыбку, возбудитъ и желаніе ближе ознакомиться съ художникомъ, пріятно занявшимъ васъ на эту минуту, а потому мы и намѣрены ближе познакомить съ нимъ нашихъ читателей въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ *Художественнаго Листка*. О. К.

Къ № 7-му Русскаго Художественнаго Листка приложенъ рисунокъ: *Шарманщикъ*, съ картины художника А. Чернышева, бывшей на выставкѣ въ Императорской С. Петербургской Академіи Художествъ въ 1852 году.

Подписка на Русскій Художественный Листокъ на 1853 годъ продолжается, и всѣмъ подписавшимся изданіе будетъ выслано съ перваго номера. Подписка принимается въ С. Петербургѣ, въ Редакціи Сѣверной Пчелы, въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова (и въ Москвѣ), О. В. Бабунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ: Гг. Фельтена и Даціаро, въ литографіи Минстера, и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. В. Бабунова и въ магазинѣ эстамповъ Г. Даціаро.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія, съ приложеніемъ денегъ, къ издателю Василію Федоровичу Тимму, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека. Издатель ручается, что всѣ адресованныя къ нему требованія будутъ исполняемы съ первою почтой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, съ пересылкою въ города: **9** руб. сер. **СЛОЖЕННЫЕ**, въ наглухо-заклеенныхъ конвертахъ, рассылаются немедленно по выходѣ въ свѣтъ (три раза въ мѣсяць); **12** руб. сер. **НЕСЛОЖЕННЫЕ**, на вернутые на палку и обшитые холстомъ, рассылаются не три разъ въ мѣсяць, а одинъ разъ перваго числа каждаго мѣсяца, по три номера вдругъ.

Желающіе имѣть полное годовое изданіе Русскаго Художественнаго Листка 1851 или 1852 года (со всѣми вышедшими въ тѣ годы рисунками) благоволятъ адресоваться непосредственно къ издателю (адресъ см. выше), прилагая за каждый годъ, за несложненный экземпляръ съ пересылкою **12** руб. сер.; за сложенный **9** руб. сер., съ прибавленіемъ вѣсовыхъ за пять фунтовъ.

ИТАЛІЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ 1852 — 1853 году.

Русскій Театръ возникъ и процвѣлъ въ нашей сѣверной столицѣ: извѣстно, что первый театръ въ С. ПетербургѢ былъ устроенъ стараніями сестры Петра Великаго, Царевны Наталіи Алексѣевны. Въ самомъ началѣ въ С. ПетербургѢ давались только представленія русскихъ піесъ, но въ 1730 году при Дворѣ Императрицы Анны Іоанновны началась Италіанская Опера, а въ 1735 и 1740 годахъ выписаны были актеры нѣмецкіе и французскіе. Такимъ образомъ еще въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія въ С. ПетербургѢ было положено основаніе театральнымъ зрѣлищамъ.

Въ настоящее время въ С. ПетербургѢ существуютъ пять публичныхъ театровъ: Большой, Александринскій, Михайловскій, Театръ-Циркъ и Каменноостровскій (на островѣ того же названія въ окрестностяхъ С. Петербурга). На рисункѣ, приложенномъ къ настоящему номеру Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ видъ Большаго Театра и Театра-Цирка. Первый, иначе называемый *Каменнымъ Театромъ*, открытъ въ 1784 году, но нынѣ отъ него сохранились только главныя части, потому что, независимо отъ перестройки въ 1802 году архитекторомъ Томономъ, театръ этотъ сгорѣлъ въ ночь на 1-е Января 1811 года, послѣ чего былъ возобновленъ въ 1818 году архитекторомъ Модюи, а въ 1826 году вновь перестроенъ архитекторомъ Кавосомъ. Открытіе Большаго Театра, по окончаніи послѣдней перестройки, послѣдовало 26-го Октября 1836 года первымъ представленіемъ оперы «Жизнь за Царя» М. И. Глинки. Зала украшена великолѣпно, вмѣстительна, обширна; здѣсь происходятъ оперныя и балетныя представленія.

Циркъ Императорской Театральной Дирекціи находится на Театральной Площади, между Большимъ Театромъ и Крюковымъ Каналомъ, и служитъ какъ для представленій русскихъ піесъ (независимо отъ даваемыхъ ежедневно на Александринскомъ Театрѣ), такъ и для эквилибристическихъ и пантомимныхъ спектаклей. Театръ-Циркъ, построенный также архитекторомъ Кавосомъ, открытъ 30-го Сентября 1847 года. Внутреннее его распредѣленіе, особенно устройство ложъ, во многомъ различается отъ расположенія внутри другихъ театровъ: сходство въ одномъ, въ удобствѣ, и въ роскошномъ убранствѣ.

Италіанскія оперы исключительно даются на Большомъ Театрѣ. Этотъ родъ представленій получилъ въ С. ПетербургѢ прочное основаніе только съ 1843 года, потому что до того времени Италіанская Опера, отъ разныхъ обстоятельствъ, не могла утвердиться въ нашей столицѣ, не смотря на частыя къ тому попытки. За то нынѣ, наша италіанская труппа, ежегодно пополняемая и совершенствуемая, достигла такой извѣстности во всей Европѣ, что, по необходимости, составляетъ предметъ зависти зрителей столицъ другихъ государствъ, въ которыхъ, хотя и бывають представленія италіанскихъ оперъ, но не съ такими пѣвцами и пѣвицами и не съ такою богатою постановкою, къ какимъ приучила насъ Дирекція Императорскихъ С. Петербургскихъ Театровъ.

Составъ италіанской труппы настоящаго года (1852-1853) былъ слѣдующій: Г-жи Віардо-Гарсія, Медори, Маррай, Спеція; контральтъ де Мерикъ; вторая пѣвица сопрано Котти; пѣвцы: теноры Маріо, Тамберликъ и Стеки-Боттарди; басы Лаблашъ и Тальяfico; баритоны Ронкони и Дебассини; вторые теноры Реморини и Давидъ; вторые басы и баритоны Полонини и Чеккони. Изъ нихъ въ прошедшемъ году не были у насъ: Г-жи Віардо, Спеція, Г-жа Лаблашъ, Дебассини, Стеки-Боттарди и Реморини (исключая Гарсія, всѣ остальные впервые прибыли въ С. Петербургъ). Вѣнецъ труппы составляли: Віардо, Маріо и Лаблашъ. Портретъ Маріо былъ уже помѣщенъ въ № 12-мъ Листка 1851 года, а потому представляемъ портреты Віардо-Гарсія и Лаблаша и біографическія замѣтки о новыхъ въ нынѣшнюю зиму пѣвцахъ и пѣвицахъ.

Г-жа Віардо принадлежитъ къ извѣстному въ музыкальномъ мірѣ семейству Гарсія. Она дочь славнаго драматическаго пѣвца и композитора Эммануила дель Пополо-Вицента-Гарсія, и сестра не менѣ знаменитой пѣвицы Малибранъ (Маріи Гарсія), скончавшейся въ полной силѣ своего таланта на двадцать осмьюмъ году отъ рожденія. Г-жа Полина Гарсія (по мужу Віардо) родилась 18-го Іюля 1821 года, и въ публикѣ въ первый разъ пѣла въ 1837 году, уже по смерти сестры своей Маріи, въ одномъ концертѣ, въ Брюсселѣ. Съ перваго же раза Полина Гарсія обратила на себя вниманіе своимъ чуднымъ голосомъ, и дальнѣйшее ея поприще сопровождалось необыкновеннымъ успѣхомъ. Участвуя въ концертахъ въ различныхъ городахъ Европы, она повсюду оставляла по себѣ сильное впечатлѣніе, но извѣстность ея увеличилась еще болѣе, когда въ 1839 году она появилась на сценѣ Италіанской Оперы въ Лондонѣ въ роли Дездемоны въ *Отелло*. Съ равнымъ успѣхомъ дебютировала также Віардо въ Парижѣ, а, съ пріѣзда въ 1843 году въ С. Петербургъ, стала на ряду первоклассныхъ пѣвицъ. Въ нынѣшнюю зиму она пріѣхала сюда къ концу сезона, и наибольшій восторгъ производила въ *Севильскомъ Цирюльникѣ*, въ роли Розины, которую исполняетъ неподражаемо, и въ роли Фидесъ, въ оперѣ Мейербера *Осада Генга*.

Луи Лаблашъ родился въ Неаполѣ въ 1795 году, 6-го Декабря; ему теперь 57 лѣтъ отъ роду. Отецъ его, родомъ изъ Марсели, женатый на Ирландкѣ, занимался торговлей и имѣлъ въ Неаполѣ коммерческій домъ, но погибъ, во время революціи, въ 1799 году, оставивъ четырехлѣтняго Луи сиротою. Къ счастью малютки, въ немъ принялъ участіе Іосифъ Наполеонъ, приказавшій помѣстить его въ Неаполитанскую Консерваторію *La pieta de Tarchine*, изъ которой онъ вышелъ въ 1813 году, осмнадцати лѣтъ отъ роду, дебютировалъ на Театрѣ Санъ-Карлино, а пять мѣсяцевъ спустя женился на дочери извѣстнаго актера Пинотти.

И тогда, какъ въ настоящее время, Миланскій Театръ *La Scala* почитался первою лирическою сценою Италіи; принятый его взыскательною публикою, могъ считать свою извѣстность упроченною, а потому молодой Лаблашъ днемъ и ночью мечталъ, какъ бы попасть на этотъ театръ. Но какъ доступъ туда былъ очень труденъ, особенно для артиста съ неупроченною еще репутациею, то онъ былъ принужденъ играть въ Мессинѣ, въ Палермо, и только послѣ успѣховъ въ этихъ двухъ городахъ попалъ въ Миланъ. Послѣ Милана, гдѣ Лаблашъ скоро сталъ любимцемъ публики,

онъ объѣздилъ почти всѣ оперные театры Италіи, и приобрѣлъ обширную извѣстность; но слава его, въ истинномъ значеніи этого слова, началась съ Вѣны, куда онъ былъ ангажированъ въ 1823 году. Вѣнская публика, издавна славящаяся своей музыкальностью, провозгласила Лаблаша великимъ художникомъ; въ Вѣнѣ же была выбита въ честь его медаль. Это обратило на Лаблаша вниманіе Короля Неаполитанскаго, который пожаловалъ его въ пѣвцы своей придворной капеллы, и такъ полюбилъ его, что не хотѣлъ отпустить отъ себя, и не ранѣе 1830 года позволилъ ему въ первый разъ ѣхать въ Парижъ. Съ этихъ поръ Лаблашъ постоянно пѣлъ лѣтомъ въ Парижѣ, а зимою въ Лондонѣ; отпуски возобновлялись ему по ходатайству бывшей Королевы Французовъ Маріа-Амалии, супруги Лудовика Филиппа, и Королевы Англійской Викторіи, которой Лаблашъ даетъ уроки пѣнія съ 1835 года. Въ сороковыхъ годахъ Лаблашъ возвратился въ Неаполь. Присутствуя однажды на балѣ Графа Сиракузскаго, брата Короля, онъ долго разговаривалъ съ Королемъ, который спросилъ его, между прочимъ, на долго ли онъ пріѣхалъ, и къ кому обратится онъ теперь съ просьбою о новомъ отпускѣ? — Къ Вашему Величеству, отвѣчалъ Лаблашъ. — Этотъ отвѣтъ такъ понравился Королю, что онъ далъ ему безсрочный отпускъ.

Лаблашъ большого роста и чрезвычайно тученъ, что впрочемъ не мѣшаетъ ему играть съ равнымъ успѣхомъ комическія и драматическія роли. Въ комическихъ эта тучность даже помогаетъ ему смѣшить зрителей; напримѣръ, въ оперѣ *Донъ Паскуале*, въ сценѣ съ запиской, онъ до слезъ смѣшитъ тѣмъ, что напрасно старается нагнуться, чтобъ поднять записку, толкаетъ ее ногой до авансены, садится на стулъ, и, усѣвшись на немъ, достаетъ ее наконецъ съ величайшимъ усиліемъ. — Лице Лаблаша прекрасно и выразительно; онъ носитъ длинные, какъ серебро сѣдые волосы; голова его напоминаетъ львиною. Голосъ его, глубокой басъ; онъ владѣетъ имъ въ совершенствѣ. Какъ человѣкъ и семьянинъ, Лаблашъ достоинъ всякаго уваженія.

Дебассини (Ахиллъ) еще молодъ: ему только тридцать три года отъ роду, но онъ уже четырнадцать лѣтъ на сценѣ; дарованіе его многостороннее; онъ принадлежитъ къ разряду пѣвцовъ, которыхъ называютъ въ Италіи *generico*, и съ равнымъ успѣхомъ играетъ роли драматическія, комическія и такъ называемыя — *mezzo carattere*. Дебассини родился въ Миланѣ, въ 1819 году; отецъ его былъ офицеромъ италіянскаго легіона, совершившаго съ войсками Наполеона достопамятный походъ въ Россію. Сначала онъ учился медицинѣ, но, чувствуя, что владѣетъ превосходнымъ голосомъ, и сознавая въ себѣ призваніе къ искусству, оставилъ науку и дебютировалъ въ 1838 году, девятнадцати лѣтъ отъ роду, въ Павіи. Потомъ игралъ онъ, съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ, на нѣкоторыхъ второстепенныхъ сценахъ Италіи, а лѣтомъ 1841 года былъ ангажированъ въ Лондонъ, гдѣ сошелся на сценѣ съ Гриси, Персіани, Рубини, Лаблашемъ и Тамбурини. Не смотря на это страшное для молодого артиста сосѣдство, онъ имѣлъ большой успѣхъ, и былъ въ 1842 году ангажированъ на Миланскій Театръ *La Scala*. Потомъ онъ пѣлъ въ Моденѣ, Флоренціи, Ливорнѣ, Луккѣ, Римѣ, Мантуѣ, снова воротился въ Миланъ и наконецъ пѣлъ въ Вѣнѣ, откуда пріѣхалъ въ Петербургъ. Дебассини высокаго роста, хорошъ собой и владѣетъ обширнымъ, звучнымъ и необыкновенно сильнымъ баритономъ; особенно хорошъ онъ въ операхъ Верди.

Маріа Спеція, девятнадцати лѣтъ отъ роду, имѣетъ замѣчательное дарованіе и не менѣе замѣчательныя физическія средства; мы опасаемся однако же, чтобы музыка Верди, на

которой она, такъ сказать, воспитана, не повредила ее голосу прежде времени. Спеція дебютировала въ первый разъ въ Веронѣ, на Театрѣ *Filarmonico*, въ партіи Беатриче, въ оперѣ того же имени; затѣмъ она пѣла въ Туринѣ, Падуѣ и Венеціи. Маріа Спеція очень хороша собой.

Стеки-Боттарди имѣетъ двадцать шесть лѣтъ отъ роду; онъ родился въ 1826 году, въ Феррарѣ, а дебютировалъ въ небольшомъ Италіянскомъ городкѣ Спеціи, потомъ пѣлъ въ Луккѣ, Болоньѣ, Одессѣ и Римѣ, откуда пріѣхалъ въ Петербургъ. Стеки-Боттарди съ успѣхомъ исполняетъ второстепенныя роли, особенно если онѣ не требуютъ большихъ физическихъ средствъ.

Познакомивъ читателей съ новыми артистами нашей италіянской труппы, скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ операхъ, данныхъ въ теченіе нынѣшняго сезона. Такихъ оперъ было три: *Риголетто* — Верди, *Осада Генга* — Мейербера и *Проба Оперы Серіи* — Ньюко (Гнесо).

Риголетто рѣшительно лучшая опера Верди; она почти не походитъ на прочія произведенія этого маэстра, и изобилуетъ прекрасными, истинно драматическими мѣстами. Много впрочемъ, помогло композитору превосходное либретто, доставившее ему богатую и разнообразную канву. Въ этой оперѣ, имѣвшей у насъ большой и вполне заслуженный успѣхъ, превосходны Маріо и Ронкони.

Чтобъ оцѣнить вполне музыку Мейербера, надобно написать отдѣльную статью, и потому мы не будемъ распространяться о новой оперѣ этого величайшаго изъ современныхъ композиторовъ, а ограничимъ нашъ отзывъ о ней нѣсколькими словами. *Осада Генга* достойна, въ музыкальномъ отношеніи, *Роберта* и *Гвельфовъ*. Разыграна была эта опера превосходно; особенно хороши въ ней Маріо и Віардо. Сцена третьяго дѣйствія, въ которой Фидесъ (Віардо) узнаетъ сына своего (Маріо), всякій разъ заставляетъ трепетать и плакать весь театръ. Мы не видали ничего поразительнѣе этой сцены, въ которой не знаешь кому удивляться: автору ли либретта, композитору или артистамъ.

Что касается до постановки оперы, то она ничего не оставляетъ желать; особенно хороша постановка сцены *катація на конькахъ* и *зала ратуши*. Въ первой изъ этихъ сценъ вы видите почти весь нашъ кордебалетъ, катающійся на конькахъ, подъ музыку, съ удивительнымъ искусствомъ; во второй вѣсть особенно поражаетъ декорация Г. Роллера, представляющая внутренность готическаго зданія. Эта декорация верхъ искусства!

Проба Оперы Серіи, небольшая комическая опера, въ которой выведены страданія композитора, ставящаго свое произведеніе на сцену и принужденнаго выносить капризы примадонны, секундадонны, импресарио, словомъ всего театральнаго люда. Г-жа Віардо прекрасно играетъ роль примадонны, а Лаблашъ уморителенъ въ роли композитора.

Изъ прежнихъ оперъ давали въ нынѣшнемъ году: Эрнани, Марію ди Роганъ, Донъ-Паскуале, Отелло, Ченерентолу, Донъ-Жуана, Лукрецію, Пуританъ, Соннамбулу, Норму, Любовный Напитокъ, Севильскаго Цирюльника, Гвельфовъ и Гибеллиновъ и сцены изъ *Двухъ Фоскари*, Карла Смѣлаго и другихъ оперъ.

Х. Х.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 8-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены

Портреты: Г-жи Полины Віардо-Гарси и Г. Лаблаша. Видъ Большаго Театра и Театра-Цирка въ С. Петербургѣ. (Изъ Альбома Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.)

Сцена изъ третьяго дѣйствія оперы *Осада Генга* (представлена въ первый разъ 20-го Февраля 1853 года на Большомъ Театрѣ, въ С. Петербургѣ).

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ Высочайшаго соизволенія, 12-го и 13-го Декабря 1852 года, Императорскій Дерптскій Университетъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Комитетъ, составленный изъ профессоровъ Бунге, Эрдмана, Грубе, Рейхарта и Самсона-фонъ-Гиммельштіерна, съ цѣлію принятія всѣхъ мѣръ, необходимыхъ для должнаго празднованія подобнаго торжественнаго дня, разослалъ не только приглашенія къ разнымъ лицамъ, но и объявленіями въ періодическихъ изданіяхъ способствовалъ къ распространенію извѣстія о предстоящемъ празднествѣ. На приглашенія съѣхались депутаты и бывшіе ученики университета, не только изъ всѣхъ городовъ Лифляндіи и Эстляндіи, но также изъ С. Петербурга, Новгорода, Пскова, Кіева, Вильны и другихъ мѣстъ Россіи. Депутаты и бывшіе ученики привезли съ собою различныя привѣтствія и приношенія. Въ обнародованной программѣ, приемъ гостей долженъ былъ происходить утромъ 12-го Декабря, до божественной службы, но, принимая во вниманіе огромный съѣздъ ихъ въ Дерптъ уже къ 10-му и 11-му, все ученое сословіе университета собралось около полудня 11-го Декабря въ залѣ засѣданій Университетскаго Совѣта, гдѣ и приняло депутатовъ, вручившихъ Ректору и Совѣту свои привѣтствія и приношенія. То же самое происходило и 12-го числа утромъ до божественной службы.

Въ этотъ день, въ половинѣ одиннадцатаго утра, при колокольномъ звонѣ, началось шествіе депутатовъ, всего университетскаго сословія и студентовъ въ Церковь Св. Іоанна къ божественной службѣ, окончившейся молебствіемъ о благоденствіи Императорской Фамиліи, Дерптскаго Университета, духовныхъ и свѣтскихъ начальствъ государства и самого города.

Большая зала университета, украшенная прекраснымъ портретомъ Государя Императора, работы Крюгера, и превосходными растеніями изъ ботаническаго сада, наполнилась гостями и слушателями (впускъ былъ по билетамъ). Въ половинѣ перваго часа, вступило все университетское сословіе, при громѣ музыки. Впереди шелъ Синдикъ Университета, несшій грамоту объ основаніи университета, подписанную Императоромъ Александромъ Павловичемъ 12-го Декабря 1802 года. Актъ открылся хоромъ, «Die Himmel erzählen die Ehre Gottes», исполненнымъ съ оркестромъ любителями и любительницами. Затѣмъ взошелъ на кафедру Ректоръ Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Гафнеръ, и изложилъ исторію Дерптскаго

Университета въ продолженіе истекшаго полугодія. За нимъ Синдикъ Университета объявилъ о Высочайшихъ наградахъ, послѣдовавшихъ по случаю пятидесятилѣтія Дерптскаго Университета, а также о Высочайшемъ благоволеніи Его Императорскаго Величества, и о лестномъ поздравленіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. — Въ заключеніе акта, Профессоръ Мерклинъ объявилъ о присужденіи наградъ за сочиненія, написанныя на заданныя отъ университета темы, и о вновь предложенныхъ задачахъ на преміи. Академическое празднество перваго дня заключено было русскимъ народнымъ гимномъ, пропѣтымъ хоромъ любителей, съ акомпанементомъ оркестра.

Къ обѣду, въ Рейнгольдовой Залѣ, на Эмбахѣ, собралось до 200 человекъ, въ томъ числѣ всѣ депутаты и гости, и нѣкоторое число студентовъ. Ректоръ Университета, при всеобщемъ восторгѣ, провозгласилъ здравіе Его Императорскаго Величества Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома. Другой гость былъ за благоденствіе университета и всѣхъ учебныхъ заведеній Дерптскаго Учебнаго Округа. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ; въ особенности же отличались главное зданіе университета, строенія его, расположенныя на Домѣ, ратуша и каменный мостъ на Эмбахѣ. Повсюду видны были веселыя толпы, и было очевидно, что весь городъ принимаетъ участіе въ университетскомъ торжествѣ.

Приношенія, поступившія отъ депутатовъ, присланныхъ отъ разныхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ и пр., какъ 11-го такъ и 12-го числа, были весьма многочисленны. Всѣ ученые общества Остзейскихъ Провинцій прислали депутатовъ и подарки. Академики, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники Струве и Беръ, прибыли депутатами отъ Императорской Академіи Наукъ; Академикъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ленцъ и Полковникъ Гофманъ, депутатами отъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета (Гг. Ленцъ, Струве и Гофманъ, каждый принесъ въ даръ свои ученые труды). Лейбъ-Медикъ Раухъ, чрезъ посредство Г. Шренка, пожертвовалъ собраніе изъ 57-ми замѣчательныхъ минераловъ; Докторъ Штубендорфъ, изъ Иркутска, прислалъ самородокъ золота въ 32³/₄ золотника и собраніе горныхъ породъ (600 экземпляровъ). Отъ Доктора Шренка собраніе горныхъ породъ и рудъ въ 600 штукъ. Хранитель Нумизматическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, Надворный Совѣтникъ Шардіусъ, завѣщавъ, послѣ своей смерти, Дерптскому Университету рѣдкое, ему принадлежащее собраніе автографовъ, состоящее изъ 3,000 нумеровъ. Императорскіе Университеты Казанскій и Кіевскій прислали поздравленія на Латинскомъ Языкѣ. Поступили также поздравленія отъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣще-

нія Графа С. С. Уварова, и Генераль-Губернатора Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго Свѣтлѣйшаго Князя Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго. Въ С. Петербургѣ Докторъ Вальтеръ издалъ гимнъ на Латинскомъ, Русскомъ и Нѣмецкомъ Языкахъ, сочиненный имъ по случаю пятидесятилѣтія Дерптскаго Университета, и проч. и проч. и проч.

На другой день празднества, т. е. 13-го Декабря, происходилъ новый торжественный актъ въ большой университетской залѣ. Когда ученое сословіе собралось на актъ, въ половинѣ двѣнадцатаго, Профессоръ Медлеръ открылъ засѣданіе рѣчью, послѣ чего Ректоръ Д. С. С. Гафнеръ объявилъ имена лицъ, выбранныхъ Совѣтомъ Университета въ почетные члены онаго, и окончилъ актъ благодарственной рѣчью, обращенною ко всѣмъ присутствовавшимъ, за участіе, принятое ими въ этомъ празднествѣ. Избранные почетные члены суть: 1) Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ. 2) Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ. 3) Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій. 4) Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихмаговъ. 5) Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. 6) Г. Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа, Членъ Главнаго Правленія Училищъ, Генераль отъ Инфантеріи Евстафій Борисовичъ фонъ-Крафстремъ. 7) Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи, Свѣтлѣйшій Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ. 8) Намѣстникъ Кавказскій, Генераль-Губернаторъ Новороссійскій и Бессарабскій, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Инфантеріи, Свѣтлѣйшій Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. 9) Членъ Государственнаго Совѣта, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи Графъ Петръ Петровичъ фонъ-дербъ-Паленъ. 10) Членъ Государственнаго Совѣта, Генераль-Адъютантъ, Генераль отъ Кавалеріи Графъ Алексій Ѳеодоровичъ Орловъ. 11) Членъ Государственнаго Совѣта, Президентъ Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. 12) Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Статсъ-Секретарь, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. 13) Членъ Государственнаго Совѣта, Генераль отъ Кавалеріи Баронъ Матвѣй Ивановичъ фонъ-дербъ-Паленъ. 14) Членъ Государственнаго Совѣта, Директоръ Императорской Публичной Библіотеки, Тайный Совѣтникъ Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. 15) Военный Губернаторъ города Риги, Генераль-Губернаторъ Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій, Генераль-Адъютантъ, Генераль-Лейтенантъ Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій Графъ Суворовъ-Рымникскій. 16) Военный Губернаторъ города Ревеля, Главный Командиръ Ревельскаго Порта, Генераль-Адъютантъ, Вице-Адмиралъ Ѳеодоръ Петровичъ Литке. 17) Вице-Президентъ Евангелическо-Лютеранской Консисторіи, Епископъ фонъ Пауффлеръ. 18) Тайный Совѣтникъ фонъ Бекъ. 19) Предсѣдатель Медицинскаго Совѣта, Лейбъ-Медикъ, Тайный Совѣтникъ Михаилъ Антоновичъ Маркусъ. 20) Директоръ Главнаго Педагогическаго

Института, Предсѣдатель II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ. 21) Директоръ Главной Пулковской Обсерваторіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Академикъ Василій Яковлевичъ Струве. 22) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Академикъ Карлъ Максимовичъ Беръ. 23) Президентъ Лифляндскаго Гофгерихта, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Самсонъ фонъ Гиммельштернъ. 24) Профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Академикъ Николай Ивановичъ Пироговъ. 25) Почетный Попечитель Митавской Гимназіи, Статскій Совѣтникъ, Каммергеръ Баронъ фонъ Мирбахъ. 26) Пасторъ въ Вольмарѣ Докторъ Вальтеръ. 27) Профессоръ Университета Фридриха-Вильгельма, въ Берлинѣ, Тайный Совѣтникъ, Докторъ Іоаннъ Мюллеръ. 28) Профессоръ Королевскаго Мюнхенскаго Университета Баронъ Юстусъ-фонъ-Либихъ.

По провозглашеніи лицъ, избранныхъ въ почетные члены, Академикъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Струве, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ искреннюю свою благодарность Дерптскому Университету за все, чѣмъ онъ ему обязанъ, получивъ въ немъ свое образованіе.

Русскій народный гимнъ, пропѣтый хоромъ любителей, съ акомпанементомъ оркестра, заключилъ торжественный актъ и въ нынѣшній день (13-го Декабря).

Вечеромъ этого дня въ залѣ, при многочисленномъ стеченіи слушателей, исполнены были творенія Гуммеля, Гайдна, Лорцинга, Шульгофа, Мендельсона-Бартольди, и проч., подъ руководствомъ учителя музыки въ университетѣ, Г. Бреннера. Исполнителями были студенты и любительницы. Вечеромъ же 13-го Декабря, какъ и наканунѣ, весь городъ былъ великолѣпно иллюминированъ, и по-прежнему общій восторгъ былъ замѣтенъ повсюду.

Два блистательные обѣда у Г. Попечителя Учебнаго Округа, на которые приглашены были почетные гости, депутаты, члены университетскаго сословія и нѣкоторые изъ числа студентовъ, слѣдовали за торжествомъ пятидесятилѣтія Дерптскаго Университета (*).

(С. II.)

(*) Должно замѣтить, что, сверхъ многочисленныхъ изданій, написанныхъ въ честь пятидесятилѣтія университета, разными учеными, и поднесенныхъ въ даръ этому высшему училищу, каждый факультетъ Дерптскаго Университета приготовилъ по сочиненію по своей части, и кромѣ того изготовлены были: 1) *Академическій Альбомъ* Императорскаго Дерптскаго Университета (составленный Профессоромъ Руммелемъ), содержащій въ себѣ имена почти 6,000 бывшихъ и настоящихъ студентовъ, съ подробностями пребыванія ихъ въ университетѣ, и послѣдующей ихъ служебной дѣятельности, и 2) *Императорскій Дерптскій Университетъ въ теченіе перваго пятидесятилѣтія своего существованія и своей дѣятельности* (168 стр. in folio. Книга составлена Синдикомъ Университета Бейзе); въ ней изложена вся исторія Дерптскаго Университета.

ВЪ ВИДАШЪ ГОРОДА ДЕРПТА.

Великій Князь Ярославъ Владиміровичъ (во Святомъ Крещеніи названный Юріемъ), для защиты Псковской Области отъ набѣговъ дикой Чуди (нынѣшнихъ Эстонцевъ), построилъ въ ихъ землѣ, на берегу рѣки Эмбаха, впадающей въ Чудское Озеро или Пейпусъ, городокъ (т. е. укрѣпилъ или огородилъ мѣсто), и назвалъ Юрьевымъ Городомъ, въ 1030 году. Чудь называла поселеніе Тарто-Линъ (Tartolin), а изъ этого названія, въ послѣдствіи произошло нѣмецкое названіе *Дерптъ*. Рижскій Епископъ Албертъ, основатель Меченоснаго Ордена въ Лифляндіи, покорилъ Дерптъ въ 1224 году, который защищали Русскіе съ Чудью. Чудь намѣревалась снова овладѣть Дерптомъ въ 1225 году, но была отражена. Германъ, Леальскій Епископъ, братъ Епископа Алберта, распространяя между Чудью Христіанскую Вѣру, основалъ въ Дерптѣ соборную церковь на горѣ (Domfirke), которая была главною въ новоучрежденномъ Дерптскомъ Епископствѣ, и одною изъ великолѣпнѣйшихъ въ Лифляндіи. Съ этого времени Дерптъ началъ заселяться нѣмецкими выходцами, которые строили дома по-нѣмецкому образцу, и укрѣпили городъ со стороны рѣки каменною стѣною, а отъ Риги землянымъ валомъ и рвами. Триста лѣтъ процвѣталъ Дерптъ, и былъ послѣ Риги первымъ городомъ во владѣніяхъ Меченоснаго Ордена, имѣлъ одиннадцать церквей и слишкомъ 30,000 жителей, людей богатыхъ и торговыхъ, потому что пока Англичане не открыли торговаго пути въ Россію чрезъ Архангельскъ, Дерптъ былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Ганзеатическаго Союза, торговавшаго съ Россіею. Дерптъ имѣлъ многія привилегіи, какъ всѣ нѣмецкіе города, даже пользовался правомъ бить свою монету и обладалъ большими вотчинами. Первые несчастія Дерпта начались въ XVI вѣкѣ. Моровая язва, во время епископскаго правленія, похитила въ Дерптѣ 15,000 жителей. Въ 1558 году началась истребительная война, которую велъ Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, съ цѣлью покоренія Лифляндіи, какъ древней русской области. Дерптъ былъ завоеванъ Русскими, и Дерптскій Епископъ взятъ въ плѣнъ. Въ началѣ дерптскимъ жителямъ оставлены были всѣ ихъ права и привилегіи, но, по подозрѣнію въ измѣнѣ, большая часть жителей Дерпта уведены плѣнными въ Россію, въ 1565 году. Наслѣдникъ Царя Ивана Васильевича по запольскому мирному трактату уступилъ Дерптъ и всю Лифляндію Польшѣ, въ 1582 году. Въ царствованіе въ Польшѣ Сигизмунда III (Вазы), въ 1600 году, во время войны за шведское наслѣдство, овладѣли Дерптомъ Шведы.—Польскій военачальникъ Карлъ Ходкевичъ отнялъ Дерптъ у Шведовъ, но въ 1621 году, вся Лифляндія и съ городомъ Дерп-

томъ поступила во владѣніе Швеціи и оставалась подъ шведскимъ правленіемъ до покоренія ея Петромъ Великимъ и присоединенія на вѣчныя времена къ Россіи. Дерптъ былъ въ это время хотя не такимъ богатымъ городомъ какъ прежде, но все же довольно значительнымъ, и былъ сильно укрѣпленъ. Война Поляковъ со Шведами въ Лифляндіи, особенно въ окрестностяхъ Дерпта, нанесла большой вредъ его благосостоянію, а въ 1624 году городъ былъ снова опустошенъ моровою язвою. Подъ шведскимъ правленіемъ Лифляндія нѣсколько отдохнула, и особенно поправился Дерптъ, въ которомъ Густавъ Адольфъ Король Шведскій, защитникъ Лютеранской Вѣры, намѣревался сосредоточить духовное образованіе Лифляндіи. Въ 1630 году основана въ Дерптѣ первая гимназія, а въ 1632 году учрежденъ университетъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сильное русское войско вторгнулось въ Лифляндію, въ 1656 году обложило Ригу, и 40,000 Русскихъ остановились подъ Дерптомъ, который и сдался немедленно на капитуляцію, но по кардискому миру снова уступленъ Швеціи. Однако жъ университетъ пришелъ въ упадокъ: профессеры и студенты разбрелись во всѣ стороны; университетское зданіе сгорѣло.

Во время великой Сѣверной Войны, Фельдмаршалъ Шереметевъ осадилъ Дерптъ въ 1704 году. При арміи Шереметева находился самъ Государь. Городъ хотя былъ укрѣпленъ, но не надѣялся выдержать штурма и сдался на капитуляцію, 14-го Іюля 1704 года. Армія Шереметева пошла далѣе въ Лифляндію, а въ Дерптѣ оставленъ значительный гарнизонъ и назначенъ губернаторомъ Нарышкинъ. Но, какъ армія Шереметева имѣла надобность въ подкрѣпленіи, то и приказано было Нарышкину дерптскій гарнизонъ перевести въ Нарву, укрѣпленія дерптскія срыть и знатнѣйшихъ жителей Дерпта и Нарвы, на вѣрность которыхъ нельзя было положиться, послать съ ихъ семействами въ Россію, и поселить въ Вологдѣ и въ Воронежѣ. Но Нарышкинъ не довольствовался срытіемъ укрѣпленій въ Дерптѣ, а, по своимъ видамъ, какъ сказано въ одномъ современномъ описаніи ливонской войны: «лучшіе дома и палаты подкопами взорвать, а другіе разломать приказалъ, такъ что все мѣсто въ развалины превратилось (*).»—Послѣ войны высланные въ Россію жители получили позволеніе возвратиться на родину. Медленно обстраивался и заселялся Дерптъ, и наконецъ, когда уже городъ нѣсколько поправился, пожаръ въ 1775 году истребилъ почти весь возникавшій городъ. Тогда въ немъ было только 3,300 жителей обоого пола. Императрица Екатерина II щедротами Своими помогла городу выстроиться, и во всей Лифляндіи собирали пожертвованія на постройки и на пропитаніе обнищавшихъ жителей. Въ память пожара 1775 года, построены на рѣкѣ Эмбахѣ гранитный подъемный мостъ, изображенный на рисункѣ. Съ этого

(*) См. тоже въ исторіи Дерпта.

времени городъ оставался незначительнымъ, какъ что въ 1789 году, т. е. почти за двѣнадцать лѣтъ до основанія нынѣшняго университета, въ немъ было только 3,421 человекъ жителей.

Первую мысль основанія университета въ Дерптѣ возымѣлъ блаженной памяти Императоръ Павелъ Петровичъ, и мысль эту исполнилъ Августѣйшій Сынъ Его, Александръ Благословенный, ровно за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ. Съ учрежденія университета, гимназій и другихъ училищъ, Дерптъ началъ быстро возрастать, и теперь онъ можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ окружныхъ или уѣздныхъ городовъ въ Европѣ. По послѣдней полицейской ревизіи въ 1851 году, въ Дерптѣ жителей считалось 12,627 душъ (*) (6,027 мужескаго и 6,600 женскаго пола), которые живутъ въ 851 домѣ. Дома въ самомъ городѣ. большею частію каменные. По вѣроисповѣданію въ числѣ дерптскихъ жителей находятся: 1,767 Православныхъ, 201 раскольникъ, 146 Римско-Католиковъ, 10,471 Лютеранъ, 30 Реформатовъ и 12 Евреевъ, которые обучаются въ университетѣ, потому что Евреямъ не дозволено селиться въ Дерптѣ.

Городъ Дерптъ расположенъ въ лощинѣ, на берегу Эмбаха (рѣка судоходна только до городского моста), и по возвышеніямъ, на окраинахъ лощины. Мѣстоположеніе города чрезвычайно красивое. Городъ весьма опрятенъ и хорошо застроенъ. На рисункѣ представленъ отдаленный видъ города по ту сторону Эмбаха, если смотрѣть на городъ изъ сада городской муссы, отъ петербургской заставы. Въ Дерптѣ теперь только три церкви, двѣ лютеранскія и одна православная. На рисункѣ изображена древняя лютеранская церковь съ XIII или не далѣе съ XIV вѣка, которая уцѣлѣла послѣ всѣхъ пожаровъ, опустошавшихъ Дерптъ. Тутъ же изображенъ видъ развалинъ перваго христіанскаго собора, построеннаго въ XIII вѣкѣ, о которомъ выше упомянуто. Часть этого собора возобновлена, и въ немъ помѣщается богатая университетская бібліотека. Другая часть непрерывно ветшаетъ, и теперь обрушились послѣдніе контрафорсы, поддерживающіе огромныя стѣны. Развалины находятся на горѣ, которую Нѣмцы называютъ *Dom*, а Русскіе Вышгородомъ. Видъ отсюда прелест-

(*) Въ этотъ счетъ не входятъ 400 солдатъ Внутренней Стражи и жандармы.

ный. Гора эта превращена въ университетскій садъ. Зданіе университета, представленное на рисункѣ, построено Профессоромъ Архитектуры Краузе, при основаніи университета, а на горѣ (*Dom*) находятся прочія университетскія зданія, какъ-то: медикохирургическая клиника, родильная клиника, анатомическій театръ и обсерваторія. Мостъ, изображенный на рисункѣ, тотъ самый, который выстроенъ щедротами Императрицы Екатерины II, послѣ пожара 1775 года.—Памятникъ Фельдмаршала Князя Барклая де Толли, лифляндскаго уроженца, сооруженъ на счетъ пожертвованій офицеровъ, служившихъ подъ его начальствомъ. Бюстъ бронзовый, постументъ гранитный. Памятникъ стоитъ на площади, насупротивъ Гостиного Двора. На другую площадь, на которой находится ратуша, вѣзжаютъ съ моста.

Науки, покровительствуемыя Русскими Монархами, возродили, возвысили Дерптъ и водворили съ немъ благоденствіе, и дерптскіе жители чувствуютъ благодаренія, изливаемыя на нихъ отъ Престола, преданы душою Русскимъ Государямъ и внушаютъ ту же преданность своимъ дѣтямъ. — Храни, Господи, Дерптъ, подъ могущественнымъ покровомъ Русскаго Царя!

На рисункѣ, приложенномъ къ № 9-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены виды города Дерпта (Лифляндской Губерніи), по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Императорскаго Дерптскаго Университета, празднованнаго 12-го и 13-го Декабря 1852 года: 1) общій видъ города Дерпта; 2) зданіе Императорскаго Университета; 3) Лютеранская Церковь Св. Іоанна; 4) памятникъ Генераль-Фельдмаршала, Князя Барклая де Толли; 5) развалины на Вышгородѣ (*Dom*); 6) каменный мостъ на рѣкѣ Эмбахѣ. Рисунки заимствованы изъ Альбома Г. Шлатера, изданнаго подъ заглавіемъ *das male-riſche Dorpat in funfzig Blättern*, изъ которыхъ вышли до нынѣ пятнадцать прекрасно нарисованныхъ и литографированныхъ видовъ труда Г. Шлатера.

Изд.

ПОЖАРЪ ТЕАТРА ВЪ МОСКВѢ.

11-го Марта, въ половинѣ десятого часа утра, съ каланчи Тверскаго Частнаго Дома, усмотрѣвъ сильный дымъ, выходящій изъ зданія Императорскаго Большаго Московскаго Театра, почему тотчасъ же отправилась туда пожарная команда Тверской Части, и былъ выкинутъ на каланчѣ сигналъ для сбора пожарныхъ командъ всѣхъ частей города. По прибытіи на мѣсто, найдено, что театръ горитъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всѣмъ направленіямъ внутренности театра, вылетало громадною массою въ окна и крышу онаго, и, не смотря на всѣ усилія дѣйствій пожарныхъ командъ, собравшихся на мѣсто пожара, прекратить огонь и даже ослабить его силу не было ни какой возможности, и вся внутренность зданія театра, кромѣ боковыхъ залъ въ бель-этажѣ и комнатъ въ нижнемъ этажѣ, въ коихъ помѣщалась контора, касса и буфетъ, къ двумъ часамъ пополудни сгорѣла; крыша надъ главною залой и подъездомъ прогорѣла и упала внизъ, наружные карнизы всѣ обгорѣли и обрушились. По изысканію на мѣстѣ, причина пожара еще не открыта, а чрезъ распросы разныхъ лицъ оказалось: помощникъ машиниста при театрѣ, Дмитрій Тимоѣевъ объявилъ, что въ десятомъ часу утра, въ то время, когда производилась на сценѣ работа для вечераго концерта и представленія живыхъ картинъ, онъ, Тимоѣевъ, имѣя надобность въ нѣкоторыхъ инструментахъ, пошелъ въ чуланъ, устроенный на правой сторонѣ сцены подъ деревянною лѣстницею, ведущею на верхъ, въ женскую уборную, и едва только отворилъ дверь чулана, какъ изъ онаго вылетѣло пламя, обхватило ближайшія декорации и завѣсу, и огонь быстро распространился по всѣмъ предметамъ внутренности театра, какъ что Тимоѣевъ, едва успѣвъ нѣсколько разъ закричать, чтобы спасались, вышелъ, уже будучи обожженъ пламенемъ. Отставной унтеръ-офицеръ Дементій Петровъ Каледа, находящійся при театрѣ въ услуженіи, показалъ, что онъ былъ въ это время въ церкви, и, возвратясь оттуда въ зданіе театра, пошелъ къ уборной, гдѣ, замѣтивъ суетившихся и бѣгавшихъ дѣтей,

принадлежащихъ къ театральной школѣ, и увидѣвъ сильный дымъ, выходящій изъ той уборной, почему, не теряя времени, съ помощію служителей театра, вывелъ тѣхъ дѣтей на крыльцо актерскаго подъезда, и тѣмъ спасъ ихъ отъ преслѣдовавшаго пламени. Во время этого пожара, трое изъ мастеровыхъ театра выскочили въ окно верхняго этажа на крышу; изъ нихъ двое бросились на землю и убились объ мостовую до смерти, а третій, московскій мѣщанинъ Дмитрій Петровъ, остался на крышѣ, съ которой сойти не имѣлъ возможности: лѣстницы такой длины, которая достала бы до той крыши, не было, и онъ находился въ неизбѣжномъ положеніи погибнуть или отъ пламени, которое постепенно къ нему приближалось, или, послѣдовавъ за своими товарищами, броситься на землю; то или другое, но онъ готовился къ смерти, призывая на помощь Всевышняго. Въ это время крестьянинъ государственныхъ имуществъ, Ярославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ (*), занимающійся кровельнымъ мастерствомъ, и бывшій въ Москвѣ проездомъ въ Петербургъ, выйдя изъ толпы, вызвался спасти погибающаго; ему тотчасъ была подана лѣстница, такой длины, что по ней Маринъ могъ взлѣсть только до конечности колоннъ главнаго подъезда, гдѣ съ нея перелѣзъ онъ на водосточный желобъ, соединяющій крышу съ колонной, и оттуда на шесть подаль веревку погибавшему Петрову, который, зацѣпивъ эту веревку за крюкъ, находившійся на подъездной крышѣ театра, спустился по ней на желобъ, и по желобу на лѣстницу, по которой сошелъ на землю совершенно невредимымъ. Кромѣ того, въ гудахъ угля найдены три обгорѣвшіе трупа людей, званіе коихъ еще неизвѣстно. Сосѣдніе дома отстояны безъ малѣйшаго поврежденія, также какъ и деревянныя строенія, принадлежащія къ театру, за исключеніемъ декорационнаго сарая, съ коего изъ предосторожности снята была крыша.

(С. П.)

(*) Портретъ Марина будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ Р. Х. Л.

ИВАНЪ ЕФИМОВИЧЪ СИВЕРБРИКЪ.

Къ числу замѣчательныхъ людей, которыхъ Россія лишилась въ послѣднее время, принадлежитъ извѣстный преподаватель фехтованія, Статскій Совѣтникъ Иванъ Ефимовичъ Сивербрикъ, скончавшійся въ С. Петербургѣ, 17-го Ноября 1852 года, семидесяти четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Родиною И. Е. Сивербрика былъ Ревель, а мѣстомъ воспитанія Первый Кадетскій Корпусъ, изъ котораго онъ былъ выпущенъ, съ чиномъ прапорщика арміи, въ 1795 году, въ бытность главнымъ начальникомъ сего заведенія знаменитаго въ послѣдствіи Князя М. И. Голенщикова-Кутузова. По страстной любви къ фехтованію, Сивербрикъ посвятилъ себя исключительно усовершенствованію въ Россіи этого полезнаго искусства, и на второмъ году своей службы поступилъ фехтовальнымъ учителемъ въ тотъ самый корпусъ, въ которомъ получилъ образованіе. Сверхъ того обучалъ онъ въ разное время въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ Пажескомъ, Второмъ Кадетскомъ, Морскомъ и Горномъ Корпусахъ, въ Дворянскомъ Полку, въ Артиллерійскомъ Училищѣ, въ Училищѣ Правовѣднія и въ Первой Гимназіи, и имѣлъ счастье обучать фехтовальному искусству нынѣ царствующаго Государя Императора, въ бытность Его Величества Великимъ Княземъ, и Ихъ Императорскія Высочества Великихъ Князей Наслѣдника Цесаревича, Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича, и въ Бозѣ почившаго Михаила Павловича, а также Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Будучи истиннымъ любителемъ фехтовальнаго искусства, И. Е. Сивербрикъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, удѣлялъ часть своихъ доходовъ на наемъ залы (salle d'armes), куда любители фехтованія два раза въ недѣлю имѣли бесплатный входъ, и гдѣ они, бесплатно же, могли упражняться въ этомъ искусствѣ. Весьма многимъ, конечно, памятна эта зала, назначеніемъ своимъ много принесшая пользы. И. Е. Сивербрикъ былъ человѣкъ въполнѣ безкорыстный, и наилучшимъ для себя вознагражденіемъ считалъ не плату за даваемые имъ уроки, а успѣхи въ этихъ урокахъ.

Въ 1846 году 15-го Февраля, когда исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня вступленія И. Е. Сивербрика въ званіе учителя фехтованія, бывшіе его ученики, въ числѣ которыхъ были многіе государственные сановники, торжественнымъ образомъ отпраздновали юбилей почтеннаго своего преподавателя, въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, и при этомъ случаѣ поднесли ему золотую рапиру, съ надписью: *Отъ признательныхъ учениковъ на память И. Е. Сивербрику, 15-го Февраля 1846 года.* вмѣстѣ съ симъ послѣдовала и Монаршая милость: пожалованіе Сивербрику, въ пожизненную пенсію, двойнаго оклада его жалованья.

Въ послѣдніе годы своей жизни, И. Е. Сивербрикъ усердно занимался составленіемъ *Руководства къ изученію правилъ фехтованія на рапирахъ и эспадронахъ.* Это сочиненіе онъ посвятилъ Августѣйшему Имени Государя Наслѣдника Цесаревича, и напечаталъ предъ самою

своею кончиною. Руководство это, весьма полезное и для учителей, и для учащихся, принято во всѣ Военно-Учебныя Заведенія, и безспорно у насъ въ Россіи самое лучшее и единственное въ своемъ родѣ.

И. Е. Сивербрикъ скончался въ С. Петербургѣ, послѣ непродолжительной болѣзни, 17-го Ноября 1852 года, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ, близко его знавшихъ, оставивъ по себѣ память отличнаго преподавателя и прекраснаго человѣка. Имя его пользовалось большою извѣстностью въ Россіи, ибо ученики Сивербрика разсыяны по всему огромному пространству нашего отечества.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БРЯНСКІЙ.

Въ 1853 году русскій театръ понесъ тяжелыя утраты: менѣе нежели въ мѣсяцъ лишились мы трехъ первостепенныхъ артистовъ, въ то же время сгорѣло зданіе Московскаго Большаго Театра.

Въ теченіе четырехъ недѣль умерли Брянскій, Гусева и Каратыгинъ: Брянскій въ Пятницу предъ Масляницей, 20-го Февраля, Гусева ровно недѣлю спустя, въ Пятницу же, 27-го Февраля, Каратыгинъ ровно двѣ недѣли послѣ Гусевой, также въ Пятницу, 13-го Марта. И всѣ эти кончины были неожиданны. Брянскій, отличавшійся атлетическою силою и желѣзнымъ здоровьемъ, умеръ такъ внезапно, что не успѣлъ отказаться отъ роли, которую долженъ былъ играть въ день своей смерти, и имя его стояло еще на афишѣ, когда бездыханное тѣло было уже на столѣ. Гусева, бывшая на погребеніи Брянскаго совершенно здоровою, умерла на сценѣ, во время представленія, не докончивъ роли. Каратыгинъ, человѣкъ колоссальной силы и такого же здоровья, былъ до того пораженъ этими двумя кончинами, въ особенности же послѣднею, которой былъ очевидцемъ, что почувствовалъ себя дурно въ тотъ же день, на слѣдующій не могъ уже играть, и отказался отъ роли, а двѣ недѣли спустя послѣдовалъ за своими товарищами.

Каждая изъ этихъ утратъ тяжела для петербургской сцены, а вмѣстѣ взятая онѣ оставляютъ на ней пробѣлъ, пополнить который, въ настоящее время, невозможно, потому что умершіе артисты были первыми въ своемъ амплуа. Они были въ то же время и старѣйшими, а потому біографіи ихъ, въ особенности же біографія Брянскаго, прослужившаго театру около сорока пяти лѣтъ, очень важны для исторіи русскаго театра.

Объемъ статей въ Русскомъ Художественномъ Листкѣ не позволяетъ намъ входить въ подробности, но и то, что мы скажемъ здѣсь о Брянскомъ, дастъ, надѣмся, нашимъ читателямъ понятіе о значеніи этого артиста въ исторіи русскаго театра.

Театральное поприще Брянскаго началось очень рано. Первый дебютъ его былъ на Кушелевскомъ Театрѣ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ зданіе Главнаго Штаба. Дирекція наняла этотъ театръ для представленія нѣмецкой труппы, но какъ по Пятницамъ и Вторникамъ нѣмецкихъ представленій не бы-

вало, то Князь Шаховской сталъ давать на этомъ театрѣ русскія піесы, въ которыхъ участвовали исключительно одни начинающіе актеры, составлявшіе отдѣльную труппу, подъ названіемъ *молодой*. Это было нѣчто въ родѣ практической школы, въ которой Шаховской приготовлялъ и образовывалъ актеровъ. Здѣсь-то началось театральное поприще Брянскаго, бывшаго уже въ гражданской службѣ и поступившаго на театръ по страсти къ нему.

Первые шаги молодого артиста, хотя и неподготовленнаго, по всей вѣроятности, къ начатому имъ поприщу, были чрезвычайно удачны, и онъ скоро обратилъ на себя вниманіе своего наставника. Брянскій былъ одаренъ звучнымъ, симпатическимъ голосомъ, который сохранилъ и на старости, пріятною, умною и энергическою фізіономіею, умѣлъ выказывать даже и въ незначительныхъ роляхъ, которыя ему тогда поручались, чувство и увлеченіе; отличался, наконецъ, внятною и правильною дикціею, также сохраненною имъ до самой смерти. Всего этого было слишкомъ достаточно чтобъ обратить на него особенное вниманіе такого опытнаго знатока и цѣнителя, какимъ былъ Князь Шаховской. Послѣ недолгаго пребыванія въ *молодой труппѣ*, Брянскій перешелъ въ большую, двадцати одного года отъ роду, и занялъ первое амплуа въ трагедіяхъ, драмахъ и комедіяхъ.

Это было въ 1811 году. Къ числу первыхъ его успѣховъ принадлежитъ роль въ трагедіи *Абуфаръ*, которую перевелъ для него Князь Шаховской. Вслѣдъ затѣмъ онъ съ большимъ еще успѣхомъ сыгралъ главную роль въ трагедіи Вольтера *Китайскій Сирота*. Это рѣшило окончательно театральную судьбу Брянскаго, и когда умеръ знаменитый трагикъ Яковлевъ, Брянскому открылась возможность занять его мѣсто.

Яковлевъ считался великимъ актеромъ, былъ чрезвычайно любимъ публикою, и потому поступить на его мѣсто было дѣломъ очень опаснымъ; но Брянскій рѣшился на то, тѣмъ болѣе, что и при жизни его съ нимъ соперничествовалъ. Успѣхъ увѣнчалъ вполнѣ смѣлость артиста, и поставилъ его на первое мѣсто въ ряду товарищей. Это мѣсто оставалось за нимъ до 1820 года, т. е. до появленія на сценѣ В. А. Каратыгина, успѣхъ котораго въ роли Фингала, а потомъ въ *Эдипъ Царь* Грузинцева, заставилъ Брянскаго уступить ему большую часть первыхъ ролей въ трагедіяхъ. Впрочемъ Брянскій долго шелъ рядомъ съ Каратыгинымъ, и мы помнимъ піесы, на примѣръ, *Венеціанскую актрису*, въ которыхъ Брянскій и Каратыгинъ чередовались. Тѣмъ не менѣе первыя роли въ трагедіяхъ, а потомъ и въ драмахъ, сдѣлались въ это время принадлежностью Каратыгина, имѣвшаго передъ Брянскимъ въ это время преимущество молодости, необходимой для амплуа *первыхъ ролей* въ серіозной драмѣ. Брянскій же, хотя и продолжалъ являться въ такихъ роляхъ, по

рѣже, и собственнымъ его амплуа сдѣлались роли благородныхъ отцевъ, царей и т. п. И въ этомъ амплуа было у него нѣсколько блистательныхъ ролей, на примѣръ, роль Филиппа въ *Донъ Карлосъ*, Хрістіерна въ *Іоаннъ Финляндскомъ* и мн. др. Наконецъ онъ сталъ появляться въ комическихъ роляхъ, и снова имѣлъ успѣхъ (*Горе отъ ума*, *Благородный театръ*, *Езопъ у Ксанфа* и т. д.). Онъ сохранилъ это тройное амплуа до самой смерти.

Этотъ бѣглый очеркъ театральнаго поприща Брянскаго такъ коротокъ и неполонъ, что не можетъ дать точнаго понятія о его дарованіи; для сего слѣдовало бы представить перечень ролей, сыгранныхъ Брянскимъ, а перечень этотъ такъ великъ, что занялъ бы болѣе мѣста чѣмъ вся статья. Но и немногое, сказанное нами, показываетъ, что Брянскій имѣлъ дарованіе гибкое, воспріимчивое и притомъ дарованіе большое, потому что могъ замѣнить Яковлева, и слишкомъ тридцать лѣтъ сряду игралъ съ Каратыгинымъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ сталъ слабъ памятью и немного глухъ, что мѣшало ему, разумѣется, брать на себя большія роли, но и послѣдніе годы его жизни ознаменованы нѣсколькими весьма удачными ролями, изъ которыхъ назовемъ, для примѣра, роль Квазимодо въ *Эсмеральдѣ*.

Брянскій за долго до своей смерти выслужилъ полный пенсіонъ. Немногимъ удавалось такъ долго оставаться на сценѣ. Брянскій умеръ на шестьдесятъ третьемъ году своей жизни, а поступилъ въ *молодую труппу* Князя Шаховскаго лѣтъ девятнадцати, слѣдовательно прослужилъ театру слишкомъ сорокъ лѣтъ. Есть, разумѣется, и другіе примѣры такого долгаго служенія Талии и Мельпоменѣ, но врядъ ли найдется въ исторіи театра много такихъ актеровъ, о которыхъ можно сказать, какъ о Брянскомъ, что онъ, послѣ сорокалѣтняго служенія, съ неизмѣняющимся достоинствомъ занималъ первое амплуа и появлялся въ роляхъ, игравныхъ имъ въ цѣлѣ лѣтъ.

Подробная біографія Брянскаго была бы очень занимательна, потому что обнимаетъ обширный и самый любопытный періодъ исторіи нашего театра. Питомецъ и сподвижникъ Князя Шаховскаго, товарищъ всѣхъ знаменитостей русской сцены, начиная съ Яковлева, онъ пережилъ много важныхъ перемѣнъ, былъ однимъ изъ первыхъ поборниковъ драматическаго романтизма, вытѣснившаго съ нашей сцены французскій псевдо-классицизмъ, введенный Сумароковымъ, видѣлъ появленіе новой французской драмы и первые успѣхи новой русской драмы, созданной Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ и Гоголемъ. Мы надѣемся, что кто нибудь изъ нашихъ литераторовъ, видѣвшій и помнящій побольше пишущаго эти строки, займетъ этою важною для исторіи русскаго театра біографіею.

Брянскій занимался литературой: онъ перевелъ между прочимъ стихами, съ надстрочнаго прозаическаго перевода, драму Шекспира *Ричардъ III*.

Брянскій былъ любимъ и уважаемъ всѣми товарищами и всѣми знавшими его, и былъ вполне достоинъ этой любви и уваженія, не только какъ артистъ, но и какъ человекъ: онъ былъ благороденъ, добръ, услужливъ. Посѣщавшіе домъ его, въ которомъ никогда не бывало скучно, потому что хозяинъ принималъ всѣхъ радушно и ласково, никого не стѣсня, знаютъ, что онъ былъ и прекрасный семьянинъ.

Брянскій умеръ 20-го Февраля, отъ припадка холеры, продолжавшагося не болѣе двѣнадцати часовъ. Полагаютъ что онъ заболѣлъ ранѣе этого рѣшительнаго припадка, дней за пять, но никому о томъ не говорилъ, по безпечности, составлявшей одну изъ чертъ его характера, или потому что надѣялся на свое желѣзное сложеніе и крѣпкое здоровье.

В. П.

ТАНЦОВАЛЬНОЕ УТРО И ДѢТСКІЙ БАЛЪ,

ДАННЫЕ ВЪ ПОЛЬЗУ УБѢЖИЩА ДѢВИЦЪ,

ВЪ ЗАЛАХЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ,

22-го Февраля 1853 года.

Русскій Художественный Листокъ положилъ себѣ правиломъ знакомить своихъ читателей со всѣмъ, что есть любопытнаго въ русскомъ быту, а потому полагаемъ, что нѣсколько словъ о дѣтскомъ балѣ 22-го Февраля будутъ прочтены со вниманіемъ.

Въ 1851 году проявилась у насъ въ первый разъ мысль, учрежденіемъ утренняго дѣтскаго бала, доставить благотворительной публикѣ пріятное развлеченіе. Праздникъ этотъ изображенъ былъ въ № 14-мъ Художественнаго Листка 1851 года. Въ нынѣшнемъ году многія дамы высшаго круга согласились учредить, въ пользу Убѣжища Дѣвицъ недостаточнаго состоянія, кончившихъ воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ, подобный же праздникъ, приняли въ немъ дѣятельное участіе, а потому онъ и увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Какъ счастливо было это общество дамъ въ выборѣ того, что нашему слуху и зрѣнію могло доставить новое удовольствіе, доказывали полныя залы Собранія. Исполнены были: увертюра, на десяти фортепіанахъ; арпеджіо, капризъ на скрипкѣ, соч. Аполлинарія Контскаго, исполненное имъ же; молитва изъ оперы *Моисей* и танцы въ обѣихъ залахъ.

Мы не принадлежимъ къ музыкальнымъ критикамъ, и насъ занимали болѣе исполнители десяти-фортепіанной музыки; умалчиваемъ о Контскомъ, потому что его не слышали, и переходимъ къ блестящему, пластически-изящному представленію національной пляски, исполненной дѣтми.

Лишь только поданъ былъ знакъ къ танцамъ, дѣти въ русскомъ платьѣ стали пробираться сквозь плотную толпу зрителей, мило раскланялись и начали пляску съ истинно-удивительною ловкостью. Каждый народный танецъ труденъ въ исполненіи, особенно же нашъ, который исключаетъ рѣзкія движенія и требуетъ сохраненія соразмѣрности членовъ. Въ главѣ хоровода видимъ крошечную крестьянку, которая важно, безстрашно, проникнутая значеніемъ своей задачи, влечетъ за собою въ искусственныхъ заворотахъ цѣлую цѣпь. Эта цѣпь вскорѣ разрывается, и вокругъ шестовъ, обвѣшанныхъ лентами, начинается новый хороводъ, который заключается вторичнымъ поклономъ. Слѣдующій затѣмъ дуэтъ, исполненный краснощекою блондинкою и прекраснымъ мальчикомъ, былъ кажется самымъ удачнымъ представленіемъ нашей народной пляски. Потомъ малютки перешли въ сосѣдную залу, гдѣ въ рѣзвой радости, освободясь отъ надзора танцевальнаго учителя, протанцовали еще нѣсколько менѣе методическихъ, но болѣе непринужденныхъ танцевъ.

На рисункѣ изображена собственно сцена дѣтскаго танца. Мѣсто, на которомъ происходилъ танецъ, было огорожено цвѣтами и усажено деревьями, на которыхъ развѣвались ленты.

К. Г.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 10-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) дѣтскій хороводъ на балѣ, въ пользу Убѣжища Дѣвицъ недостаточнаго состоянія, кончившихъ воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ, данномъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ С. Петербургѣ, 22-го Февраля 1853 года; 2) аукціонная продажа дублетовъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, 4-го Марта 1853 года; 3) Императорскій Большой Театръ въ Москвѣ, сгорѣвшій 11-го Марта 1853 года; 4) портретъ Якова Григорьевича Брянскаго, скончавшагося 20-го Февраля 1853 года, въ С. Петербургѣ; 5) портретъ Ивана Ефимовича Сивербрика, скончавшагося 17-го Ноября 1852 года, въ С. Петербургѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для иногородныхъ у издателя Василія Фёдоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для городскихъ въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 31-го Марта 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ПОДВИГЪ ПРОСТАГО РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Всякое безкорыстное движеніе на спасеніе или въ пользу ближняго, должно быть внесено неизгладимыми чертами въ лѣтопись человѣчества вообще. Благодаря Всевышнему, въ русскомъ человѣкѣ любовь къ ближнему развита во всей христіанской простотѣ и прямотѣ ея, и часто мы видимъ на дѣлѣ умиленное и трогательное проявленіе этого высокаго, святаго чувства. Впишемъ въ исторію человѣколюбія еще одинъ случай, свидѣтельствующій о рѣдкомъ самоотверженіи еще одного русскаго человѣка.

Крестьянинъ государственныхъ имуществъ, Ярославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ, занимался лѣтъ десять тому кровельнымъ мастерствомъ, и хозяйствовалъ, какъ онъ самъ говоритъ, съ своимъ отцемъ; въ послѣдствіи онъ занялся котельнымъ мастерствомъ, и поступилъ на Колпинскій Заводъ. Въ прошедшемъ году Маринъ отправился на родину, повидался съ родными, и въ началѣ Марта нынѣшняго года собрался въ обратный путь въ Петербургъ. Доѣхавъ до Москвы на лошадахъ, онъ, съ товарищами—ихъ всего было десять человѣкъ—опоздалъ на машину, и долженъ былъ переночевать въ Москвѣ. Утромъ на другой день отправился товарный поѣздъ, а потому Маринъ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ до трехъ часовъ того же дня, 11-го Марта.

«Люди деревенскіе вѣдь любопытны, — рассказываетъ Маринъ, — а я въ Москвѣ съ роду не бывалъ! Вотъ и пошли мы полюбопытствовать на чудеса Бѣлокаменной. Зашли въ Успенскій Соборъ, приложились къ Святымъ Мощамъ; пошли къ Ивану Великому на колокольню, а оттуда въ Охотный Рядъ. Тамъ сказали намъ, что случился пожаръ: Большой Театръ горитъ.... Время было самое среднее, около полудня. Вотъ мы пошли и на пожаръ посмотреть»....

Маринъ прибылъ на пожаръ уже въ самый разгаръ его. Театръ горѣлъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всѣмъ направленіямъ внутренности, вылетало въ крыши и окна. Во время пожара, трое изъ мастеровыхъ театра выскочили въ окошко верхняго этажа на крышу и долго бѣгали по ней, не находя спасенія, будучи окружены со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ, въ минуту отчаянія, соскочили съ крыши внизъ и убились до смерти. Третій остался на крышѣ, и, задыхаясь отъ дыму, преслѣдуемый пламенемъ, жалобно молилъ о спасеніи... Но, казалось, и ему суждено было погибнуть. Не было ни одной лѣстницы, которая могла бы достать

до крыши высокаго зданія, и несчастный находился въ неизбѣжной крайности погибнуть или отъ пламени, которое постепенно приближалось къ нему, или, послѣдовавъ за своими товарищами, броситься внизъ. Не переставая до послѣдней минуты уповать на благодать Всевышняго, бѣднякъ укрылся отъ дыма и жара въ такомъ мѣстѣ на крышѣ, откуда вѣтеръ отдувалъ пламя. Между тѣмъ Маринъ, братъ его и товарищи молча смотрѣли снизу на страшное зрѣлище.

«Молчу, — рассказываетъ Маринъ, — а сердце у меня такъ и ходитъ, такъ и просится, какъ бы способъ дать христіанской душѣ»....

— Товарищи! вскрикнулъ онъ вдругъ: подождите, я пойду, спасу человѣка!

Товарищи посмотрѣли на него сперва въ недоумѣніи.

— Съ Богомъ! сказали они наконецъ: доброе дѣло сдѣлаешь.

Не медля ни минуты, Маринъ обратился къ начальству съ просьбою, дозволить ему спасти погибавшаго. Позволеніе было немедленно дано. Маринъ снялъ шубу, шапку, передалъ ихъ городовому, и остался въ рубахѣ. Запасшись веревкою и взявъ съ собою брата, онъ скоро пошелъ къ лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, но далеко недостававшей до крыши. Дойдя до лѣстницы, Маринъ набожно перекрестился и смѣло пошелъ вверхъ. Лѣстница была двухколѣнная, но все-таки она далеко не доставала до крыши. Обвивъ веревку вокругъ пояса, Маринъ, благословясь, ухватился за водосточную трубу, и по ней сталъ взбираться наверхъ..... Внизу, толпы народа слѣдили за дѣйствіями безстрашнаго крестьянина; сверху пламя распространялось съ яростію, слышался стукъ и трескъ валившихся стропилъ, и посреди этого грознаго шума плачевный вопль несчастнаго. Маринъ взбирался по водосточной трубѣ. «Было холодно, вѣтряно — рассказываетъ онъ, — а я и не чувствую; съ тѣхъ поръ, какъ возимѣлъ намѣреніе спасти христіанскую душу, у меня такое сердечное воспаленіе сдѣлалось, что такъ въ жаръ и бросило».... Горячія руки его прилипаютъ къ холодному желѣзу водосточной трубы, а Маринъ лѣзетъ все выше и выше. «Трещитъ труба, не больно крѣпка была, голубушка, да стало быть такъ ужъ Богу угодно было, и я взобрался на карнизъ; тамъ, благо, полегче стало, я сталъ на твердую ногу.»

Братъ, оставшійся на лѣстницѣ, подалъ Марину на веревкѣ ухватъ, а онъ, помощію этого же ухвата, передалъ веревку бѣдняку, находившемуся на крышѣ, посреди пламени. — «Зачаливай (прикрѣпи) за что ни попало! крикнулъ Маринъ, да только, смотри, покрѣпчѣ.»

Погибавшій зацѣпилъ веревку за крюкъ, находившійся на подъѣздной крышѣ театра. Маринъ сложилъ веревку

вдвое, чтобы вѣрнѣе было, и, приказавъ находившемуся на крышѣ спускаться осторожно, придерживаясь руками за веревки, а колѣнями за водосточную трубу, самъ спустился первый. — Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій Марина видно, что, при благородномъ движеніи сердца, онъ сохранилъ и спокойствіе ума. Пока Маринъ спускался по лѣстницѣ, а спасенный имъ по водосточной трубѣ, въ толпѣ проявилось чудное, высокое, истинно русское движеніе. Головы обнажились, и крестное знаменіе, символъ безмолвной молитвы, сопровождало и подвигъ одного, и спасеніе другаго.... Тутъ дѣйствительность краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій. — Въ то же время, когда сошелъ внизъ Маринъ, спасенный имъ находился уже на лѣстницѣ и виѣ всякой опасности.

«Только что я сошелъ внизъ, — разсказываетъ Маринъ, — какъ ко мнѣ подошелъ баринъ въ шинели и каскѣ — не могу звать кто — и далъ мнѣ двадцать пять рублей серебромъ.»

Многіе изъ присутствовавшихъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, тѣснились къ доброму русскому человѣку, и предлагали ему, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ, кто гривенникъ, кто цѣлковый, кто нѣсколько копѣекъ....

— Спасибо! молодецъ! дай тебѣ Богъ здоровья! слышалось со всѣхъ сторонъ.

«А куда дѣвался бѣдный, что былъ на крышѣ, — говорилъ Маринъ, — мнѣ неизвѣстно, да и не мое дѣло; благо живъ остался. А ко мнѣ подошелъ господинъ адъютантъ, далъ мнѣ записку и отправилъ меня на извозчикъ въ канцелярію, гдѣ списали все, какъ было.» — Во все это время Маринъ до того сохранилъ присутствіе духа, что заботился только о томъ, какъ бы не ушла безъ него машина. Въ три часа онъ сидѣлъ уже въ вагонѣ, а въ Пятницу, 13-го Марта, прибылъ въ Колпино, гдѣ служилъ прежде. Не теряя времени, отправился онъ къ прежнему своему начальнику, Г. Флотову, и, какъ хорошій работникъ, былъ принятъ; тутъ же выпросился онъ на денекъ къ своей родной теткѣ, имѣющей въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Острову, лавку. Повидавшись съ теткой, Маринъ собирался уже обратно въ Колпино на работу, какъ былъ призванъ къ Господину С. Петербургскому Оберъ-Полиціимейстеру.

Подвигъ самоотверженія былъ уже доведенъ до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величеству благоугодно было увидѣть Марина. Съ трепетнымъ сердцемъ и полный благоговѣнія вступилъ русскій мужичекъ въ чертоги Русскаго Царя. Ни на яву, ни даже во снѣ не представлялось никогда ему, простому человѣку, что Господь удо-

стоитъ его зрѣть вблизи лице Царево, слышать изъ устъ Царскихъ милостивое слово, къ нему обращенное.

Его Императорское Величество соизволилъ принять Марина въ Своемъ кабинетѣ, и обратиться къ нему съ слѣдующими словами:

«Спасибо за доброе дѣло. Поцѣлуй МЕНЯ и разскажи, какъ тебѣ Богъ помогъ.»

Въ простыхъ словахъ разсказалъ Маринъ какъ было дѣло.

Государь Императоръ, благосклонно выслушавъ разсказъ, сказалъ:

«Ступай съ Богомъ, и будетъ нужда, такъ приходи ко МНѢ, когда хочешь.»

Его Величество соизволилъ приказать наградить Марину медалью, установленною за спасеніе погибавшихъ, и выдать ему сто пятьдесятъ рублей серебромъ. Неизгладимыми чертами будетъ вписано въ памяти Марина это событіе, а каждый Русскій произнесетъ изъ глубины души теплую молитву:

Да хранить Господь Царя и Святую Русь!

(В. Снб. П.)

На рисунокъ, приложенномъ къ № 11-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены портреты: 1) Василя Андреевича Каратыгина, скончавшагося 13-го Марта 1853 года, въ С. Петербургѣ; 2) Елены Ивановны Гусевой, скончавшейся 27-го Февраля 1853 года, въ С. Петербургѣ; 3) крестьянина государственныхъ имуществъ Василя Гаврилова Марина, оказавшаго подвигъ самоотверженія при пожарѣ Большаго Театра въ Москвѣ, 11-го Марта 1853 года.

Въ № 34-мъ Художественнаго Листка 1851 года, сообщенъ уже былъ портретъ В. А. Каратыгина (въ профиль) съ рисунка, исполненнаго лѣтъ за пятнадцать; нынѣ же представляемъ портретъ нашего знаменитаго трагика съ дагеротипа, снятаго извѣстнымъ мастеромъ своего дѣла С. Л. Левицкимъ, съ натуры, незадолго до кончины В. А. Каратыгина. Слѣдовательно предлагаемый нами портретъ есть копія съ лучшаго существующаго портрета сего артиста. Краткая біографія В. А. Каратыгина будетъ сообщена въ слѣдующемъ номерѣ Листка.

Портретъ Е. И. Гусевой снятъ съ рисунка (работы Г. Тихообразова), принадлежащаго семейству Е. И. Гусевой.

Портретъ Марина снятъ издателемъ съ натуры, благодаря распоряженію Б. О. фонъ Флотова, выславшаго Марина изъ Колпино къ издателю, по его просьбѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для иногородныхъ у издателя Василя Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для городскихъ въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Раткова, О. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 3-го Апрѣля 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

АУКЦИОННАЯ ПРОДАЖА ДУБЛЕТОВЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

Въ № 10-мъ Русскаго Художественнаго Листка мы помѣстили изображеніе приѣмной залы Императорской Публичной Библиотеки, во время бывшей тамъ аукционной продажи дублетовъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, преимущественно относящихся до Россіи и Польши. Это было на первой недѣли поста. Аукціонъ продолжался четыре вечера, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го Марта, отъ семи до десяти часовъ, а въ послѣдній день и долѣе. Собраніе книгъ, назначенныхъ въ продажу изъ числа накопившихся въ библиотекѣ дублетовъ, было весьма значительно, какъ по количеству, такъ и по качеству. По каталогу, изданному за мѣсяць до аукціона подъ заглавіемъ: *Catalogue d'une belle collection d'ouvrages, en majeure partie rares et précieux, concernant principalement la Russie et l'ancienne Pologne etc.* было 273 нумера и подъ нѣкоторыми показаны были связки книгъ, въ которыхъ было по десяти, двадцати и болѣе книгъ и брошюръ. Всѣхъ сочиненій, съ тѣми, которыя присоединены были во время продажи, было безъ малаго 2,000.

Аукціонъ происходилъ въ круглой, приѣмной залѣ Библиотеки: здѣсь поставленъ былъ длинный столъ, около котораго помѣстились посѣтители. На столѣ по порядку нумеровъ выкладывались продаваемые книги. Продажа производилась въ присутствіи Г. Директора Императорской Публичной Библиотеки, Тайнаго Совѣтника Барона М. А. Корфа и его Помощника, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Князя В. О. Одоевскаго и всѣхъ чиновниковъ Библиотеки. Коммиссіонеръ Библиотеки Г. Ключель, сидѣвшій у особаго стола на возвышеніи, объявлялъ цѣны и присуждалъ книги. Возлѣ Г. Ключеля находился библиотечкарь Г. Минцловъ, для распоряженія аукціономъ.

Цѣны, назначенныя въ каталогѣ, были самыя умѣренныя; цѣны же, за которыя присуждались книги, были по большей части весьма значительны. Впрочемъ если и платили очень дорого, то не рѣдко произвольно и случайно. Иное важное сочиненіе, имѣющее въ книжной торговлѣ опредѣленную, почти неизмѣнную цѣну, было покупаемо не дорого. Иногда связка незначительныхъ брошюръ, въ числѣ которыхъ находилось, можетъ быть, одно сочиненіе, любопытное по какой нибудь библиографической особености, покупалось вдесятеро дороже противъ оцѣнки въ каталогѣ. Укажемъ на нѣсколько книгъ, проданныхъ за высокую цѣну и въ скобкахъ выставимъ цѣны каталога.

Banduri Imperium orientale, два тома въ листъ (Парижъ, 1711 г.), за 40 р. с. (5 р.)

Bray, Comte de, Essai sur l'histoire de Livonie, книга, непоступившая въ книжную торговлю, 20 р. (2 р.)

Биоинга Magazin, 22 ч. извѣстнаго сборника, полного любопытныхъ и важныхъ статей о Россіи, 61 р. (10 р.)

Герберштейна сочиненіе о Россіи, петербургская перепечатка — снимокъ, 1795 г. съ базельскаго изданія 1567 г. за 61 р. (7 р.), а новѣйшій англійскій переводъ (1851 г.) съ значительными объясненіями и предисловіемъ, изданный Гаклюйтовымъ Обществомъ, за 35 р. (10 р.). — Нѣмецкій переводъ Павла Ювія (№ 121) за 35 р. (4 р.). — Записки Манштейна на Французскомъ Языкѣ за 31 р. (1 р.). — *Пикара Cérémonies religieuses* за 55 р. (20 р.)

Нѣсколько замѣчательныхъ классическихъ писателей и книгъ, не относящихся по содержанію къ Россіи, продавались, сравнительно, довольно не дорого.

Купленные книги выдавались немедленно, безъ всякихъ формальностей и въ удивительномъ порядкѣ. По роду стекавшейся публики, зала Библиотеки, великолѣпно освѣщенная и изящно убранныя, представляло совершенно салонъ большаго свѣта.

Послѣ аукціона, въ газетахъ объявлено, что Императорская Публичная Библиотека вновь открыта для читателей ежедневно, а для желающихъ обозрѣвать ее — по Вторникамъ утромъ, въ одиннадцать часовъ, и въ часть, и что къ выставкѣ разныхъ примѣчательностей прибавилось нѣсколько предметовъ изъ древлехранилища Погодина и выложены также замѣчательныя въ разныхъ отношеніяхъ переплеты. Приглашаемъ нашихъ петербургскихъ читателей посѣтить Библиотеку. Въ рукописной залѣ они найдутъ большія перемѣны. На верху, въ той залѣ, гдѣ выставлены старинныя и рѣдкія книги, теперь устроены около колоннъ вращающіеся шкапы, въ которыхъ красуются богатые переплеты, работы иностранныхъ и здѣшнихъ мастеровъ. Тутъ же находятся книги старинныя и частью принадлежавшія извѣстнымъ лицамъ и библиотечкамъ, такъ что составилъ небольшой музей, гдѣ можно видѣть образцы переплетнаго искусства разныхъ временъ и разныхъ странъ. Въ читальной залѣ поставлены диваны, которыхъ прежде не было. Много и другихъ новыхъ украшеній и перемѣнъ. Число читателей растетъ ежедневно.

— И.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ.

Мы упомянули уже въ Листкѣ, какимъ образомъ театръ нашъ потерялъ, въ теченіе одного мѣсяца, трехъ отличныхъ артистовъ, и сообщили краткій некрологъ Я. Г. Брянскаго. Продолжаемъ грустную обязанность: скажемъ нѣсколько словъ о В. А. Каратыгинѣ.

Утрата В. А. Каратыгина особенно чувствительна для театра, и въ настоящее время невознаградима: на Каратыгинѣ лежало все бремя драмы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и нынѣ наша драма осиротѣла. На первыя роли въ ней вѣтъ у насъ теперь артиста. Страстно любя свое искусство, будучи одаренъ отъ природы желѣзнымъ сложеніемъ и атлетическою силою, Каратыгинъ появлялся на сценѣ два и даже три раза въ недѣлю, болѣею частію въ пятиактныхъ пьесахъ. Всѣ драмы, представленныя на нашемъ театрѣ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, почти ему одному обязаны своимъ успѣхомъ. Каратыгинъ трудился для своего искусства неутомимо, не только какъ актеръ, но и какъ литераторъ; онъ никогда не полагался на свой долгій опытъ и навыкъ къ театру, и выходилъ на сцену не иначе, какъ изучивъ роль со всѣхъ сторонъ, по мѣрѣ силъ своихъ; если чувствовалъ потребность въ новой роли, то самъ брался за перо и писалъ ее для себя. Число переведенныхъ и передѣланныхъ имъ для русской сцены пьесъ, очень значительно.

Понятно, что публика любила такого артиста и не скоро утѣшится въ его смерти. Притомъ же смерть эта была такъ неожиданна, что сначала никто не хотѣлъ вѣрить ей: всѣ знали, что Каратыгинъ былъ постоянно здоровъ, и былъ необыкновенно крѣпкаго сложенія.

Въ Пятницу на масляницѣ Василій Андреевичъ игралъ въ *Русской Свадьбѣ*, но на слѣдующій день отказался играть въ *Смерти Ляпунова*. Говорятъ, что его очень разстроила смерть Гусевой, которой онъ былъ очевидцемъ. Это разстройство перешло скоро въ нездоровье, подготовленное, вѣроятно, другими причинами: у Василья Андреевича открылась тифозная горячка, и 13-го Марта его не стало.

Похоронили его 16-го Марта. Нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ были на его похоронахъ.

Еще наканунѣ вечеромъ, когда происходилъ выносъ тѣла, изъ дома Г. Якуничкова (у Синяго Моста), гдѣ жилъ покойный, въ Церковь Благовѣщенія, близъ Конной Гвардіи, народа собралось столько, что принуждены были принять мѣры, не впускать постороннихъ въ домъ. Обѣ набережныя Мойки, вплоть до Краснаго Моста, и вся площадь, были покрыты густою толпою. Когда вынесли гробъ, то стоявшіе вблизи донесли покойнаго на рукахъ до самой церкви.

Въ газетахъ былъ описанъ слѣдующій трогательный случай.

Одинъ изъ шедшихъ за гробомъ напрасно порывался къ нему приблизиться; волны народа оттѣсняли его. Видя, что ему трудно будетъ подойти, онъ рѣшился обратиться къ какому-то, судя по одеждѣ, купцу или мѣщанину, который несъ гробъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, пропустите, покойникъ былъ мнѣ знакомый.

— Эхъ, батюшка, отвѣчалъ купецъ, онъ былъ намъ вслѣдъ знакомъ! и не уступилъ своего мѣста.

Этотъ простой но трогательный случай можетъ дать понятіе о любви, которою пользовался покойный артистъ.

Отпѣваніе происходило въ Понедѣльникъ, 16-го Марта, въ десять часовъ утра; государственные сановники, многіе литераторы, многочисленные друзья и почитатели покойнаго, всѣ его товарищи, въ томъ числѣ и артисты балет-

ной, французской и нѣмецкой труппъ, присутствовали при божественной литургіи и панихидѣ. Около церкви, на Конно-Гвардейскомъ Бульварѣ, на улицѣ, ведущей къ Благовѣщенскому Мосту и на самомъ мосту, толпились тысячи народа. Гробъ донесли на рукахъ до самаго Смоленскаго Кладбища (*). По дорогѣ толпа росла непрерывно; во многихъ домахъ были открыты окна. Экипажамъ не было видно конца. Каратыгина похоронили на кладбищѣ невдалекѣ отъ церкви.

Василій Андреевичъ былъ сынъ придворнаго же актера Андрея Васильевича и актрисы Александры Дмитриевны Каратыгиныхъ. Онъ не готовился къ театру, потому что воспитывался въ Горномъ Корпусѣ, въ одно время съ потомъ Н. М. Языковымъ, притомъ въ то время, когда И. В. Орловъ, мужъ нашей даровитой артистки, служилъ тамъ, подъ другою фамилію, которую перемѣнилъ при поступленіи на сцену. Изъ Горнаго Корпуса, Каратыгинъ перешелъ въ одно изъ гражданскихъ училищъ, а въ 1820 году, девятнадцати лѣтъ, если не ошибаемся, дебютировалъ уже въ роли Фингала, въ известной трагедіи Озерова. Второй дебютъ его былъ въ трагедіи Грузинцева *Эдипъ Царь*. Эти первые дебюты были чрезвычайно успѣшны и доставили Каратыгину первое амплу въ трагедіяхъ. Съ тѣхъ поръ онъ никому не уступалъ этого мѣста, и все остальное поприще его было рядомъ непрерывныхъ успѣховъ. При поступленіи его на сцену, господствовала на ней классическая трагедія; высокій ростъ, величественныя движенія и звучный голосъ, при обширномъ дарованіи, дѣлали изъ него актера, неоцѣннаго для этого рода пьесъ. Но и послѣ, когда романтическая трагедія вытѣснила классическую, Каратыгинъ оставался первымъ, точно такъ же, какъ и послѣ появленія на нашей сценѣ новѣйшей французской драмы.

Вотъ перечень нѣкоторыхъ замѣчательныхъ ролей Каратыгина изъ трехъ эпохъ его сценической дѣятельности.

Орестъ въ *Андромахѣ*, Эгистъ въ *Меропѣ*, Иполитъ въ *Федрѣ*, Арзасъ въ *Семирамидѣ*, Ахиллъ въ *Ифигеніи*, Родригъ въ *Сидѣ*, Танкредъ, Эдипъ, Фингаль, Дмитрій Донской, Пожарскій и др.

Во второй эпохѣ относятся роли въ *Гамлетѣ*, *Отелло*, *Лирѣ*, *Коріоланѣ*, *Сынѣ Любви*, *Разбойникахъ*, *Коварствѣ* и *Любовь*, *Донъ-Карлосъ* и др.

Къ третьей эпохѣ принадлежатъ драмы: *Кинъ*, *Генрихъ III*, *Антони*, *Ричардъ д' Арлингтонъ*, *Тереза*, *Анжело*, *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока*, *Велисарій*, *Отецъ и дочь*, *Юаннъ Герцогъ Финляндскій*, *Карлъ XII при Бендерахъ*, *Проступокъ*, *Прародительница*, *Зажигатели*, *Кровавая рука*, *Мономанъ*, *Елисавета* и *Графъ Эссексъ*, *Смерть или честь*, *Никому кромѣ Короля*, *Она помѣшана*, *Скопинъ-Шуйскій*, *Честолюбецъ*, *Смерть Ляпунова*, *Торквато-Тассо*, *Эсмеральда*, *Роксолана*, *Рука Всевышняго* отечество спасла, *Параша Сибирячка*, *Моліеръ*, *Клара д' Обервиль*, *Король Энціо*, *Ермакъ*, *Елена Глинская*, *Иголкинъ*, *Заколдованный домъ*, *Замокъ Плесси Ле-Туръ*, *Греческій Философъ*, *Денщикъ* и др.

Послѣднею драматическою ролью, которую создалъ Каратыгинъ, была роль *Бенвенуто-Челлини*, въ драмѣ того же названія.

Изъ пьесъ, переведенныхъ и передѣланныхъ Каратыгинымъ для русской сцены, назовемъ: *Агамемнона* — *Лемерсіе*; *Антони*, *Терезу*, *Ричарда д' Арлингтона*, *Кина* — *Александра Дюма*; *Лира*, *Коріолана* — *Шекспира*; *Мессинскую Невѣсту* — *Шиллера*; *Предки* и *Потомство* — *Виктора*

(*) На Смоленскомъ же Кладбищѣ погребены Дюръ и Асенкова.

Гюго; Гладіатора — Александра Суліе; Лудовика XI (Замокъ Плесси Ле-Туръ) — Казимира Далавіня; Искательницу приключеній (Нашла коса на камень) — Эмиля Ожье и др. Многія изъ этихъ піесъ переведены стихами.

Этотъ перечень можетъ дать понятіе о необыкновенномъ трудолюбіи и неистощимой дѣятельности покойнаго трагика, что же касается до его сценическаго дарованія, то говорить о немъ считаемъ излишнимъ.

Онъ намъ вѣсѣмъ былъ знакомъ! П.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ГУСЕВА.

Поприще Гусевой скромнѣе, но и она, въ своемъ амплуа, была очень полезна на нашей сценѣ: въ роляхъ комическихъ старухъ, рыночныхъ торговокъ, свахъ, кухарокъ, нянюшекъ и т. п., у нея не было соперницъ.

Гусева была старѣйшей актрисой въ труппѣ; она выпущена изъ Театрального Училища въ 1811 году, слѣдовательно, прослужила театру около сорока двухъ лѣтъ.

До замужства ея фамилія была Ежова, потомъ она была замужемъ за актеромъ Глухаревымъ, а по смерти перваго мужа вышла за Г. Гусева, служившаго въ то время, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, въ Департаментѣ Каммеръ-Коллегіи секретаремъ.

Смерть Гусевой была внезапнѣе смерти Брянскаго и Каратыгина. Гусева играла въ теченіе почти всей масляницы, и умерла въ Пятницу, на сценѣ, во время представленія, не докончивъ роли, ровно недѣлю спустя послѣ смерти Брянскаго, на похоронахъ котораго присутствовала.

Въ Пятницу утромъ давали *Русскую Свадьбу*, въ которой Гусева играла роль мамушки. За нѣсколько минутъ до представленія, она пріѣхала въ Александринскій Театръ, и одѣлась для своей роли, хотя и чувствовала себя нѣсколько нездоровою. Ей совѣтовали отказаться отъ роли, но она не хотѣла, чтобъ изъ-за нея отмѣнили піесу, говоря, что чувствуетъ себя въ силахъ сыграть, а потомъ, прибавила она, если не будетъ лучше, попрошу, чтобъ меня уволили на два послѣдніе дня масляницы отъ спектаклей.

Гусева сыграла все первое дѣйствіе, хотя и не безъ труда; во-второмъ ей стало хуже, и она чрезъ силу кончила свою сцену, и вышла нетвердымъ шагомъ за кулисы. Товарищи замѣтили ея слабость, и поспѣшили подать ей стулъ, на который она опустилась.

— Что съ вами, Елена Ивановна? спросилъ ее одинъ изъ близъ-стоявшихъ.

— Охъ! худо, братцы, отвѣчала она; никакъ смерть пришла.... Простите меня, если въ чемъ нибудь провинилась предъ вами....

— Э! полноте, Елена Ивановна, возразилъ на это одинъ изъ актеровъ; насъ всѣхъ переживете....

Но не успѣлъ онъ кончить фразы, какъ Гусева опрокинулась на спинку стула. Всѣ бросились къ ней — она уже умерла!

Гусева была добрая, благородная женщина, веселаго, общительнаго характера. П.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.

Каждсе лѣто у насъ проявляется болѣе и болѣе охота совершать поѣздки въ Финляндію, чтобы тамъ, во время жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, подышать свѣжимъ воздухомъ на прелестныхъ берегахъ моря, или найти подкрѣпленіе силъ въ морскихъ ваннахъ. Хотя посѣтители этой страны не всѣ стремятся къ одной и той же цѣли, но можно съ увѣренностью сказать, что большая часть изъ нихъ избираетъ Гельсингфорсъ временнымъ жительство на лѣтніе мѣсяцы. Кто приближается къ этой столицѣ Финляндіи безъ большихъ притязаній на прихоти, кто ищетъ наслажденія въ природѣ и не пренебрегаетъ притомъ удобствъ жизни, тотъ находитъ удовлетвореніе своихъ ожиданій, и къ концу лѣта оставляетъ этотъ прекрасно-расположенный городъ съ благодарнымъ сердцемъ, ибо многіе больные находятъ здѣсь возстановленіе здоровья отъ пользованія морскими ваннами или искусственными минеральными водами, и, возвращаясь на родину, благословляютъ здѣшнее пребываніе. Въ человѣческой жизни часто случается, что новый городъ, при вступленіи въ него, съ перваго взгляда не такъ намъ нравится какъ въ послѣдствіи, когда мы въ немъ нѣсколько прожили. Многія страны, надѣленные красотами природы, выказываютъ свои сокровища лишь тому, кто останавливается въ нихъ на нѣкоторое время, и скрываютъ ихъ отъ мимолетнаго путешественника. Гельсингфорсъ, напротивъ, при первомъ взглядѣ, выказываетъ чудное свое положеніе на скалахъ и красоты своихъ окрестностей. А потому не удивительно, что какъ скоро пушечный выстрѣлъ на пароходѣ возвѣститъ пассажирамъ о приближеніи къ Гельсингфорсу, всѣ стремятся на палубу, чтобъ вполнѣ насладиться первымъ созерцаніемъ представляющей картины. Уже сила машины на суднѣ ослабляется, когда проѣзжаютъ мимо стѣнъ Свеаборга, русскаго гibraltarа, и въ это время вся картина Гельсингфорса представляется взорамъ путешественниковъ. Пароходъ бросаетъ якорь, прислужники изъ разныхъ гостиницъ, въ числѣ которыхъ одна при Домѣ Благороднаго Собранія и Гостиница «Прекраснаго Вида» занимаютъ первое мѣсто, тѣснятся на пристани, и стараются привлечь къ своимъ заведеніямъ путешественниковъ, которые, при невыскаательныхъ требованіяхъ, находятъ въ нихъ хорошій пріемъ. Вовсе не то бываетъ среди лѣта, когда гостиницы до того бываютъ наполнены, что едва можно найти въ нихъ мѣсто, и путешественникъ радъ бываетъ, когда можетъ нанять частную квартиру; изъ нихъ находящіяся собственно въ городѣ дешевле тѣхъ, которыя расположены близъ морскихъ ваннъ и заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Туалетъ пріѣзжихъ скоро приводится въ порядокъ, и тутъ каждый или большая часть спѣшитъ познакомиться съ замѣчательными предметами въ городѣ, или полюбоваться на красоты его окрестностей.

Гельсингфорсъ дѣлится на три части, изъ которыхъ каждая рѣзко отличается отъ другой, что замѣтно даже при бѣгломъ обзорѣ. Городъ основанъ въ 1550 году, при Густавѣ Вазѣ, на островѣ Запдгемѣ. Но какъ положеніе юнаго города вскорѣ оказалось неудобнымъ, и нельзя было устроить въ немъ пристани, то, по повелѣнію Королевы

Христины, въ 1639 году, городъ заложенъ на нынѣшнемъ мѣстѣ. Въ первые годы городъ перенесъ много бѣдствій, вытерпѣлъ моръ и голодъ; въ послѣдствіи войны препятствовали его развитію, и лишь со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи, по Фридрихсгамскому миру, въ 1809 году, Гельсингфорсъ сталъ процвѣтать. Вскорѣ послѣ того опустошительный пожаръ обратилъ часть города въ пепелъ, и Гельсингфорсъ обязанъ своимъ волшебнo-быстрымъ развитіемъ милостямъ Императора Александра Павловича и нынѣ царствующаго Государя Императора. Не многіе города на свѣтѣ могутъ похвалиться такимъ быстрымъ процвѣтаніемъ какъ Гельсингфорсъ, который не собственными силами достигъ того, но единственно щедротами и покровительствомъ Россійскихъ Императоровъ. Съ переходомъ подъ власть Россіи, Гельсингфорсъ сдѣлался не только довольно значительнымъ торговымъ городомъ, но также главнымъ городомъ Финляндіи и мѣстомъ высшихъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій Великаго Княжества. Съ тѣмъ вмѣстѣ и университетъ его процвѣтаетъ. Отъ прежняго стараго города, существуетъ еще небольшая часть, но она, съ своими деревянными домами, потеряла важность при новомъ городѣ съ его великолѣпными дворцами и зданіями. Къ замѣчательнѣйшимъ строеніямъ должно отнести Императорскій Замокъ, новую церковь, стоящую посреди города на возвышенности, сенатъ, университетъ и библіотеку. Хотя отъ постройки такихъ зданій городъ уже много выигралъ, но особенно обязанъ онъ своею красотою проведенію широкихъ улицъ и построенію прочныхъ, красивыхъ частныхъ домовъ. Къ самому городу примыкаетъ та часть, въ которой находятся домъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, домъ теплыхъ ваннъ (Вадеһанъ) и морскія купальни. Эта важная для Гельсингфорса часть обязана своимъ происхожденіемъ жителямъ города, которые, пожертвованіемъ труда и денегъ, обратили всю окрестность ея въ милый паркъ, такъ что теперь почти повсюду голыя гранитныя скалы покрыты плодородною почвою, на которой развита прелестная растительность. Въ этой сторонѣ большая часть пріѣзжихъ выбираютъ себѣ квартиры, и какъ здѣсь большія и малыя дачи, привлекательныя или по положенію, или по архитектурнымъ красотамъ, построены довольно въ изобильномъ числѣ, то понятно, что эта часть города больше всего правится путешественникамъ. Уже въ седьмомъ часу утра большая часть пріѣзжихъ собираются въ заведеніе минеральныхъ водъ, и пока одни пьютъ минеральныя воды и гуляютъ по залѣ, по галереѣ и въ саду, для необходимаго движенія, другіе отправляются къ морскимъ ваннамъ, или сидятъ за завтракомъ. Минеральныя воды приготавливаются въ особой лабораторіи съ особеннымъ тщаніемъ, и отпускаются пациентамъ за недѣльную плату, по 2 р. 50 к. за холодныя и по 3 р. за теплыя. При питьѣ водъ присутствуютъ постоянно два врача, Профессоръ Вильбраадъ и Докторъ Арнель. О

послѣднемъ, пишущій эти строки, вспоминаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Они даютъ нужныя распоряженія, и по требованію посѣщаютъ больныхъ на дому. Къ десяти часамъ умолкаютъ послѣдніе звуки музыки, зала пустѣетъ, гости сѣдѣютъ домой и предаются тамъ до двухъ часовъ разнымъ занятіямъ, или пользуются этимъ временемъ для купанія или для прогулокъ. Большая часть пріѣзжихъ не держатъ ни какого хозяйства, а потому во второмъ часу вновь собираются или за общимъ столомъ въ заведеніи минеральныхъ водъ, или въ гостиницахъ въ городѣ. Обѣдъ въ этихъ заведеніяхъ вездѣ одинаково дешевъ и соответствуетъ требованіямъ соразмѣрно цѣнѣ. Діета, необходимая для купающихся, принимается во вниманіе. Къ четверть часамъ кончается общій обѣдъ, и вечеръ обыкновенно посвящается общественнымъ удовольствіямъ. Поѣздки на лодкѣ или въ экипажѣ предпринимаются обществомъ. Цѣль этихъ прогулокъ бываетъ или близкая, или отдаленная, и результатъ всегда удовлетворительный, потому что повсюду встрѣчаются красоты природы. Во многихъ мѣстахъ, назначенныхъ обществомъ цѣлю этихъ поѣздокъ, есть хорошія рестораціи, но въ бѣльшей части поѣздокъ путешественники средства для подкрѣпленія своихъ силъ берутъ съ собою. Гельсингфорсъ, какъ мѣсто купанія, представляетъ всѣ удобства, какія только можно требовать отъ подобнаго мѣста. Теплыя купальни устроены въ особыхъ комнатахъ, снабженныхъ необходимыми душами и пр. Морскія купальни также хорошо устроены, и мужскія отдѣлены отъ женскихъ приличнымъ разстояніемъ. Каждый купающійся получаетъ особую комнату, которая снабжена всѣми удобствами. Изъ каждой комнаты лѣстница ведетъ въ море. Квартиры, назначенныя для пріѣзжихъ гостей, по большей части удобны и опрятны. Пріѣзжій находитъ въ нихъ необходимую мебель и домашнюю посуду. Цѣна умѣренная, и для небольшого семейства обыкновенно стоитъ отъ 60 до 100 рублей. Гостепріимство жителей Гельсингфорса встрѣчаетъ дружески пріѣзжихъ: вездѣ показываютъ имъ съ величайшею готовностью достопримѣчательности города, и кто желаетъ получить точное о немъ понятіе, можетъ быть увѣренъ, что просьба его не останется безъ исполненія.

Ф. Илищъ.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 12-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) общій видъ города Гельсингфорса; 2) морскія купальни въ Гельсингфорсѣ. Оба вида рисованы съ натуры В. Тиммомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 нумеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургъ: для *иногородныхъ* у издателя Василія Ѳеодоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ѳ. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 16-го Апрѣля 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ КОНЦЕРТНЫЙ СЕЗОНЪ

1855 года.

Мы не помнимъ такого огромнаго стеченія музыкантовъ и такого обилія концертовъ, какъ въ нынѣшнемъ году: въ теченіе пяти недѣль было около осьмидесяти концертовъ! Концерты утромъ, концерты въ полдень, концерты вечеромъ; пять, шесть концертовъ въ одинъ день; концерты благотворительные, концерты съ сюрпризами, концерты съ живыми картинами, концерты русскіе, концерты на скрипкѣ, форте-іанѣ, виолончелѣ, гитарѣ, арфѣ, на духовыхъ инструментахъ всѣхъ родовъ и размѣровъ.... Билеты сыпались со всѣхъ сторонъ, очень часто незваные, не прошеные, и наполняли бумажники, вытѣсняя оттуда билеты другаго рода, несравненно пріятнѣйшіе, которые переходили въ карманы счастливыхъ виртуозовъ. Не знаемъ чѣмъ бы все это кончилось, если бы не прекратилась обыкновенная пора концертовъ; полагаемъ, что всѣ жители Петербурга сдѣлались бы виртуозами на какомъ бы то ни было инструментѣ, начиная съ балалайки и гармоники до контръ-басса и офиклеида. Впрочемъ, благодаря страсти Петербурга къ музыкѣ, его виртуозность и безъ того развивается въ замѣчательныхъ размѣрахъ: нѣтъ дома, т. е. нѣтъ семейства, въ которомъ не было бы виртуоза или *виртуозки* на какомъ нибудь инструментѣ. Теперь рѣдко случается получить письменное приглашеніе на вечеръ, безъ неизбѣжной заключительной фразы: *будетъ музыка* — *on fera de la musique*. Можно подумать, что музыка сдѣлалась необходимымъ условіемъ петербургской жизни, что мы не можемъ безъ нея ни пить, ни ѣсть, ни веселиться, ни гулять. Благодаря дешевымъ загороднымъ концертамъ, органамъ въ трактирахъ, шарманкамъ и уличнымъ оркестрамъ, музыка проникла и въ низшіе слои общества; сплошь и рядомъ встрѣчаемъ мастераго въ тиковомъ халатѣ, насвистывающаго какую нибудь польку, швейку съ Невского Проспекта, напѣвающую мотивъ изъ *Луции*, разумѣется, немного на голосъ *Взвейся выше, понесися*. О *Ванькѣ и Танькѣ*, *Люди добрые* *внемлите*, *Ненаглядный ты мой*, *Вотъ на пути село большое*, и другихъ романсахъ и пѣсняхъ, введенныхъ въ моду цыганскими таборами, не говоримъ, потому что они преслѣдуютъ насъ ежеминутно, днемъ и ночью, повсюду, и отъ нихъ нѣтъ спасенія. Вы слышите, что кухарка, кипитя бульонъ, что-то мурлыкаетъ; вслушивается: *Ненаглядный ты мой!* Лакей, чистя сапоги, напѣваетъ: *Люди добрые, внемлите!* Извозчикъ, стоящій подъ окномъ, въ ожиданіи сѣдока, насвистываетъ *Ваньку и Таньку*.—Все это прекрасно: музыка, какъ извѣстно, имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на нравы. Мы сами любимъ музыку, но, признаемся, бѣгаютъ минуты, когда готовы отказаться отъ нея навсегда. И эти минуты встрѣчаются довольно часто въ жизни пишущей братіи, музыкальныхъ критиковъ и фельетонистовъ. Каково, напримѣръ, прослушать пятьдесятъ или шестьдесятъ концертовъ, изъ которыхъ десятую только долю безъ скуки слушать можно! Каково рассказать о всѣхъ этихъ концертахъ! Впрочемъ

доля пишущаго эти строки еще не такъ горька: онъ имѣетъ возможность разомъ отдѣлаться отъ тяготящихъ надъ нимъ сонатъ, симфоній, арій и увертюръ; онъ имѣетъ полное право выбирать одни цвѣтки на этомъ обширномъ полѣ, усѣянномъ фальшивыми нотами, и, разумѣется, не преминетъ заняться только цвѣтками, забывъ о всемъ, что терзало его терпѣливыя уши.

Первенство въ ряду концертистовъ нынѣшняго музыкальнаго сезона принадлежитъ братьямъ Контскимъ, Леонару, Бальфу, Г-жамъ Віардо-Гарси и Леонарѣ; въ этой же первой шеренгѣ стоятъ наши петербургскіе виртуозы: Гг. Рубинштейнъ и Дмитріевъ-Свѣчинъ.

Мы намѣревались было не говорить объ Аполлиаріи Контскомъ, потому что о немъ написаны у насъ томы и врядъ ли кто изъ нашихъ читателей не знаетъ его біографіи въ мельчайшихъ подробностяхъ; но какъ концерты Аполлиарія Контскаго были блистательнѣйшими въ нынѣшнемъ году, то считаемъ долгомъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Аполлиарій Контскій прибылъ въ Петербургъ въ 1851 году, предшествуемый европейскою славою, и имѣлъ огромный успѣхъ; ѣздилъ потомъ по Россіи, повсюду пожиналъ лавры, возвратился къ намъ, удостоился получить мѣсто солиста Двора Его Императорскаго Величества, и поселился здѣсь окончательно. Мы уже третій сезонъ сряду слушаемъ Г. Контскаго, и не только не устали слушать его, но восторгъ, возбуждаемый въ публикѣ его игрой, растетъ, повидимому, съ каждымъ новымъ концертомъ. Есть впрочемъ у Г. Контскаго и противники, обвиняющіе его въ томъ, что онъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ музыкальнымъ эффектамъ, но число этихъ противниковъ не велико.

Считаемъ лишнимъ напоминать читателямъ, что Г. Контскій происходитъ изъ дворянской польской фамиліи, гордящейся древностью своего рода, что онъ ученикъ великаго Паганини, и говорить о другихъ біографическихъ подробностяхъ, десятки разъ пересказанныхъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Антонъ Контскій, родной братъ Аполлиарія — перво-классный піанистъ, какъ Аполлиарій перво-классный скрипачъ. Мы слышали Листа, Тальберга, Деблера; у насъ жилъ Фильдъ, а теперь живетъ Гензельтъ, и мы думали, что ни одинъ піанистъ не въ состояніи уже произвести на насъ сильнаго впечатлѣнія. Антонъ Контскій убѣдилъ насъ въ противномъ: насъ не удивили преодолаваемые имъ трудности, но потрясла задушевность его игры. Большинство ставитъ его наравнѣ съ братомъ; нѣкоторые же, къ числу которыхъ принадлежатъ и музыканты, ставятъ его выше.

Братья Контскіе дали нѣсколько концертовъ, почти всѣ въ Большомъ Театрѣ, и каждый разъ билеты добывались съ трудомъ.

Г. Леонаръ также перво-классный скрипачъ, пользующійся европейскою знаменитостью; но у насъ о немъ знали мало, вѣроятно потому, что онъ постоянно живетъ въ Брюсселѣ, а не въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Впрочемъ, слѣ-

дѣющему за иностранными газетами, не трудно убѣдиться, что онъ пользуется славой паравиѣ съ первыми скрипачами Европы, Вьетаномъ, Эрнстомъ, Контскимъ и др. Вообще мы не любимъ сравненій, а потому не проводимъ параллели между этими корифеями искусства и Леонаромъ, но признаемъ его достойнымъ той извѣстности, которую составила ему европейская журналистика. Не смотря на соперничество съ Аполлинаріемъ Контскимъ, Леонаръ имѣлъ у насъ большой успѣхъ, а это еще болѣе доказываетъ обширность его дарованія, потому что игра его и композиціи принадлежатъ къ классическому роду, т. е. отличаются строгимъ характеромъ и отсутствіемъ фокусовъ, называемыхъ нѣкоторыми музыкальнымъ романтизмомъ. Г. Леонаръ принадлежитъ къ одной школѣ съ Вьетаномъ и Берію, котораго онъ замѣнилъ въ званіи профессора Брюссельской Музыкальной Консерваторіи.

Г. Леонаръ женатъ на Антоніи де Менди, двоюродной сестрѣ Віардо-Гарсиа, пѣвицѣ съ дарованіемъ, и пріятнымъ, хотя и небольшимъ голосомъ. Госпожа Леонаръ поетъ легкую музыку, и притомъ очень мила. Она очень хороша собою.

Что касается до Госпожи Віардо, то мы рады были бы говорить о ней до завтра. Чудная, несравненная пѣвица! Сколько чувства, сколько изящества и проникающихъ въ сердце звуковъ въ этомъ дивно обработанномъ голосѣ, котораго нельзя наслушаться досыта. У Контскихъ и Леонара есть противники; Госпожа Віардо миритъ все партіи. Каждая арія ея возбуждала восторгъ, а русскіе романсы и пѣсни, которые она поетъ съ неподражаемою прелестью, и чувствомъ, и чисто-русскимъ произношеніемъ, доводили этотъ восторгъ до крайнихъ предѣловъ. — Какими восторженными взрывами рукоплесканій потрясались своды залы Дворянскаго Собранія, когда, въ концертѣ Даргомыжскаго, она пѣла романсы и пѣсни этого композитора! И есть отчего прійти въ восторгъ! Госпожа Віардо произноситъ русскія слова какъ будто бы родилась въ Россіи и вѣкъ свой говорила по-русски; притомъ же въ устахъ ея, прівыкшихъ къ мягкимъ, ласкающимъ звукамъ южныхъ нарѣчій, родная рѣчь наша получаетъ невыразимую прелесть, задумчивость, вкрадчивость, заставляющія трепетать русское сердце. Госпожа Віардо не только великая пѣвица, но и отличается удивительною способностью къ языкамъ: она ровно хорошо говоритъ по-французски, италіянски, испански и почти такъ же хорошо говоритъ по-русски, хотя уже нѣсколько лѣтъ не была въ Россіи, жила у насъ не долго и не имѣла времени заниматься изученіемъ языка должнымъ образомъ. Неужели Госпожа Віардо не возвратится къ намъ въ будущемъ году?...

Гг. Рубинштейнъ и Дмитріевъ-Свѣчинъ коренные жители Петербурга, и мы имѣемъ полное право гордиться ими. Оба они артисты съ большимъ дарованіемъ, и имъ недостаетъ только европейской извѣстности, чтобъ стать на ряду съ всесвѣтными музыкальными знаменитостями.

Г. Рубинштейнъ превосходный піанистъ, незнающій трудности на своемъ инструментѣ, и сверхъ того даровитый композиторъ. Нѣсколько большихъ піесъ, написанныхъ имъ для фортепіано, показываютъ въ немъ большое композиторское дарованіе и основательное изученіе искусства. Онъ написалъ большую оперу *Куликовская Битва*, имѣвшую успѣхъ, правда, незначительный, но возбуждавшую споры

и толки въ нашемъ музыкальномъ мірѣ: лучшее доказательство, что опера имѣетъ неотъемлемыя достоинства. Г. Рубинштейнъ еще молодъ; предъ нимъ широкій путь и много времени для того, чтобъ показать небольшому числу своихъ противниковъ, что тѣ правы, которые общають ему блистательную будущность. На сцену Александринскаго Театра ставятъ теперь двѣ новыя одноактныя оперы Г. Рубинштейна.

Николай Дмитріевичъ Дмитріевъ-Свѣчинъ началъ играть на скрипкѣ когда другіе едва начинаютъ ходить, и семи лѣтъ отъ роду, кажется, путешествовалъ уже по Европѣ, и возбуждалъ всеобщее удивленіе своимъ раннимъ дарованіемъ. Четырнадцать лѣтъ отъ роду онъ игралъ уже какъ не многіе, а теперь можетъ смѣло стать на ряду съ лучшими скрипачами. Г. Дмитріевъ-Свѣчинъ путешествовалъ за границу, пользуется довольно значительною извѣстностью, и игралъ, между прочимъ, при дворѣ Турецкаго Султана, который пожаловалъ ему орденъ и нѣсколько тысячъ піастровъ.

Мы только поименуемъ остальныхъ концертистовъ нынѣшняго сезона, хотя и желали бы поговорить подробнѣе о нѣкоторыхъ изъ нихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, но, по недостатку мѣста, должны отложить это намѣреніе. Къ числу тѣхъ, о которыхъ мы желали бы поговорить подробнѣе, принадлежатъ:

Г. Соуле превосходный флейтистъ. — Г. Джонъ Томасъ, арфистъ, какихъ намъ не удавалось слышать. — Піанисты: Г. Мортъе-де-Фонтенъ, Французъ, родившійся въ Россіи, основательный музыкантъ, намѣревающийся, какъ говорятъ, поселиться въ Петербургѣ и заниматься здѣсь преподаваніемъ; Г. Шпаковский, Русскій молодой піанистъ, подающій блистательныя надежды; Г. Лешетикій, талантливый піанистъ, напоминающій своею игрою и композиціями Шульгофа. — Г. Коссовскій очень хорошій виолончелистъ. — Братья Шталькнехты и Г. Лешгорнъ, три неразлучные виртуоза, превосходно исполняющіе классическія тріо. — Г-жа Добре, пѣвица Парижской Оперы.

Затѣмъ слѣдуютъ: пѣвцы: Г. Стигелли, родомъ Нѣмецъ, теноръ Лондонской Ковентгарденской Италіанской Оперы, не дурно поющій нѣмецкіе лидеры и вообще легкую музыку; Г. Фачіотти, баритонъ; Г-жа Мортъе-де-Фонтенъ, урожденная Лимбахъ, пѣвица искусная. — Скрипачи: Г. Таборовскій, молодой виртуозъ подающій надежды; Г. Нагель; тринадцатилѣтняя Марія Сerratто, достигшая уже до замѣчательнаго искусства и одаренная большимъ чувствомъ. — Г. Крозь, піанистъ. — Г. Щепановскій весьма хорошій гитаристъ, притомъ и виолончелистъ. — Г-жа Паришь-Альварсъ хорошая арфистка — Г. Онгернъ виртуозъ на концертно, инструментѣ, на которомъ играла въ прошедшемъ году дѣвица Дулькенъ.

Мы не называемъ коренныхъ петербургскихъ музыкантовъ, дававшихъ концерты, ибо и приведенныхъ нами достаточно, чтобъ показать, какъ богатъ и разнообразенъ былъ нашъ нынѣшній концертный сезонъ. X. X.

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 13-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены портреты: Г-жи Леонаръ, Гг. Леонара, Бальфа, Антона Контскаго, Аполлинарія Контскаго и Н. Д. Дмитріева-Свѣчина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иногогородныхъ* у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 29-го Апрѣля 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ (*).

На дняхъ зашелъ я къ издателю Художественнаго Листка, взглянуть на приготовляемые имъ рисунки, и неожиданно засталъ у него общаго нашего пріятеля П.

— Это ты, братецъ, обратился я къ нему, отправляешься за границу — я читалъ твою фамилію въ газетномъ спискѣ, который, какъ вереница отлетающихъ птицъ, напоминаетъ о наступленіи одного изъ четырехъ временъ года, какого именно не знаю, ибо календарь говоритъ будто у насъ на дворѣ Май и весна, а я еще не покидалъ шубы.

— Что же удивительнаго если я и въ самомъ дѣлѣ отправляюсь за границу?

— Съ какою цѣлью, позволю спросить?

— Станный вопросъ! Съ тою же самою, съ которою ѣдутъ туда большая часть особъ, фамиліи конхъ ты читалъ въ газетныхъ спискахъ, т. е. полечиться, свѣтъ посмотреть и себя показать.

— Преползая цѣль. Извини, еще одинъ нескромный вопросъ: былъ ли ты внутри Россіи далѣе Парголова, Павловска или Ораніенбаума?

— Былъ въ Новѣгородѣ по дѣлу, и надѣюсь побывать и далѣе, когда пошлутъ по службѣ, а иначе зачѣмъ мнѣ ѣхать.

— Затѣмъ, зачѣмъ ѣдешь за границу — полечиться, свѣтъ посмотреть и себя показать, да еще, какъ Русскій, узнать свое отечество не изъ географій и путевыхъ записокъ иностранцевъ, но собственными глазами, собственнымъ наблюденіемъ, сочувствіемъ.

(*). Съ наступленіемъ весны не только изъ С. Петербурга, но и изъ другихъ городовъ Россіи больные и здоровые отправляются на воды (къ минеральнымъ источникамъ и морскимъ купаньямъ), чтобы тамъ лѣтомъ повеселиться и поправить свое здоровье. Издатель Р. Х. Л. принялъ къ свѣдѣнію это общее влеченіе и помѣстилъ, въ № 12-мъ своего изданія, виды Гельсингфорса, а въ настоящемъ номерѣ кавказскія минеральныя воды, самыя замѣчательныя мѣста лѣтняго съѣзда посѣтителей водъ въ Россіи, присоединивъ къ нимъ и Сакскія Грязи въ Крыму, въ послѣднее время пріобрѣвшія себѣ особенную извѣстность. *Изд.*

— Я того убѣжденія, что собственное наблюденіе немного можетъ прибавить свѣдѣній къ запасу, уже собранному мною изъ различныхъ статистическихъ описаній о Россіи; за границу же, что шагъ, то рѣдкость, а наконецъ, главная цѣль путешествія — лечиться, гдѣ прикажете?

— Чтобы искоренить твое убѣжденіе, надо много труда и надо долго съ тобою спорить; однако же не могу не возразить, что только собственный опытъ есть единственное, твердое и прочное познаніе, и горе тебѣ, если ты, не успѣвъ по службѣ побывать въ разныхъ частяхъ Россіи какъ чиновникъ, наконецъ когда нибудь достигнешъ высшихъ ступеней службы и, не имѣя запаса знанія отечества, основаннаго на личномъ опытѣ, вздумаешь руководствоваться только свѣдѣніями, почерпнутыми изъ книгъ, а это легко можетъ статься! Поѣзжай за границу, но прежде изучи свое отечество, и когда будешь въ иностранныхъ земляхъ, то наблюдай тамъ все хорошее. Отправляйся за границу какъ на выставку мануфактурныхъ издѣлій: смотри, любуйся, а что понравилось, и по твоимъ средствамъ, пріобрѣти и укрась имъ домъ свой. Повѣрь, если бѣ большая часть русскихъ путешественниковъ за границую постоянно имѣла въ виду свое отечество, и знала бы, что въ немъ есть, то наша Россія, обильная, могучими матеріальными средствами, давно представляла бы болѣе интереса и болѣе удобствъ для такихъ какъ ты путешественниковъ. Если же предстоитъ лечиться водами — милости просимъ на кавказскія минеральныя воды.

— Помилуй, перебилъ меня П., да кто же поѣдетъ въ такую страшную даль, станетъ подвергаться такимъ неудобствамъ, опасностямъ, когда скорѣе, удобнѣе и дешевле отправиться за границу и тѣмъ вѣрнѣе исцѣлиться отъ болѣзни?

— О неудобствахъ и опасностяхъ имѣютъ понятіе только тѣ, которые по слухамъ знаютъ о существованіи Кавказа. Дешевле за границую? Не правда — на кавказскихъ водахъ денегъ тратить не начто, а жизнь чрезвычайно дешева. Скучно? Тоже неправда, быть можетъ веселѣе, чѣмъ иной разъ на германскихъ водахъ. Далѣе? Правда, но за то въ окружности Пятигорска, на сорока верстахъ, соединены всѣ тѣ воды, которыя разбросаны на пространствѣ всей западной Европы. Въ прошедшемъ году я былъ на кавказскихъ водахъ: поѣздку туда, пребываніе въ окрестностяхъ Пятигорска и возвращеніе причисляю къ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ. Признаюсь, если бѣ мнѣ предложили теперь

на выборъ для развлечения ѣхать на воды, за границу или на Кавказъ, я былъ бы въ перѣшности чему отдать предпочтеніе, и только потому, что на Кавказъ я бывалъ не однократно, но если бъ этого требовалъ недугъ, то безъ сомнѣнія, не колеблясь, выбралъ бы поѣздку на Кавказъ.

— Какъ художникъ, какъ поклонникъ всего прекраснаго, я то же до сихъ поръ еще обвороженъ красотою, и у меня въ походномъ моемъ альбомѣ сохранились виды Пятигорска и Кисловодска, рисованные въ 1849 году. Посмотрите похожи ли они?

— О, да какія строенія, какой городъ! возразилъ П. съ удивленіемъ, а я думалъ что Пятигорскъ не лучше Старой или Новой Деревни...

— Повѣрь мнѣ, что ты въ такомъ же заблужденіи и въ отношеніи къ прочимъ свѣдѣніямъ о кавказскихъ водахъ.

— Такъ разуверь меня и открой мнѣ истину.

— Позвольте, сказалъ издатель Р. Х. Л. обращаясь ко мнѣ: если возьмете на себя трудъ разуверять П., то какъ подобно ему, заблуждающихся на счетъ кавказскихъ водъ, быть можетъ, находится и много, то прошу васъ, составьте коротенькое описаніе вашей поѣздки въ Пятигоріе, а я помѣщу его въ своемъ Листкѣ при водахъ тамошнихъ мѣстностей, сохранившихся въ моемъ альбомѣ.

— Извольте, но съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Чтобы помѣстить и разговоръ мой съ П., который былъ поводомъ краткаго описанія жизни на кавказскихъ водахъ.

— Согласенъ.

— Такъ давайте бумагу и чернила, я буду рассказывать, и съ тѣмъ вмѣстѣ записывать свои слова.

Не стану описывать дороги по губерніямъ Россіи, а начну съ той минуты, когда я выплылъ, по словамъ поэта, на безграничный океанъ волнующейся зелени донскихъ степей. Безмолвная пустыня для человѣка, но роскошный, благоуханный міръ для блестящихъ насѣкомыхъ и пернатыхъ, неумолкаемо поющихъ пѣснь величію Творца. Ароматы степей, покрытыхъ весенними травами, живительно упоили дыханіе, и я, невольно забывая недугъ, уносился мечтами подъ безграничнымъ небомъ, надъ безграничною землей. Путь этотъ прерывался станціями — прекрасными домами, отдѣланными и содержимыми съ удивительнымъ щегольствомъ; ничего подобного на другихъ трактахъ въ Россіи не встрѣтите, развѣ на желѣзной дорогѣ и мѣстами по шоссе. Слишкомъ скоро я оставилъ за собою эти степи, потомъ Новочеркасскъ, Аксай, разгульный, широкій Донъ и наконецъ Ставрополь, не испытывая по дорогѣ ни остановокъ, ни нужды, ни утомленія. Наконецъ изъ-за горизонта показалось какъ будто бѣлое облачко, которое неподвижно вѣзлось въ голубой сводъ неба, а потомъ стало расти вправо и влѣво. — Ямщикъ, что это? спросилъ я въ недоумѣніи. — «Снѣговія горы», отвѣчалъ онъ, спокойно погоняя лошадокъ, а я вперилъ очи въ величественную картину, которая съ каждымъ часомъ яснеѣе и необъятнѣе вырастала будто изъ земли.

Вотъ я уже на линіи, между станціями, расположенными въ 8 — 12 верстахъ одна отъ другой. На каждахъ полуторѣхъ верстахъ расположена вышка, съ вершины которой вооруженный казакъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за вами, а подъ вышкою нѣсколько осѣдланыхъ коней и при нихъ казаки, готовые, по знаку караульнаго, скакать къ вамъ на помощь, съ сосѣдняго поста тоже, изъ станицы же полсотни резерва и такимъ образомъ, прежде чѣмъ шайка горскихъ воровъ успѣла бы открыть дверцы вашего экипажа, на помощь слетѣлась бы сотня или двѣ кавказскихъ орловъ — линійныхъ казаковъ. Горцы знаютъ это

хорошо, и потому многіе годы не было уже примѣра, чтобы они обезпокоили кого либо изъ проезжающихъ. За то есть мѣста, гдѣ васъ ночью и даже вечеромъ, или въ туманъ, не пустятъ, и вы останетесь въ многолюдной станицѣ у красавицъ казачекъ. Впрочемъ это случается только около Владикавказа. Передъ Георгіевскомъ величественная картина Кавказа вся предъ вами: нижнія гряды черныхъ горъ заслонены синими туманами. Изъ нихъ выходятъ голыя скалы, а за ними какъ изъ серебра отлиты гигантскія гряды снѣжныхъ вершинъ, и выше всѣхъ шатеръ двуглаваго Эльборуса. Видъ очаровательный, волшебный! Изъ глубины этой величественной картины выдаются нѣсколько черныхъ пятенъ, которыя постепенно растутъ, отдѣляются отъ сплошной массы Кавказа и представляются взору отдѣльными пятью горами. Это цѣль вашего странствія — Пятигорскъ.

Тарантасъ мой сталъ подыматься по лѣвому берегу Подкумка по отлогости Машуха, которая и привела меня въ Пятигорскъ, расположенный въ небольшомъ горномъ ущельѣ.

Часть Пятигорска, представленная на этомъ рисункѣ, можетъ дать нѣкоторое понятіе о пріятномъ расположеніи города, чистотѣ его, щеголеватости и красотѣ многихъ строеній. Говорю нѣкоторое понятіе, потому что на рисункѣ изображена только часть Пятигорска, а онъ обширнѣе и красивѣе нѣкоторыхъ губернскихъ городовъ, и заключаетъ въ себѣ, кромѣ Кабардинской Слободы, слишкомъ пятьсотъ домовъ, изъ коихъ каменныхъ болѣе 120-ти. Этотъ миленькій городокъ прорѣзанъ по всей своей длинѣ бульваромъ, поднимающимся въ гору — къ горячимъ водамъ. Другой рисунокъ, изображающій Николаевскія Банны, а надъ ними, на горѣ, Ермоловскія, самыя горячія, можетъ дать понятіе объ огромности и изящности зданій, воздвигнутыхъ Правительствомъ для удобствъ посѣтителей, если бъ ихъ собралось здѣсь даже нѣсколько тысячъ. Безъ сомнѣнія Правительствомъ, сооружая подобныя зданія, имѣло въ виду то время, когда мы, Русскіе, узнаемъ наконецъ цѣну своимъ водамъ, и толпами будемъ стекаться не къ заморскимъ, но къ своимъ ключамъ живой воды.

Не вхожу во всѣ подробности, какъ нанялъ я себѣ квартиру, какъ приискалъ врача, и прочее, иначе мнѣ пришлось бы рассказывать цѣлый день и писать цѣлую книгу. Скажу, что нанялъ прехорошенькую квартиру, меблированную за сто руб. серебромъ на цѣлый курсъ, и, получивъ наставленіе медика, на другой же день, въ шесть часовъ утра, отправился по липовой аллеѣ въ гору, къ Елисаветинскому Ключу пить воду. Со мною медленно подымались туда же дамы и кавалеры, иные на видъ здоровые, другіе изнеможенные и наконецъ такіе, которыхъ вели подъ руки. Мимо цвѣтниковъ, дорожками, проведенными зигзагами, я добрался до Елисаветинскаго Ключа. Какое чудное, великолѣпное зданіе эти ванны съ открытою галереєю, выстроенныя изъ тесанаго камня! Среди горъ, роскошной растительности, очаровательнаго вида на городъ и на безконечную даль, освѣщенную солнцемъ, въ чудное майское утро, это изящное строеніе — не вѣрится что стоишь на рубежѣ Азіи, кажется будто все это очарованіе сна; но звуки музыки увѣряютъ въ дѣйствительности всего видимаго, а прохладный, живительный воздухъ горъ дышитъ ароматами травъ и вливаетъ въ грудь силу и цѣлебность. Наконецъ, очнувшись отъ упоенія, я приблизился къ каменному водоему, изъ котораго посѣтители черпали минеральную воду стаканчиками, опускаемыми на тесемкахъ. Толпа незнакомцевъ, окружавшихъ водоемъ, пытливо обратила на меня свое вниманіе, какъ будто спрашивая кто я, откуда, и чѣмъ страдаю. Прошелъ день, другой, и многіе изъ этихъ людей, собравшихся изъ разныхъ мѣстъ, чуть ли не со всѣхъ концовъ Россіи, уже были добрыми моими знакомыми, товарищами не только по недугу, но и по дѣлеу

досужаго времени. Выпивъ стаканъ сѣрно-кислой воды, я поспѣшилъ отправиться еще выше, гдѣ играла музыка и тамъ, за тѣнистыми шпалерами изъ акацій и винограда, поразила мои взоры галерея при Михайловскомъ Источникѣ, съ легкими граціозными арками, поддерживаемыми колоннами восточной архитектуры. Я забылъ что другой стаканъ воды надо было выпить чрезъ полчаса послѣ перваго, забылъ свою слабость, и увлекаемый любопытствомъ шелъ къ гротамъ, бесѣдкамъ, далѣе, выше, къ Ваннамъ: Александро-Николаевскимъ, Сабанеевскимъ, Варваціевскимъ, потомъ далѣе — и вдругъ стою на краю провала, на днѣ коего въ глубинѣ четырехъ или пяти саженъ образовался огромный бассейнъ сѣрной горячей воды. Далѣе мѣстность становится дикою, но все прекрасна, а виды на равнину обшириѣе, очаровательнѣе. Вотъ Бештау, вотъ Верблюдь Гора, Змѣиная, Лысая, собратья Машуха, на которомъ стою, а тамъ, кажется рукою досталъ бы, сѣбная глава Эльборуса, высоко отдѣлившаяся отъ остальнаго сѣнговаго хребта. Эти виды навѣки зачатались въ моеи памяти, и не было дня, чтобъ я не приходилъ любоваться ими: чувство восхищенія во мнѣ не ослабѣвало.

Возвратившись домой съ прогулки и питія водъ, и принявъ привычную порцію легкаго чая, въ назначенный часъ я отправился принимать ванны. Потомъ, какъ и на всѣхъ водахъ міра, легкій обѣдъ за общимъ столомъ въ собраніи, изображеніе котораго представлено на общемъ видѣ Пятигорска (домъ съ колоннами). Потомъ бесѣда съ новыми знакомыми: одни отправляются на привычный послѣобѣденный отдыхъ, а прочіе, кто читаетъ газеты, кто играетъ въ карты, въ шахматы или на билліардѣ. Въ пять часовъ вечера снова всѣ больные отправляются пить воды изъ указанныхъ имъ медиками источниковъ, брать ванны и наконецъ, прелъ закатомъ солнца, всѣ жители Пятигорска, временные и постоянные, собираются на широкій, тѣнистый бульваръ, гдѣ гуляютъ часа два при звукахъ полковой музыки, а другіе катаются въ экипажахъ или верхомъ. Потомъ дома чай и отдыхъ, если кто не хочетъ продлить вечера въ театрѣ, весьма порядочномъ, въ концертѣ заѣзжающихъ туда почти каждое лѣто артистовъ, или въ знакомомъ семействѣ, пожалуй и въ собраніи за картами и за ужиномъ, а по Воскресеньямъ тамъ же въ танцахъ и поѣздкахъ въ Шотландскую Колонію или въ другія окрестности.

Такимъ образомъ внимательная ко всѣмъ удобствамъ жизни попечительность и предупредительная ко всѣмъ вашимъ прихотямъ промышленность доставляютъ вамъ все, къ чему вы привыкли за границею. Къ этому, какъ и за границею, васъ окружаетъ совершенно новый міръ природы, здѣсь чудной, роскошной, величественной и новый міръ людской — мѣстные азіатскіе нравы, для васъ поразительные, идеи, типическіе характеры, рѣзко обозначающіеся, рассказы о чудесахъ богатырей Кавказа, часто баснословныхъ — словомъ все это не дастъ вамъ времени послушать и минуты, и вы не увидите какъ пять, шесть недѣль, опредѣленныхъ вамъ медикомъ для пребыванія въ Пятигорскѣ, утекли, недугъ вашъ если не совсѣмъ еще миновался, то по крайней мѣрѣ значительно пріутихъ, и докторъ вамъ напоминаетъ: «пора въ Есентуки или въ Желѣзноводскъ!»

И тутъ заботливая попечительность устроила все для вашего удобства и спокойствія. Омнибусъ довезетъ васъ къ какому угодно водамъ за самую умѣренную плату; куда бы вы ни пріѣхали, вездѣ васъ встрѣтитъ медикъ, и во всякомъ случаѣ всѣ медицинскія пособія къ вашимъ услугамъ.

Обыкновенно въ Есентуки посылаютъ для спеціальнаго леченія желудочныхъ болѣзней, заваловъ и подобнаго рода недуговъ, ибо тамъ находится болѣе двадцати различнаго свойства солено-щелочныхъ источниковъ. № 17-й считается

полезнѣйшимъ, и при немъ выстроена великолѣпная галерея. Тутъ же два сада для гулянья. Есентуки многолюдная станица Волжскаго Казачьяго Полка; недостатка ни въ чемъ терпѣть не будете; но домовъ, хорошо и удобно выстроенныхъ, еще немного, и ванны болѣею частію принимаютъ на квартирахъ изъ привозной воды минеральныхъ ключей.

Если же вы страдаете разстройствомъ нервовъ или чѣмъ нибудь подобнымъ, и нужно вамъ окрѣпить, надѣть желѣзную броню здоровья — врачъ пошлетъ васъ въ Желѣзноводскъ, пить и купаться въ желѣзно-щелочной водѣ или желѣзно-кислой. Тогда вы счастливѣйшій человекъ, если только любите горную прохладу въ пору июльскихъ жаровъ, если любите природу — семиверстныхъ тѣнистыхъ аллей и очаровательные виды. Здѣсь тоже есть и удобное помѣщеніе, и великолѣпная галерея, хорошо устроенные ванны и во всемъ довольствіе. Лошаки, запряженные въ колясочки для прогулокъ и поѣздокъ къ дальнимъ ключамъ; верховыя лошади для кавалькадъ въ аулы ближнихъ Ногайцевъ; наконецъ, если любите чтеніе романовъ въ тиши и прохладѣ лѣсовъ, можете имѣть всѣ возможные романы изъ бібліотеки для чтенія въ Пятигорскѣ. А мѣстоположеніе и воздухъ Желѣзноводска удивительно какъ располагаетъ къ мечтамъ и романической любви.

Самому закоренѣлому недугу трудно устоять противъ сотни выпитыхъ стакановъ воды горько-соленой, кисло-сѣрной и другихъ разнообразныхъ качествъ ключей пятигорскихъ, отъ Ваннъ 35-ти-градусной теплоты Ермоловскихъ, 25-ти-градусныхъ Елисаветинскихъ, Михайловскихъ или Сабанеевскихъ, и потомъ отъ щелочныхъ Есентуковскихъ и желѣзно-кислыхъ Желѣзноводска. Я видалъ стариковъ, недужныхъ и раненыхъ, которыхъ въ началѣ курса, приносили къ ключамъ на рукахъ, а къ концу бодро ходившихъ по нѣскольку верстѣ. Ключи живой воды и животворящаго воздуха совершали чудеса исцѣленія!

Наконецъ, нужно ли вамъ окунуться въ богатырскій источникъ Нарзана, или по свойству вашего темперамента онъ вамъ запрещенъ, но все же поѣзжайте въ Кисловодскъ, — въ этомъ адемпъ Кавказа. Тамъ вы снова сойдетесь со всѣми пріятелями, знакомыми и товарищами своего леченія, тамъ отдохнете въ живительной прохладѣ, забудете объ остаткахъ своей болѣзни въ удовольствіяхъ, танцахъ, праздникахъ и хотя Нарзанъ вамъ запрещенъ, но вѣрно не удержитесь отвѣдать его стаканчикъ, другой, смотря какъ онъ шипитъ, клокочетъ и мечетъ брызги изъ красиваго водоема, сжавшаго его каменною оградой. На рисункѣ Художественнаго Листка бассейнъ и галерея представлены какъ они были въ то время, когда издатель Р. Х. Л. посѣщалъ Кисловодскъ. Теперь же, на мѣстѣ бѣдной деревянной галереи воздвигнутъ огромный, монументальный памятникъ, заботливостью Князя Михаила Семеновича Воронцова, даровавшаго въ послѣднія пять, шесть лѣтъ кавказскимъ водамъ устройство, удобства, зданія, какими не вездѣ могутъ похвастать и за границею.

Если рисунокъ не можетъ дать вамъ понятія о нынѣшней чудной галереѣ Нарзана, то домъ, на немъ представленный, совершенно вѣренъ натурѣ, а въ немъ очень часто проводятъ лѣто виновникъ устройства водъ — Намѣстникъ Кавказскій. Другой рисунокъ, паркъ въ Кисловодскѣ, такъ вѣренъ, что, при взглядѣ на него, кажется будто на меня вѣтеть отъ этой густой зелени живительная прохлада, и я готовъ уже перейти чрезъ рѣзвую Елкошу, по красивому каменному мостику, а потомъ по каменной набережной, опоясанной твердыми оплотами шаловливый ручей, который въ весеннее половодье, какъ горецъ на разбоѣ, и дерзокъ, и неукротимъ. Подобныхъ мостовъ на Подкумкѣ и другихъ протокахъ, на сорока-верстномъ разстояніи отъ Пятигорска къ Кисловодску, встрѣчается нѣсколько.

Этимъ я заключаю описаніе кавказскихъ минеральныхъ водъ, картины вѣчно неизгладимой изъ моей памяти, вѣрной, потому что не разъ мнѣ случалось повѣрять свои впечатлѣнія отзывами другихъ лицъ, бывавшими на этихъ водахъ. Хотите подробностей болѣе житейскихъ, обратитесь къ листкамъ газеты Кавказъ, и тамъ вы найдете много любопытныхъ и вѣрныхъ мелочей и подтвержденіе моимъ словамъ.

Богатство минеральныхъ источниковъ не ограничивается только водами Пятигорія: ихъ множество въ Кавказскихъ Горахъ, чуть ли не во всякомъ ущельѣ по сѣверную и южную стороны хребта. И въ самой Россіи находятся источники соленыхъ и желѣзныхъ водъ; къ нимъ должно причислить и крымскія цѣлебныя грязи.

Близъ Евпаторіи, бывшаго Козлова, у многолюдной деревни Саки, заключающей въ себѣ до шести сотъ душъ, находится озеро, или правильнѣе болото, образовавшееся изъ морскаго ила, насыщенная различными солями. Сакскія Грязи чрезвычайно полезны въ ломотныхъ болѣзняхъ и въ золотухѣ. Грязи эти еще не получили надлежащаго устройства, и потому при всей своей цѣлительности мало посѣщаются.

Способъ леченія грязями заключается въ томъ, что въ загородяхъ изъ хвороста, покрытыхъ полотномъ или коврами, а иногда подъ палатками, выгребаютъ густую грязь, и такимъ образомъ въ натекающую въ эту пустоту жижу садятся какъ въ ванну; на больного нагребаютъ грязь и потомъ, послѣ часоваго сидѣнія, онъ встаетъ и оканчивается чистою водою. Курсъ леченія здѣсь начинается въ Юль и кончается въ Сентябрѣ.

Помѣщеніе и все необходимое можно найти въ самой деревнѣ Сакахъ, а медикъ и медицинскія пособія находятся при госпиталяхъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, видъ которыхъ, какъ равно озера и загородей, въ которыхъ устраиваются ванны, представлены на рисункѣ, снятомъ съ натуры. О. К.

БАЛЬФЪ (*).

Мишель Вилліамъ Бальфъ родился 15-го Мая 1808 г. въ Дублинѣ, гдѣ отецъ его и музыкантъ Горгъ дали ему первое музыкальное образованіе. Бальфъ въ дѣтствѣ своемъ былъ знаменитымъ ребенкомъ. Семи лѣтъ разыгралъ онъ публично концертъ Віотти съ величайшимъ успѣхомъ, и шестнадцати лѣтъ дебютировалъ на Дрюри-Ленскомъ Театрѣ въ Лондонѣ, ролью несчастнаго стрѣлка во Фрейшицѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, замѣнилъ онъ оставшаго театръ директора оркестра, въ такомъ возрастѣ, когда другіе только что вступали въ исполнители. Онъ оставилъ и скрипку и оперы Вебера, чтобъ управлять оркестромъ. Въ 1825 году оказался въ немъ новый талантъ. Въ званіи скрипача и пѣвца, онъ передавалъ чужія мысли, а теперь рѣшился испытать собственныя свои силы въ композиціи, отправился въ Римъ, учился и работалъ прилежно, и чрезъ годъ написалъ музыку для балета *Лане-*

рузъ представленнаго на Миланскомъ Театрѣ Ла-Скала. Между тѣмъ, по непостоянству, свойственному артистамъ, онъ вновь перешелъ на сцену, и поступилъ въ Парижскую Италіанскую Оперу, подъ названіемъ Бальфи. Тогда блистали на этой сценѣ Зонтагъ и Малибранъ. Онъ не убоился грознаго соперничества и съ величайшимъ успѣхомъ игралъ роли Фигаро, Дандини, Подесты (въ *Сорокъ воровкѣ*), Донъ-Жуана и пр. Среди своихъ триумфовъ, онъ вновь бросилъ сцену (въ 1829 г.) и исключительно занялся композиціею. Тогда быстро послѣдовали, одна за другою, на театрахъ Парижа, Милана, Палерма, оперы его: *I Rivali* (1830) *Un avercimento* (1832), *Enrico IV* (1834); въ Лондонѣ *L'Assedio di la Rochelle* (1835); *Manon Lescot*, написанная для Госпожи Малибранъ, и имѣвшая успѣхъ чрезвычайный (1836); *J. Grey* (1837); *Дама подъ покрываломъ* и *Фальстафъ* (1838); *Иоанна д'Аркъ* (1839); *Kéolanthé* (1849); *Gypsy* (Цыганка) въ 1843. Въ 1844 году написалъ онъ для Парижской Комической Оперы *Le puits d'amour* и *Les quatre Fils Aymon*. Въ 1846 году играли на Театрѣ Большой Оперы его сочиненіе *L'Etoile de Séville*, но она не имѣла успѣха. За то опера *Мулать*, игранная въ 1848 г. въ Берлинѣ, доставила ему блистательное торжество. Дотолѣ творенія его нравились Англичанамъ, Французамъ, Италіанцамъ: теперь своенравные, въ дѣлѣ музыки, Нѣмцы отдали ему полную справедливость. Искреннимъ его хвалителемъ былъ извѣстный берлянской критикъ Релльштабъ, на котораго самъ Спонтини угодить не могъ. Изъ всѣхъ оперъ Бальфа лучшими считаются: *Фальстафъ*, *Цыганка*, *Осада ла-Рошели* и *Чепверо Братьевъ*. Последняя съ восторгомъ была принята и въ Вѣнѣ; ее давали тамъ пятьсотъ разъ сряду въ одно и то же время въ трехъ театрахъ: (Kärntnerthor, Josephstadt и an der Wien). Нынѣ ѣдетъ онъ въ Вѣну для постановки своей оперы *Кеоланта*.

Драматическая музыка Бальфа отличается ясностью и обиліемъ мотивовъ, искуснымъ изложеніемъ ихъ для исполненія голосомъ, быстротою и силою. Умная оркестровка возвышаетъ мелодію, не подавляя ея: эти качества ставятъ его въ число учениковъ Пера и Россини, которые направляли первые шаги его. Оригинальность и доступность его мелодій свидѣтельствуетъ тѣмъ, что многія изъ нихъ сдѣлались пѣснями народными, и разыгрываются на уличныхъ органахъ. Съ 1846 года Бальфъ состоитъ директоромъ оркестра Италіанской Оперы въ Лондонѣ и управляетъ концертами Филармоническаго Общества. Услужливость и безкорыстіе заставляютъ уважать его: онъ охотно помогаетъ всякому артисту, принимаетъ ревностное участіе въ благотворительныхъ концертахъ, и пользуется дружбою музыкальныхъ знаменитостей. Артисты здѣшней Италіанской Оперы съ охотою и любовью принимали участіе въ его концертахъ. Г. Н.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 14-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) Паркъ въ Кисловодскѣ; 2) минеральный источникъ Нарзанъ въ Кисловодскѣ; 3) Николаевскія и Ермоловскія Минеральныя Ванны въ Пятигорскѣ; 4) видъ города Пятигорска; 5 и 6) Сакскія Грязи въ Крыму, именно домъ для пользующихся грязями, и ванны на берегу озера. Последніе два вида рисованы съ натуры Княжною А. С. Г.....ю.

(*). Портретъ Бальфа былъ помѣщенъ въ № 13-мъ Р. Х. Л.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Фодоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ѳ. В. Баунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 8-го Мая 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Ц. Греча.

ПРОДАЖА ВЕРБЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ С. ПетербургѢ съ давнихъ временъ въ теченіе послѣднихъ трехъ дней шестой недѣли Великаго Поста (Четвертокъ, Пятница, Суббота) происходитъ въ Гостиномъ Дворѣ продажа вербъ и всякаго рода издѣлій мелкой промышленности.

Все пространство вдоль Сукопнаго Ряда по фасаду, выходящему на Невскій Проспектъ, между тротуаромъ и галерею, уставлено тысячами столиковъ, покрытыхъ бѣлыми салфетками и скатертями, на которыхъ разложены и развѣшаны игрушки всѣхъ родовъ, вербы, искусственные цвѣты, гипсовые статуэтки, дѣтскіе туалеты, а для взрослыхъ: подносы, стеклышки для шадаловъ и всякія ремесленные издѣлія, которыя всѣ трудно перечестъ. Длинные ряды этихъ маленькихъ игрушечныхъ лавокъ, на открытомъ воздухѣ, подъ лучами весенняго солнца, пробившихся сквозь облака, представляютъ разнообразную, пеструю вереницу: козловъ, бодающихся золотыми рогами, карточныхъ домиковъ, разноцвѣтныхъ значковъ, куколъ, величиною отъ аршина до четверти, въ пышныхъ, розовыхъ платьяхъ, съ скромно связанными напередѣ ручками, стоящихъ рядами на своихъ подставкахъ; далѣе, такого же роста усатыхъ гренадеровъ, и проч. и проч. Передъ столиками стоятъ толпы покупательницъ, выбирающихъ игрушки милымъ своихъ дѣткамъ. Какая огромная масса игрушекъ предъ вашими глазами! Къ концу дня она примѣтно уменьшается, таетъ какъ снѣгъ, но на другой день игрушечный арсеналъ опять полонъ-полночекъ. За то въ продолженіе этихъ трехъ дней, по всѣмъ улицамъ, расходящимся отъ Гостиного Двора, встрѣчаешь экипажи чуть ли не изъ всего города, толпы народа всѣхъ сословій съ вербами и кучи дѣтей съ радостными личиками, любующихся несомыми и везомыми ими игрушками.

Наружные игрушечные ряды еще не заключаютъ въ себѣ всей мелкой промышленности, которая, за долго до наступленія этой своего рода ярмарки, наготовила всѣ возможные мелкія издѣлія для сбыта на Вербѣхъ, по обыкновенію, принятому въ С. ПетербургѢ, дарить въ это время домашнихъ разными бездѣлицами и сладостями, или покупать попадающіяся подъ глаза вещицы, необходимыя въ житейскомъ быту и притомъ дешевыя. — Рѣдкій житель Петербурга не побываетъ на Вербѣхъ, и рѣдкій изъ нихъ не вынесетъ оттуда какой нибудь бездѣлушки. Утверждаютъ, что въ эти три дня оборотъ мелкой промышленности простирается до 200,000 руб.; бывали примѣры, что мелкіе промышленники въ вербные дни начинали торговать бездѣлушками, и, приобрѣта зна-

чительный барышъ, съ нѣсколькихъ рублей въ послѣдствіи постепенно сбивали себѣ бездѣдное состояніе.

Чтобы вполнѣ ознакомиться съ другою и притомъ значительнѣйшею половиною Вербъ, пожалуйте подъ арки гостинодворскихъ галерей. Начните осмотръ со стороны Невскаго Проспекта: трудно пройти, толпы народа медленно двигаются мимо рядовъ столиковъ продавцевъ, которыхъ, какъ и самыя ихъ произведенія, большею частью вамъ удастся встрѣчать разъ въ году, именно только въ эти дни, послѣ чего они какъ будто исчезаютъ съ лица земли. Вотъ цѣлый цвѣтникъ искусно сдѣланныхъ розъ, маку и гіацинтовъ, восковыхъ и матерчатыхъ; каждый цвѣтокъ въ глиняномъ горшечкѣ; рядомъ тысячи деревянныхъ, мраморныхъ и фарфоровыхъ яичекъ; затѣмъ собраніе куколъ, пышно разодѣтыхъ; вслѣдъ затѣмъ столы съ пряниками всѣхъ сортовъ, леденцовъ, орѣховъ въ меду, ящики винныхъ ягодъ, коробки греческихъ сладостей: халвы, алахатрухумъ, банки съ шербетамы, а рядомъ подсвѣчники, ножики, щеточки, колпачки для свѣчъ и лампъ, помада, духи, вакса, мыло всѣхъ цвѣтовъ и видовъ; потомъ вновь пряники и греческія сласти, а тамъ стекляныя собачки, кораблики, фигурки въ стклянкахъ, подымающіяся и опускающіяся въ водѣ; рядомъ собраніе бюстиковъ и гипсовыхъ статуэтокъ бѣлыхъ, желтыхъ и подъ бронзу, изображающихъ мифологическихъ богинь, рыцарей; подлѣ столикъ съ домиками, баульчиками; тутъ же корзинки съ дѣтскимъ бѣльемъ, восковые младенцы въ корзиночкахъ; опять игрушки, яйца, сласти, фигурки. Тоже повторяется до безконечности и въ другой галереѣ, по Садовой и кругомъ всего Гостиного Двора. Безъ сомнѣнія, каждый, изъ числа многочисленныхъ посѣтителей Вербъ нынѣшняго года, замѣтилъ и любовался, а многіе, быть можетъ, и съ удовольствіемъ купили лучшее, что было на этой пестрой и разнообразной ярмаркѣ: маленькихъ птичекъ разныхъ породъ, пѣтушковъ, курочекъ, сидящихъ въ корзиночкахъ, цыпцарокъ съ цыплятами, миниатюрныхъ фазановъ и другихъ пернатыхъ, такъ искусно изъ настоящихъ перышковъ сдѣланныхъ, такъ вѣрно изображающихъ формы и характеръ представляемыхъ птицъ, что отъ души можно пожелать, чтобы эти произведенія украшали не собранія дѣтскихъ игрушекъ, но художественные и зоологическіе кабинеты.

Удѣливъ нѣсколько рублей трудолюбивымъ ремесленникамъ и ремесленницамъ, наготовившимъ для вашихъ дѣтей столько отрадныхъ бездѣлицъ для праздника Пасхи, повидавшись съ большею частью своихъ знакомыхъ, зайдите въ рядъ, выстроившійся по Садовой, купить настоящей вербы. Здѣсь мужички, за копѣйку, предлагаютъ намъ пучекъ вербовыхъ лозъ, унизанныхъ сѣренскими,

бархатными почками, со вщепленными вечно-зелеными брусничными вѣтками, открытыми изъ-подъ снѣга. Все что разставлено по линіи Невскаго Проспекта и въ Гостиномъ Дворѣ, пойдетъ для забавы дѣтей, а эти простыя вербы украсятъ углы комнатъ и свѣтелокъ, гдѣ стоятъ святыя иконы съ теплящимися предъ ними лампадами: освященная верба во всѣхъ русскихъ домахъ бережется съ особымъ почитаніемъ, и хранится во весь годъ за образами. О. К.

КОНЦЕРТЪ А. С. ДАРГОМЫЖСКАГО.

Недавно въ Русскомъ Художественномъ Листкѣ помѣщенъ былъ обзоръ всѣхъ концертовъ нынѣшняго музыкальнаго сезона; нынѣ же мы хотимъ посвятить отдѣльную статейку концерту А. С. Даргомыжскаго, заслуживающему особеннаго воспоминанія по многимъ причинамъ. Концертъ этотъ былъ составленъ только изъ композицій даровитаго автора *Эмеральды*, и былъ данъ имъ въ пользу призрѣваемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ. Зала Дворянскаго Собранія едва могла вмѣщать въ себѣ многочисленныхъ слушателей, привлеченныхъ какъ дарованіемъ концертиста, такъ и прекрасною цѣлю концерта. Въ числѣ исполнителей были извѣстнѣйшіе наши любители и любительницы, между прочимъ: М. О. Калерджи, М. В. Шиловская, самъ концертистъ-композиторъ, а изъ артистовъ: Л. Мауреръ, несравненная Виардо-Гарсія, солисты русской оперной труппы, оркестры и хоры Италіанской Оперы. Этотъ концертъ, русскій въ полномъ значеніи слова, былъ замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ данныхъ въ нынѣшнемъ году.

Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о любительницахъ, участіе которыхъ придадо концерту цѣну и блескъ.

М. О. Калерджи съ такимъ искусствомъ играетъ на фортепіано, какого мы не встрѣчали до сихъ поръ ни въ одной любительницѣ: отчетливость и блескъ, необыкновенная легкость въ преодолѣніи самыхъ многосложныхъ трудностей и неподдѣльное чувство — вотъ отличительныя черты ея игры, которая могла бы сдѣлать честь первоклассному артисту. Она превосходно исполнила транскрипцію одного изъ романсовъ А. С. Даргомыжскаго, написанную Куллакомъ, и возбудила такой неподдѣльный восторгъ, такой громъ рукоплесканій, что сочла долгомъ поблагодарить за нихъ мазуркой Шопена, которую исполнила съ такою же отчетливостью, съ чувствомъ и талантомъ.

М. В. Шиловская принадлежитъ также къ числу тѣхъ

немногихъ любительницъ, удѣломъ которыхъ была бы слава, если бѣ они родились въ скромномъ состояніи и были бы артистками — *ex professo*. Обширный, сильный и превосходно обработанный голосъ М. В. Шиловской не боится ни какого соперничества, и могъ бы послужить источникомъ обогащенія для другаго артиста. Все, что ни пѣла она въ этотъ вечеръ, доказывало, что она пѣвица какихъ немного — *une cantatrice consommée*.

Госпожа Виардо заслуживаетъ истинное русское спасибо. Ея европейская слава избавляетъ насъ отъ обязанности говорить о ея дарованіи, но мы не можемъ не выразить здѣсь удивленія къ ея необыкновенной способности усваивать себѣ иностранныя языки, и даже, такъ сказать, духъ чуждой ей народности. Госпожа Виардо спѣла въ этотъ вечеръ нѣсколько русскихъ пѣсень и романсовъ Г. Даргомыжскаго, русскихъ не по одному названію, но и по характеру композиціи, и спѣла ихъ такъ, что если бѣ услыхалъ ее какой нибудь заѣзжій степнякъ, не заглянувъ предварительно въ программу, то навѣрное принялъ бы ее за природную Русскую: она не только чисто произноситъ по-русски, но придаетъ словамъ и музыкѣ чисто русскія выраженія, сопровождаетъ ихъ движеніями и *ужимками*, обычными нашему народу. Удивительно!

Не исчисляя всѣхъ нумеровъ этого замѣчательнаго концерта, скажемъ, что онъ былъ вполне достоинъ и прекрасной своей цѣли и сочувствія къ нему публики. Русскіе оперные артисты, хоры и оркестръ заслуживаютъ благодарность наравнѣ съ любителями; всѣ исполнили свое дѣло прекрасно, но особенно обязаны мы благодарить А. С. Даргомыжскаго, познакомившаго насъ съ своимъ разнообразнымъ талантомъ, который большинству былъ не вполне извѣстенъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ давшему возможность содѣйствовать доброму дѣлу.

(Окончаніе впереди.)

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 15-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) портретъ Александра Сергѣевича Даргомыжскаго, съ дагеротипа С. Л. Левицкаго; 2) закладка часовни на Благовѣщенскомъ Мосту, въ С. Петербургѣ, 9-го Мая 1853 года, въ присутствіи Г. Главнуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями Графа П. А. Клейнмихеля; 3) продажа вербъ въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, въ 1853 году; 4) продажа куличей, предъ праздникомъ Пасхи, въ Гостиномъ Дворѣ, въ 1853 году; 5) поднесеніе капельмейстерскаго жезла А. С. Даргомыжскому, въ концертѣ 9-го Апрѣля 1853 года, въ Спб.; 6) капельмейстерскій жезлъ, поднесенный А. С. Даргомыжскому любителями музыки, 9-го Апрѣля 1853 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 нумеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ нумера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иногогородныхъ* у издателя Василія Фодоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Свѣрной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, О. В. Бабунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 19-го Мая 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

КОНЦЕРТЪ А. С. ДАРГОМЫЖСКАГО.

(Окончаніе)

А. С. Даргомыжскій композиторъ съ талантомъ, и мы въ правѣ гордиться имъ; мы увѣрены, что Госпожа Віардо будетъ восхищать его романсами и пѣснями за границей, а если бы онъ вздумалъ дать свою оперу *Эмеральду* въ Парижѣ или въ Лондонѣ, то безъ сомнѣнія приобрѣлъ бы себѣ обширную извѣстность.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе о разнообразіи дарованія Г. Даргомыжскаго, равно какъ и о его плодovitости, предлагаемъ здѣсь списокъ главныхъ и наиболѣе извѣстныхъ его сочиненій.

Большія сочиненія: 1) *Эмеральда*, опера въ четырехъ дѣйствіяхъ; сюжетъ заимствованъ изъ романа Виктора Гюго. Оперу эту даютъ съ успѣхомъ въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ. 2) *Торжество Вакха*, лирическая опера—балетъ; текстъ А. Пушкина. 3) *Русалка*, опера въ четырехъ дѣйствіяхъ (еще не конченная); сюжетъ взятъ изъ драматической поэмы того же имени А. Пушкина.

Отдѣльныя сочиненія для пѣнія: *Скажи, что такъ задумчивъ ты*, тріо для тенора и двухъ басовъ. Дуэты: *Дѣва и роза*; *Ты и вы*; *Что мой свѣтикъ луна*; *Рыцари*; *Дѣвицы-красавицы*; *Минувшихъ дней очарованья*.

Баллады, арии и романсы большого размѣра: *Свадьба*; *Вертоградъ*; *Мой суженый, мой ряженный*; *Слеза*; *Не спрашивай зачѣмъ*; *Ночной зефиръ струитъ эфиръ*; *Тучки небесныя*; *Я сказала зачѣмъ*; *Не называй ее небесной*; *Бушуй и волнуйся*; *Мечты, мечты*; *Къ друзьямъ*; *Кудри*; *И скучно, и грустно*.

Романсы, элегии и мелодіи: *Владыко дней моихъ*; *Она прійдетъ*; *Молитва*; *Голубые глаза*; *Одѣлась туманами Сіерра-Невада*; *Привѣтъ*; *Я васъ любилъ*; *Скрой меня, бурная ночь*; *Я умеръ отъ счастья*; *Влюбленъ я, дѣва красота*; *Въ крови горитъ огонь желанья*; *Ты скоро меня позабудешь*; *Миѣ грустно потому*; *Слышу ли голосъ твой*; *Поцѣлуй*; *Дайте крылья миѣ*; *Я все еще его люблю*; *Не скажу никому*; *Богъ помочъ вамъ*; *Восточный романсъ*.

Пѣсни: *Ты хорошенькая*; *Баба старая*; *Какъ мила ея головка*; *Лилета*; *Шестнадцать лѣтъ*; *Застольная пѣсня*.

Пѣсни комическія: *Каюсь дядя*, *чортъ попуталъ*; *Душеч-*

ка дѣвица; *Лихорадушка*; *Мельникъ*; *Охъ тихъ, тихъ, тихъ*.

Для хоровъ; двѣнадцать серенадъ для мужскихъ и женскихъ голосовъ.

Для фортепіано: Скерцо (f-mol); скерцо (g-mol). Болеро. Фантазія на мотивы изъ оперы *Жизнь за Царя*.

Пѣсни безъ словъ: As-dur.; A-dur.

А. С. Даргомыжскій явился въ концертѣ своемъ не только композиторомъ, но исполнителемъ и капельмейстеромъ; онъ исполнилъ на фортепіанѣ съ Г. Сантисомъ, фантазію собственнаго сочиненія, на мотивы изъ оперы М. И. Глинки *Жизнь за Царя*, и дирижировалъ хоромъ.

Любители, участвовавшіе въ концертѣ, поднесли ему, въ знакъ уваженія къ его дарованію и благодарности за доброе дѣло, драгоценный капельмейстерскій жезлъ, изображенный на приложенномъ къ № 15-му рисункѣ. Жезлъ этотъ сдѣланъ извѣстнымъ ювелиромъ Брейтфусомъ. Рукоятка его, изъ чистаго золота, кончается надписью «А. С. Даргомыжскому», сдѣланною изъ мелкихъ брилліантовъ; на остальной части жезла, сдѣланной изъ серебра, выгравированы имена поднесшихъ жезлъ; кончается же онъ двумя рядами крупныхъ брилліантовъ и большимъ изумрудомъ, вдѣланнымъ въ самый конецъ.

Вотъ списокъ именъ, выгравированныхъ на жезлѣ: Д. Каншинъ. М. Шиловская. В. Опочининъ. Баронесса А. Притвиць. К. и А. Каншины. Александра Гирсъ. Д. Дестремъ. К. Вильбоа. Г. Назаровъ. А. Аплечевъ. И. Кушинниковъ. И. Максимовъ. А. Опочининъ. О. Ораловъ. В. Трофимовъ. В. Зубаревъ. М. Яцевичъ. П. Загрусскій. П. Падалка. И. Коржевскій. О. Васильевъ. С. Бородинъ. Г. Виладомъ. Бар. Б. Фитингофъ. А. Быстровъ. П. Политковскій. С. Антоновъ. М. Шелашниковъ. А. Шустовъ. Б. Кочетовъ. А. Лодій. А. Петровъ. И. Софановичъ. В. Билибинъ. С. Е. и В. Пургольдъ. Князь В. Одоевскій. З. Башинская. Г. Чоглоковъ. И. Бунинъ. Е. Пистолькорсъ. Князь Г. Вяземскій. В. Угла. Графиня А. Н. Гейденъ. В. Инсарскій. Н. Философовъ. Н. Молеріусъ. С. Тихменева. А. Я. Билибина. И. Отто. Н. и Е. Новосельскіе. И. Дельфинъ. П. Віардо-Гарсія. З. Бурцева. М. Уварова. В. Литвинова. А. Теляковскій. Е. Сазонова. Л. Отто.

16-го Мая нынѣшняго года исполнилось стопятидесяти-лѣтіе существованія Петербургу и торжеству мощной воли Петра Великаго, создавшаго на болотахъ невскихъ береговъ оплотъ, укрѣпившій за Россією древнее ея достояніе: Ингерманландію, Карелію и воды Балтики.

Россія, свергнувъ двухъ-вѣковое иго Монголовъ, въ три послѣдующія столѣтія, силою воли и величіемъ ума своихъ государей, срослась изъ улѣловъ въ одно мощное царство и постепенно преоборала формы и духъ азіятскаго устройства, наложенныхъ на нее продолжительнымъ вліяніемъ Татаръ. Историческія событія и всѣ элементы внутренней силы государства приготовили огромныя средства для обширной дѣятельности Петра. Но нужны были его геніальный умъ, его могучая воля, чтобы придать всему европейскія формы.

Для этого преобразованія нуженъ былъ учитель. Великій Петръ взялъ на себя эту трудную обязанность, и сперва самъ всему выучился въ Европѣ, за тѣмъ, въ народѣ, нашелъ себѣ достойныхъ учениковъ. Этого мало: для развитія естественныхъ и промышленныхъ силъ государства, къ полному и внутреннему его благосостоянію, Петръ Великій предположилъ дать ей физическое соединеніе съ Европою, ибо тогда съ сѣвера Шведы, съ запада Поляки, а съ юга крымскіе Татары, издавна непріязненные Русскимъ, составляли порубежную преграду. И хотя еще отчасти существовала торговля, которую нѣкогда Новгородцы вели чрезъ Волховъ, Ладожское Озеро, Неву и Балтійское Море съ ганзейскими городами, но шведское владычество на устьѣ Невы, тяготѣло надъ нею. Въ то время Россія владѣла только двумя морями, и на нихъ двумя рынками, для сбыта своихъ произведеній и пріобрѣтенія чужеземныхъ: для Азіи въ Астрахани на Каспійскомъ, для Европы въ Архангельскѣ, на Бѣломъ Морѣ. Но и тутъ она была, такъ сказать, только посредницею между этими двумя рынками во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ; тогда какъ чрезъ Россію лежалъ почти единственный въ то время путь сношеній Азіи съ Европой, и потому вся огромная выгода этого обмѣна могла бы ей достаться на долю, если бъ обширное пространство, раздѣлявшее эти рынки и неудобство сообщеній не останавливали его развитія въ надлежащей степени.

Такимъ образомъ Петру Великому предстояло совершить два великія дѣла: возвратить отечеству отнятое у онаго Шведами, а съ тѣмъ вмѣстѣ возстановить торговлю, которую вела съ Европою чрезъ Новгородъ вся Россія.

Ингерманландія, или Ингрія, и Карелія издревле были собственностью Новгорода, подъ названіемъ Вотской Пятны (*).

(*) Изъ переписной окладной книги по Новгороду Вотской Пятны 7008 (1500) г. (напечатанной во *Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1851 г.) видно, что, по берегамъ Ладожскаго Озера, рѣкъ: Невы, Тосны, Охты, Мойки и Мьи, а также на Васильевскомъ Островѣ, у Лахты и у другихъ мѣстъ и тогда называвшихся тѣми же именами какъ и нынѣ, были чисто русскія поселенія и въ

Русскіе, отстаивая эту собственность, имѣли много знаменитыхъ битвъ со Шведами на берегахъ Невы: здѣсь Александръ Невскій одержалъ славную побѣду въ 1241 г., Посадникъ Симеонъ въ 1291 г.; въ 1323 году Новгородцы срыли на устьѣ Охты шведскую крѣпость, заложенную за двадцать три года до того, и въ то же время основали крѣпость Орѣховецъ, нынѣшній Шлиссельбургъ, которую потеряли спустя двадцать пять лѣтъ. Съ 1582 г. Ингрія и Карелія тринадцать лѣтъ находились подъ властью Шведовъ, а, по столбовскому договору 1617 года, послѣ смуты междоцарствія, прибалтійскія владѣнія наши въ *первый разъ* были уступлены Швеціи. Шведы еще въ 1611 году основали на берегу Невы, при устьѣ Охты, городъ Ніенъ и возлѣ него крѣпостну Ніеншанцъ, торговля котораго въ скоромъ времени такъ развилась, что въ 1694 году уже было въ немъ 108 судовъ въ приходѣ и 80 въ отходѣ.

Наконецъ началась упорная война Петра Великаго съ Карломъ XII за эти земли. Шведы имѣли на своей сторонѣ искусство военное, славу побѣдъ, одержанныхъ на поляхъ Европы: Русскіе, еще неопытные въ образѣ военныхъ дѣйствій съ Европейцами, имѣли за собою законное право, любовь къ отечеству и Царя съ волею и духомъ, неборимыми ни какими неудачами. Скоро Петръ I и его славные сподвижники стали, шагъ за шагомъ, отвоевывать у Шведовъ укрѣпленные города, и кровопролитный штурмъ Нотеборга (1702), бывшаго Орѣховца, уже предвозвѣстилъ и близкое паденіе Ніеншанца.

При началіи войны, купцы, населявшіе Ніенъ, предчувствуя чѣмъ долженъ рѣшиться возникшій кровавый споръ, по мѣрѣ приближенія войны, стали покидать городъ, а съ ними уходили и жители береговъ Невы. Такимъ образомъ въ Ніеншанцѣ остался только небольшой гарнизонъ.

26-го Апрѣля слѣдующаго года, Шереметевъ уже стоялъ при устьѣ Охты съ двадцати-тысячнымъ войскомъ, началъ громить стѣны Ніеншанца, и вечеромъ 1-го Мая гарнизонъ сдался на капитуляцію.

Петръ Великій, завладѣвъ устьемъ Невы, увидѣлъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣлъ выходъ въ море сооружаемому имъ флоту, какъ единственному средству отбросить за море Шведовъ и упрочить за Россією край, отнимаемый у нихъ такою дорогою цѣной, а потому рѣшился утвердить пріобрѣтеніе сильною крѣпостью. Обозрѣвая съ этою цѣлью рукава Невы, онъ оцѣнилъ всѣ выгоды, представляемыя ею для существованія приморскаго торговаго города, который съ тѣмъ вмѣстѣ выполнялъ бы и важное стратегическое назначеніе. Если бъ Петръ Великій завоевалъ Нарву, Ревель и Ригу ранѣе Ніеншанца, то все таки онъ отдалъ бы преимущество устью Невы, ибо она, посредствомъ Ладожскаго Озера, Волхова, Мсты и Тверцы, соединилась съ Волгою, и такимъ образомъ вся торговля Россіи, отъ береговъ Каспійскаго Моря, и вся азіятская торговля получали легкій и удобный истокъ въ Европу, чего не представлялъ ни одинъ изъ вышепоименованныхъ пунктовъ.

Что задумывалъ Петръ Великій, то весьма рѣдко не осуществлялось. 16-го Мая 1703 года, въ день Св. Троицы, переписной книгъ даже поименно перечислены всѣ крестьяне и сколько каждый платилъ подати: деньгами, хлѣбомъ и невскими сигаами, какъ по окладу того времени, такъ и по старому письму.

Царь собственными руками положилъ на низменномъ островкѣ Енисари, или Заячемъ, на Большой Невѣ, первый камень въ основаніе бастіона, лежащаго влѣво отъ нынѣшнихъ Петровскихъ Воротъ, и рѣшилъ: за крѣпостью, на нынѣшней Петербургской Сторонѣ, на Березовомъ Острову, быть городу во имя Святаго Апостола Петра — Санктпетербургу. Губернаторомъ назначилъ сподвижника своего Меншикова, а комендантомъ Полковника Ренне.

По мановенію Великаго, работы закипѣли; бастіоны: Государевъ, Нарышкина, Трубецкаго, Зотова, Головина и Меншикова быстро росли, и въ четыре мѣсяца уже сомкнулись землянымъ валомъ и вооружены были тремястами мѣдныхъ и чугунныхъ орудій, отбитыхъ у Шведовъ. Внутри крѣпости, по всей длинѣ острова, прорытъ былъ каналъ, построена Церковь во имя Св. Апостола Петра и Павла, деревянная выкрашенная подъ мраморъ, съ тремя шпильцами, а по сторонамъ канала четыре ряда домовъ для гарнизона, священно-служителей и церковь для жителей протестантскаго исповѣданія. Березовый Островъ насыпали, начали строить дома, и Царь поставилъ себѣ, въ двухъ стахъ саженьяхъ отъ крѣпости, на берегу Невы, деревянный домикъ въ голландскомъ вкусѣ, длиною въ восемь и шириною въ три сажени, внутри обитый бѣлымъ холстомъ (*). Рядомъ съ домикомъ царскимъ построилъ себѣ домъ Меншиковъ, гдѣ долгое время и праздновались всѣ торжества. Сначала работы производились войсками, а потомъ Ингерманландцами, Корелами, Олончанами, Новгородцами, казаками, Татарами, Калмыками и плѣнными Шведами, такъ что того же еще лѣта уже работало сорокъ тысячъ человѣкъ разныхъ племенъ и нарѣчій. Постройки возводились деревянныя.

На восточной оконечности Васильевскаго или Лосинаго Острова, на *стрѣлкѣ*, поставлена была баттарей для защиты города, а для обезпеченія его отъ нападенія непріятели съ моря, Петръ Великій, самъ промѣряя фарватеръ Невы, осмотрѣлъ островъ Котлинъ (Кронштадтъ) и на отмели предъ онымъ предположилъ выстроить башню, вооруженную орудіями, которая препятствовала бы входу въ невскій фарватеръ, что и было исполнено Меншиковымъ тою же зимою, съ необыкновенными усиліями. Первый годъ существованія Петербурга ознаменованъ былъ приходомъ голландскаго купческаго судна, шкиперъ котораго получилъ подарки, причемъ ему объявили, что первый затѣмъ корабль, прибывшій къ созидавшемуся городу, получить 300 червонцевъ награды, а второй за нимъ 150; не смотря на то, прошли годы, а купческіе корабли не являлись въ Неву.

Разумѣется Шведы не могли смотрѣть равнодушно на сооруженіе города съ крѣпостью на землѣ Ингріи и Кареліи, болѣею частью еще находившейся въ ихъ рукахъ, и потому до самой Полтавской Битвы, упрочившей владычество Россіи на Финскомъ Заливѣ, постоянно употребляли всѣ усилія побѣдить Русскихъ, заставить удалиться, уничтожить возникшій городъ; но каждый разъ Петръ Великій, Брюсъ, Апраксинъ и Крюйсъ, на водахъ и на берегахъ Невы и почти въ виду Петербурга, отражали Шведовъ. Тысячи плѣнныхъ становились въ послѣдствіи жи-

(*). Существоющій и понынѣ. Онъ изображенъ на рисункѣ.

телями Петербурга; шведскія призовыя военныя суда увеличивали возраждавшійся Русскій Флотъ, а шведская артиллерія вооружала и Петербургъ, и баттарей Котлина.

Весною 1704 года пришло въ С. Петербургъ пятнадцать тысячъ рабочихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи; это повторялось ежегодно, и сверхъ того по временамъ были еще переселяемы въ С. Петербургъ тысячи дворовъ различныхъ мастеровыхъ изъ городовъ Россіи и изъ царскихъ вотчинъ. Въ Октябрѣ того же года, на лѣвомъ берегу Невы, на мѣстѣ нынѣшняго Стараго Адмиралтейства, заложена была верфь для постройки линійныхъ кораблей, а въ слѣдующемъ 1705 году эта сторона города начала населяться: выше верфи иностранцами всѣхъ націй, которые во множествѣ стекались отсюду, изъ выгодъ торговыхъ и видовъ по службѣ, а ниже верфи, чиновниками и служителями морскаго вѣдомства.

Дома росли необыкновенно скоро, но въ безпорядкѣ, а потому Царь повелѣлъ строить городъ по плану, а для устраненія частыхъ пожаровъ возводить постройки каменные или мазанковыя. Возведеніе прочныхъ зданій останавливалось изъ-за недостатка камня, а потому въ послѣдствіи (указомъ 24-го Октября 1715 г.) вмѣнено было въ обязанность на каждой шкунѣ привозить по 30-ти камней, на полукарбусѣ по 20-ти, на соймѣ по 10-ти, а на возахъ по три камня, вѣсомъ: на судахъ по 10-ти, а на возахъ по пяти фунтовъ каждый. Для умноженія въ Петербургѣ каменщиковъ и другихъ мастеровъ зодчества (указомъ 9-го Октября того же года) запрещено возводить гдѣ либо въ Россіи каменное строеніе кромѣ Петербурга. Также вмѣнено было въ обязанность: духовнымъ лицамъ, дворянамъ, купцамъ, даже крестьянамъ, съ опредѣленнаго числа дворовъ, съ капитала, или съ подати, платимой въ казну, строить дома каждому сословію въ указанной части города, на назначенномъ пространствѣ земли, отводимой бесплатно и притомъ постройки опредѣленнаго рола. За то городъ росъ съ неизвѣрною быстротою, и уже въ 1809 году насчитывали въ немъ до шестнадцати тысячъ домовъ. Правда, большая часть этихъ строеній представляли не городъ, а обширную деревню, и не многіе изъ нихъ имѣли право назваться домами; за всѣмъ тѣмъ Петербургъ, возникшій въ такое короткое время на болотахъ при невскихъ берегахъ, удивлялъ не только Русскихъ, но и иностранцевъ. Знаменитые сподвижники Петра I во всѣхъ его славныхъ дѣяніяхъ, помогали ему и въ украшеніи Петербурга. Меншиковъ, обладавшій несмѣтными богатствами, первый соорудилъ великолѣпный по тому времени дворецъ на Васильевскомъ Острову, на берегу Невы (1710 г.), въ которомъ совершались почти всѣ торжественныя празднества царствованія Петра I (*). Адмиралъ Апраксинъ, Крюйсъ, Князь Гагаринъ, Головкинъ, Головинъ, Брюсъ, Кикинъ, Фельдмаршалъ Шереметевъ, Шафировъ и многіе другіе сановники выстроили огромныя каменныя палаты на Адмиралтейской Сторонѣ, т. е. на лѣвомъ бе-

(*). Дворецъ этотъ, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, обращенъ былъ подъ Шляхетный Кадетскій Корпусъ. Фасадъ его и внутреннія стѣны многихъ комнатъ сохранились въ томъ самомъ видѣ, какъ были первоначально выстроены. Дворецъ изображенъ также на рисункѣ.

регу Невы, но изъ этихъ строеній, исключая дворца Меншикова, ни одно не сохранилось до нашего времени. Изъ частныхъ построекъ отъ той эпохи въ Петербургѣ существуютъ и понынѣ дома: дворецкаго Меншикова, Соловьева (*) (1714 г.) и секретаря князя же, Волкова (**) (1715 года).

Казенныхъ построекъ также сооружалось множество: крѣпость, какъ ядро Петербурга, постепенно была обстраиваема и одѣваема камнемъ. Петропавловскій Соборъ, въ нынѣшнемъ его видѣ, началъ Петромъ Великимъ въ 1712 г. и оконченъ при Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ въ 1733 году. Деревянная церковь Св. Троицы и каменная Симеона и Анны, на Фонтанкѣ, то же сохранились въ томъ видѣ, какъ были выстроены, первая въ 1710, вторая въ 1712 годахъ. На мѣстѣ, называвшемся *викторія*, гдѣ, по преданію, Великій Князь Александръ Невскій одержалъ побѣду надъ Шведами, Архимандритъ Θεодосій, въ присутствіи Государя и всего Двора, водрузилъ крестъ (1710 г.), какъ знаменіе имѣющей соорудиться тутъ Александро-Невской Лавры, а въ 1713 году Новгородскій Митрополитъ Іовъ совершилъ освященіе и перваго въ оной храма, деревянной Церкви во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ томъ же году, по повелѣнію царскому, прорублена была широкая просѣлка отъ корабельной верфи къ Невскому Монастырю и послужила основаніемъ нынѣшняго Невского Проспекта.

Тамъ, гдѣ Фонтанка вытекаетъ изъ Невы, Царь выстроилъ себѣ скромный дворецъ подъ названіемъ Лѣтняго (1711 г.) (***), а при ономъ развелъ огромный публичный садъ, въ послѣдствіи украшенный множествомъ фонтановъ и каскадовъ, снабжавшихся водою посредствомъ трубъ изъ бассейна, къ которому въ 1717 году проведенъ былъ узкій каналъ отъ деревни Лиговой. Въ томъ же 1711 г. были выстроены дворцы: Зимній, на мѣстѣ, нынѣ занимаемомъ казармами перваго баталіона Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго Полка; для Царевны Наталіи Алексѣевны и Царевича Алексѣя Петровича, тамъ, гдѣ помѣщаются гофъ-интендантскіе магазины, а для Царицы Параскеви Θεодоровны на Васильевскомъ Острову (1720 г.) (****), вскорѣ отданный Петромъ I подъ Академію Наукъ и нынѣ занимаемый Кунсткамерою. Общественныя зданія сооружались во всѣхъ частяхъ города: главная аптека, дворы почтовый и гостинный, магазины, каналы, каменные военно-сухопутные госпитали, понынѣ сохранившіеся. Эти по-

(*) Въ немъ нынѣ помѣщаются учителя и другіе чиновники Перваго Кадетскаго Корпуса.

(**) На углу Загибенина Переулка и Кадетской Линіи.

(***) Дворецъ сохранился въ первобытномъ его видѣ и представленъ на рисунокѣ.

(****) Фасадъ зданія изображенъ на рисунокѣ, но въ томъ видѣ какъ нынѣ, т. е., съ присоединеніемъ обсерваторіи.

стройки были заключены заложеніемъ въ 1723 году огромнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго зданія Двѣнадцати Коллегій, которое было dokonчено въ царствованіе Императрицы Анны Иоанновны. Въ послѣдній годъ царствованія Императора Петра I, въ Петербургѣ считалось большихъ, въ полномъ смыслѣ домовъ: деревянныхъ 400 и каменныхъ 200.

Въ 1710 году начали мостить городъ жердями и фашинами; въ 1715 году повелѣно укрѣплять берега Невы и ея притоковъ сваями; въ 1718 г. учреждена полиціимейстерская канцелярія подъ вѣдѣніемъ генераль-полиціимейстера. На Невѣ не было мостовъ и сообщеніе чрезъ рукава Невы производилось посредствомъ парусныхъ и гребныхъ судовъ, и всякій хозяинъ дома и зажиточный постоялецъ обязаны были имѣть свое судно, что составляло особый *Невскій Флотъ*, обязанный собираться для упражненій и эволюцій въ воскресные дни полудни, по пушечному сигналу своего *Невскаго Адмирала*. Государь съ Дворомъ часто участвовалъ въ занятіяхъ этого флота. Съ 1723 года начали постоянно освѣщать петербургскія улицы.

Для удобства и ускоренія сообщеній устроена была большая дорога въ Москву съ почтовыми станціями, и верховая почта по всей Россіи. Для постоянного же сообщенія съ Любекомъ назначены были два небольшіе фрегата (1723 г.) Съ развитіемъ города раждалась и промышленность; возникали фабрики: шпалерная, бумажная, позументная и ленточная, сахарный, восковой и игольный заводы, литейный дворъ, оружейный и пороховой заводы, аптекарскій островъ, типографіи, бібліотека, кунсткамера и множество другихъ учреждений, свидѣтельствующихъ о попечительности Петра Великаго не только о выгодахъ и пользахъ созданнаго имъ города, но и всей Россіи, которой предназначилъ онъ заимствовать отъ Петербурга всѣ плоды образованія запада. Учрежденіе *ассамблей* (1718 г.) было самымъ рѣшительнымъ шагомъ къ сближенію насъ съ образомъ жизни, нравами и потребностями Европейцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ ихъ образомъ понятій.

(Окончаніе впрѣдъ.)

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 16-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: Памятникъ Петру I-му, въ С. Петербургѣ. Нѣкоторыя изъ зданій, основанныхъ Петромъ Великимъ, въ томъ видѣ, какъ они нынѣ существуютъ: 1) часть зданія Перваго Кадетскаго Корпуса (главный подъѣздъ съ Невы); 2) Петропавловская Крѣпость; 3) Кунсткамера (одно изъ зданій Императорской Академіи Наукъ); 4) Соборъ Живоначальныя Троицы; 5) домъ Петра I-го на Петербургской Стронѣ; 6) дворецъ въ Екатерингофѣ; 7) Монплезиръ (дворецъ) въ Петергофѣ; 8) дворецъ въ Лѣтнемъ Саду; 9) зданіе Двѣнадцати Коллегій (гдѣ нынѣ помѣщаются Императорскій Университетъ и Главный Педагогическій Институтъ); 10) домъ, въ которомъ скончался Императоръ Петръ I (нынѣ Эрмитажный Театръ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Θεодоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Раткова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 24-го Мая 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ШКОЛА ДЛЯ КИРГИЗСКИХЪ ДѢТЕЙ, ВЪ ОРЕНБУРГѢ (*).

Въ нынѣшнюю поѣздку мою въ Оренбургъ, довелось мнѣ побывать въ Школѣ Киргизскихъ Дѣтей.

Я самъ оренбургскій уроженецъ; къ Киргизамъ и къ образу жизни ихъ присмотрѣлся съизмала, и потому, естественно, принаровилъ посѣщеніе свое въ школу чуть ли не наканунѣ отъѣзда изъ Оренбурга, да и то для того, чтобы не упрекнуть себя послѣ за невнимательность къ замѣчательному на собственной родинѣ; но, побывавъ тамъ разъ, такъ пріятно изумленъ былъ особенностями этого заведенія, что принялся тотчасъ же за карандашъ, и набросалъ, для услажденія вашихъ взоровъ, любезнѣйшіе читатели, два, три эскиза, которые видите предъ собою. Примѣрная опрятность и щеголеватая простота бросились мнѣ здѣсь въ глаза съ перваго шага, и вы останетесь довольны, если послѣдуете моему примѣру и завернете въ Киргизскую Школу, когда судьба или случай приведутъ васъ на мою родину, а пока позвольте познакомить васъ теперь же со школою.

Она помѣщается на такъ называемой въ Оренбургѣ Большой Улицѣ, въ каменномъ одно-этажномъ домѣ, о двѣнадцати окнахъ по фасаду, съ дверью въ срединѣ для подъѣзда, устроеннаго выступомъ, въ видѣ фронтона, съ пятью колоннами. По ступенямъ каменнаго широкаго крыльца, вы подходите къ двери, и, по удару въ звонокъ, васъ пропускаетъ дежурный служитель въ свѣтлую и чистую переднюю: въ ней по обѣ стороны двери, къ стѣнамъ, приставлено по турецкому дивану, обитому краснымъ драдедамомъ; насупротивъ, во всю ширину передней, сквозная, съ рѣзьбою, подъ черной политурой, ширма, съ изнанки обитая пунцовымъ терно, замѣняющая вѣшалку для шубъ и шинелей; въ средину ширмы вставлено прекрасное зеркало, въ которое очень ловко посмотришься, если вы немножко самолюбивы, и поправить свой туалетъ, если вы провожаете въ школу дамъ; съ боку ширмы небольшая дверь, ведущая въ комнату дежурнаго служителя, устроенную какъ разъ за самой ширмой.

Изъ передней, на лѣво, ходъ въ классную залу: тамъ, во всю ея длину, къ стѣнѣ на улицу, приставлены въ два ряда восемь классныхъ столовъ; насупротивъ ихъ, у стѣны же, каѳедра для преподавателя; съ обѣихъ сторонъ по большой, черной доскѣ на треножникѣ. Такое располо-

женіе очень удобно, потому что преподаватель видитъ каждого изъ учениковъ, и можетъ какъ нельзя лучше слѣдить за его усердіемъ во время класса. На противоположной отъ входа въ залу стѣнѣ, въ золоченой рамѣ, между пунцовой драпировкою, находится изображеніе Августѣйшаго Покровителя просвѣщенія на Святой Руси, Государя Императора Николая Павловича; въ простѣнкахъ между окнами, въ черныхъ рамахъ, подъ стеклами, повѣшены двѣ таблицы, изъ которыхъ на одной изображены имена Августѣйшихъ Особъ всего Россійскаго Императорскаго Дома, на другой замѣчательнѣйшія изрѣченія изъ Корана о необходимости молитвы къ Богу и повиновенія царю и властямъ, пользы ученія и доброй нравственности. На простѣнкѣ къ двери есть расписаніе въ какіе дни и часы, что и къмъ именно въ школѣ преподается. Всѣ эти таблицы написаны въ два столбца — одинъ на Русскомъ Языкѣ, другой на Киргизскомъ. Въ залѣ почти вся мебель изъ ильмоваго дерева и крыта политурой; каѳедра особенно заглядѣнье!

Изъ залы вы проходите въ умывальную комнату: въ ней, посрединѣ, огромный, по крайней мѣрѣ, въ сажень вышиною, умывальникъ красной мѣди; форма его очень оригинальна, и онъ приходится какъ разъ насупротивъ дверей дортуара, что весьма красиво. Воображаю, какъ сильно бросается этотъ умывальникъ въ глаза не только Киргизу, но и всѣмъ посѣщающимъ школу Азіятцамъ, по понятіямъ которыхъ верхъ совершенства подобнаго рода издѣлій заключается въ вычурной ихъ оригинальности и громадномъ количествѣ металла, употребленнаго на самое издѣліе; тутъ же, къ боковой стѣнѣ, приставленъ станокъ для гимнастическихъ упражненій воспитанниковъ въ зимнюю пору, окрашенный подъ дубъ, и покрытый лакомъ.

Оттуда вводятъ васъ въ спальную комнату, гдѣ по обѣимъ сторонамъ, у стѣнъ, расположены кровати воспитанниковъ: онѣ желѣзные простыя — но красивы и прочны; окрашены черной краской подъ лакомъ; винты прикрыты вездѣ мѣдными гайками; къ изголовью приделанъ желѣзный пруть, въ видѣ стрѣлы, и на немъ посрединѣ овальная желѣзная дощечка, на которой по-русски и по-киргизски написаны, по черному полю, четкимъ и изящнымъ шрифтомъ, имена и фамиліи питомцевъ. Пруть оканчивается вѣшалкой конической формы, для киргизской парадной тюбетейки воспитанника. Тюфякъ на кровати набитъ конскимъ волосомъ, и покрытъ тикомъ; на тюфякѣ довольно тонкая простыня, сверхъ нея одѣло изъ верблюжьяго сукна съ холщевымъ пододѣяльникомъ, для вседневнаго употребленія. По праздникамъ на тюфякъ накидывается бѣлое фланелевое одѣло безъ пододѣяльника. Въ изголовьѣ

(*). Статья и рисунки къ ней доставлены художникомъ А. Ф. Чернышевымъ.

подушка съ двумя наволочками, и все это прикрыто, для предохраненія отъ пыли, чехломъ изъ полосатаго тика. У кровати, къ ногамъ, приставленъ табуретъ ильмоваго дерева, подъ политурой. Когда смотришь на спальню, во всю ея длину — эти чрезвычайно опрятныя кровати и табуретки, красныя, парадныя тюбетейки воспитанниковъ, симметрически надѣтыя на конусы, которыми оканчивается пруть у изголовья всякой кровати; три ночныя лампы, подвѣшанныя къ потолку спальни и наконецъ огромный умывальникъ, красующійся въ сосѣдней комнатѣ и приходящійся какъ разъ въ срединѣ двери въ дортуаръ, представляютъ чрезвычайно пріятную и оригинальную перспективу.

Воротимся тѣмъ же путемъ въ переднюю и полюбопытствуемъ взглянуть на другую половину зданія.

Первая комната, направо изъ передней, устроена для занятій надзирателя школы; въ этой комнатѣ, въ простѣнкѣ между двухъ оконъ на улицу, стоитъ письменный столъ, покрытый черною клеенкою; у стола кресло березоваго дерева, подъ чернымъ лакомъ, съ сафьяною подушкою; у стѣны, къ передней, шкафъ для учебныхъ пособій, ильмовый подъ политурою; на противоположной стѣнѣ висятъ часы. Изъ этой комнаты два хода: одинъ въ дортуаръ, другой въ столовую; въ дортуарѣ мы были — следовательно отправимся туда, гдѣ воспитанники обѣдаютъ и ужинаютъ. Это довольно просторная комната; въ ней поставлены, не много отступя отъ стѣны къ улицѣ, два ильмовые, крытые политурой, стола, глаголемъ, подъ прямымъ угломъ, какъ видно для большаго простора въ комнатѣ и для удобства прислуживающимъ за столомъ. Къ стѣнѣ, противоположной ко входу изъ надзирательской комнаты, приставленъ большой березоваго дерева съ рѣзбою шкафъ, гдѣ помѣщается весь гардеробъ воспитанниковъ; самый шкафъ въ два яруса; каждый ярусъ раздѣленъ переплетами, на тридцать отдѣльныхъ ящичковъ и въ нижнемъ помѣщается бѣлье, а въ верхнемъ платье, у всякаго воспитанника въ особомъ ящичкѣ, на переплетѣ котораго приклеенъ ярлычекъ съ номеромъ.

Другой ходъ изъ столовой ведетъ въ буфетъ; тамъ, въ углу, огромный буфетный шкафъ, съ прилавкомъ: въ этомъ шкафу вся столовая посуда и бѣлье школы. У боковой стѣны два стола: одинъ для перемыванія посуды; другой для пресса, въ который кладутъ послѣ обѣда и ужина столовое бѣлье, находившееся въ употребленіи; самый прессъ накрытъ деревяннымъ колпакомъ, и все окрашено подъ дубъ, и покрыто лакомъ. Всѣ комнаты, кромѣ буфетной и умывальной, запросто выбѣлены, оклеены недорогими, но чистыми и хорошихъ узоровъ бумажными обоями; въ каждой есть ночныя лампы, подвѣшанныя къ потолкамъ. Нѣтъ надобности, кажется, говорить, что полы вездѣ крашеные.

Вотъ мы обошли всю школу. Помѣщеніе, какъ видите, небольшое; но, по числу воспитанниковъ, довольно просторное. Остается сводить васъ въ больницу, куда вы отправляетесь изъ буфета, сначала крытымъ корридормомъ, потомъ открытою галерею, выходящею на сосѣдній дворъ, гдѣ расположено зданіе Оренбургской Пограничной Комиссіи. Больница состоитъ изъ передней и двухъ отдѣльныхъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной помѣщаются че-

тыре, а въ другой двѣ кровати; всѣ комнаты оклеены бумажными обоями, полы крашены, печи изразцовыя, кровати и мебель того же устройства, какъ и школьныя, только окрашены зеленою краскою, и первыя деревянныя. Постели какъ и въ спальней. Больница эта небольшая, а между тѣмъ чрезвычайно уютная и щегольская производитъ еще пріятнѣйшее впечатлѣніе чѣмъ школа, и, какъ я думаю, оттого именно, что ни воздухъ, ни расположеніе комнатъ, ни общій веселый видъ больницы, ни разу ни наведутъ васъ на мысль, что тутъ въ болѣзни могутъ страдать люди, хотя во время моего посѣщенія и былъ тамъ одинъ больной воспитанникъ.

На небольшомъ, но чистомъ дворѣ, устроены: кухня и прачешная, а насупротивъ оконъ дома, гдѣ живутъ воспитанники, врыты окрашенные въ зеленую краску козлы, съ принадлежностями, для гимнастическихъ упражненій воспитанниковъ въ лѣтнюю пору.

Теперь остается сказать о времени учрежденія школы, положеніи, для нея существующемъ, и образѣ содержанія питомцевъ.

Положеніе о школѣ утверждено 14-го Іюня 1844 года; но открыта она 22-го Августа 1850 г., въ день Коронаванія Государя Императора. Мы тогда же писали въ Петербургъ родные, какимъ образомъ происходило открытіе школы: въ Оренбургѣ, по этому случаю, съѣхалось изъ степи все, что тамъ есть лучшаго. Почетнѣйшихъ изъ Ордынцевъ и другихъ Азіятцевъ, находившихся на ту пору въ Оренбургѣ, угощали 22-го Августа обѣдомъ въ школѣ, а 23-го дали для нихъ народный праздникъ, какой только можно давать тамъ: борьба, пѣшіи бѣгъ, скачки и угощеніе созданныхъ на пиръ ликарей продолжались за городомъ, при огромномъ стеченіи зрителей всѣхъ званій, пола и возраста, съ четырехъ часовъ пополудни до ночи, и праздникъ заключенъ былъ фейерверкомъ, на который степняки наши смотрѣли съ изумленіемъ.

По положенію и по распоряженіямъ Главнаго Оренбургскаго Начальства, цѣль школы, сверхъ распространенія между Киргизами знанія Русскаго Языка и нѣкоторой грамотности, есть приготовленіе людей, способныхъ къ занятію пиемоводительскихъ мѣстъ по управленію Малою Ордою: при султанахъ-правителяхъ и дистанціонныхъ киргизскихъ начальникахъ, также къ исправленію другихъ должностей, въ которыя исключительно назначаются Киргизы.

Школа находится въ зависимости отъ Азіятскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ вѣдѣніи Оренбургской Пограничной Комиссіи; наблюденіе же за школою возложено на Товарища Предсѣдателя Комиссіи, а за неимѣніемъ его, или въ случаѣ продолжительнаго его отсутствія, на одного изъ совѣтниковъ комиссіи, по выбору предсѣдателя и съ утвержденія Оренбургскаго и Самарскаго Генераль-Губернатора.

Сверхъ того, особый надзиратель школы есть ближайшій ея хозяинъ по всѣмъ частяхъ управленія и надзора за питомцами. Для преподаванія предметовъ положено имѣть тамъ: учителя Русскаго Языка, чистописанія и ариметики; учителя Татарскаго Языка, законоучителя магометанскаго исповѣданія и учителя гимнастики.

Штатныхъ воспитанниковъ назначено тридцать, но раз-

рѣшается имѣть и своекоштныхъ и вольныхъ слушателей, сколько позволяютъ средства и помѣщеніе школы.

При ученикахъ, для постоянного за ними присмотра, находятся два отставные унтеръ-офицера.

Все воспитанники, поступающіе въ школу и вольные слушатели, должны быть исключительно изъ Киргизовъ и преимущественно изъ такихъ, родители которыхъ оказали услуги Русскому Правительству, или извѣстны по своей особенной къ нему преданности.

Общій приемъ въ школу питомцевъ дѣлается, съ согласія ихъ родителей, 22-го Августа, чрезъ каждые два года (разумѣется, послѣ перваго выпуска), по утвержденію Предсѣдателя Комиссіи; но, при открытіи вакансіи, и посреди учебнаго курса дозволяется помѣщать туда Киргизовъ немедленно.—Возрастъ для поступления въ школу полагается отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ; срокъ всему учению семь лѣтъ, изъ которыхъ питомцы проводятъ два года въ нижнемъ, два въ среднемъ и два въ верхнемъ классахъ.

Предметы ученія въ школѣ:

а) Русскій Языкъ. { Чтеніе, чистописаніе, теоретическое и практическое, изученіе грамматики, упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ съ одного языка на другой.

б) Татарскій Языкъ {
в) Ариметика вся, преимущественно съ усвоеніемъ питомцамъ знаній рѣшать задачи на практикѣ и считать на счетахъ.

г) Законъ Магометанскій: катихизисъ (иманъ-шартъ), седьмая часть Корана (афтіякъ) и толкованія на Коранъ.

д) Составленіе дѣловыхъ бумагъ на Русскомъ и Татарскомъ Языкахъ, и правило о порядкѣ производства слѣдствій.

е) Гимнастика, въ видѣ упражненія для пользы здоровья питомцевъ.

Седьмой годъ полагается на практическія занятія воспитанниковъ въ пройденныхъ въ школѣ предметахъ и особенно для навыка въ составленіи сложныхъ дѣловыхъ бумагъ и занисокъ изъ слѣдствій, и въ самомъ разсмотрѣніи послѣднихъ.

Ученіе классное идетъ до 1-го Мая; съ 1-го по 20-е повторяется пройденное воспитанниками въ теченіе учебнаго года; съ 25-го начинаются частныя испытанія и оканчиваются къ 10-му Іюня; съ 15-го Іюня по 15-е Августа питомцы увольняются на кочевку въ аулы ихъ родителей, а тѣ, которымъ ѣхать не къ кому, выводятся на нее по близости Оренбурга.

Публичныя испытанія въ школѣ положены только при выпускахъ оттуда питомцевъ, по окончаніи ими всего учебнаго курса.

Отличнѣйшимъ изъ воспитанниковъ, вышедшимъ изъ заведенія, Пограничная Комиссія ведетъ списокъ, и имѣетъ ихъ въ виду для преимущественнаго замѣщенія открывающихся вакансій по управленію въ ордѣ. Изъ этихъ же питомцевъ могутъ быть избираемы и засѣдатели отъ киргизскаго народа въ комиссію, когда, по выпускѣ изъ школы, прослужатъ въ ордѣ по крайней мѣрѣ пять лѣтъ при безукоризненномъ поведеніи.

Все это весьма не сложно, но за то хорошо принаровлено къ своей цѣли, которая, судя по нынѣшнимъ успѣхамъ воспитанниковъ, выполняется и на дѣлѣ какъ нельзя лучше. Миѣ сказали, что, при вступленіи въ школу обучающихся тамъ нынѣ Киргизятъ, ни одинъ изъ нихъ не зналъ по-русски ни слова, а теперь тѣ изъ нихъ, къ ко-

торымъ я обращался во время посѣщенія школы, понимали меня совершенно и отвѣчали на мои обыкновенные вопросы удовлетворительно; одинъ показалъ миѣ даже свой журналъ, гдѣ весьма отчетливо отмѣчено ежедневное состояніе погоды въ Оренбургѣ, за нѣсколько недѣль сряду по термометру Реомюра; другой написалъ на классной доскѣ по-русски, четкимъ и красивымъ шрифтомъ, безъ запинки и безъ ошибки званіе мое, имя и фамилію. Подобные успѣхи могли бы изумить меня, если бъ я не зналъ прежде, какъ вообще способны и перемчивы наши степняки.

И какіе славные мальчики эти воспитанники: опрятные, благообразные, самодовольные, они, по врожденной каждому Азіятцу степенности движеній, и теперь кажутся уже проглотившими всю человѣческую мудрость; какихъ же успѣховъ можно ожидать отъ нихъ послѣ?

Въ представляемой здѣсь группѣ, снятой мною съ натуры, вы видите предъ собою пятерыхъ изъ этихъ мудрецовъ.

Первый одѣтъ въ зимнюю парадную форму, которая состоитъ изъ суконнаго темнозеленаго кафтана черкесскаго покроя, съ красною прошивкою по воротнику и шелковымъ чернымъ шнуромъ по бортамъ; изъ нагрудника подъ кафтаномъ, краснаго сукна, съ вышивкою чернымъ шнуромъ, бѣлаго коленкороваго на шеѣ ворота, выпущеннаго изъ-подъ нагрудника на кафтанъ; суконнаго, по кафтану, кушака съ красными кантами; сѣрыхъ суконныхъ шараваръ; красной суконной же, съ бѣлковой опушкой, тюбетейки, выложенной по швамъ чернымъ шнуромъ и сапоговъ.

У втораго, что сидитъ на полу, та же форма, но классная, т. е. безъ кушака и, вмѣсто зимней тюбетейки, на головѣ комнатная бухарская феска изъ полшелковой матеріи.

Третій (особенный мастеръ на гимнастическія хитрости) сидитъ въ башлыкѣ изъ краснаго сукна, подбитомъ лисьимъ лапчатымъ мѣхомъ, и въ кафтанѣ изъ верблюжьяго сукна, выложенномъ по борту чернымъ плисомъ; то и другое надѣваютъ воспитанники, когда выходятъ въ зимнюю пору на открытый воздухъ.

Четвертый въ лѣтнемъ костюмѣ. Онъ такой же, какъ и зимній, только кафтанъ и кушакъ изъ желтой хивинской нанки (мялле); на нихъ, вмѣсто красныхъ кантовъ, обшивка изъ чернаго шнура; нагрудникъ нестрой полшелковой бухарской матеріи; шляпа китайская бѣлая войлочная; шаравары изъ сѣрой нанки.

Пятый въ формѣ кочевой, совершенно тождественной съ лѣтнею, съ тою разницею, что тутъ все сшито, изъ мялле: и кафтанъ, и кушакъ, и нагрудникъ, и шаравары.

Все это, по положенію, пригнато на киргизскій ладъ, т. е. очень просторно; но сидитъ на воспитанникахъ хорошо и щеголевато.

Въ верхнемъ ярусѣ гардероба, у каждаго изъ воспитанниковъ есть по двѣ пары всякой одежды, кромѣ той, которая на нихъ и которой тамъ, разумѣется, одна запасная пара; въ нижней части гардероба достаточный запасъ бѣлья. У каждаго въ карманѣ красный носовой платокъ. (Въ школѣ значитъ, ничего не забыто, до послѣдней бездѣлицы, потому что красное Киргизамъ всегда нравится.)

(Окончаніе впрѣдъ.)

(Окончаніе)

Петръ I не ограничился заселеніемъ одного С. Петербурга, но съ равною попечительностью трудился надъ укрѣпленіемъ и украшеніемъ острова Котлина, названнаго Кронштадомъ, гдѣ выстроены: батареи, гавани, выложенные камнемъ каналы, дворецъ, каменный гостиный дворъ и другія зданія (1719 г.); окрестности же Петербурга Петръ I предназначилъ для увеселительныхъ дворцовъ. Такъ, въ нынѣшнемъ Екатерингофѣ, онъ устроилъ лѣтній дворецъ, подаренный имъ Суругѣ Своей Екатерины I-й (1711 г.), сохранившійся и понынѣ; на рѣкѣ Стрѣлкѣ Стрѣленскую Мызу; въ Петергофѣ дворецъ съ садомъ, украшенный фонтанами и потомъ Монплеизиръ (*); сверхъ того, на Пулковской Горѣ, въ Царскомъ-Селѣ, въ Дубкахъ, близъ Лахты, и въ другихъ мѣстахъ. Меншиковъ тоже выстроилъ огромные дворцы: въ Ораніенбаумѣ и въ селѣ Ижорѣ, подаренныхъ ему Царемъ. Поцесари или Петровскій Островъ отведенъ былъ Царицѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Петръ I, желая, чтобы окрестности Петербурга скорѣе заселялись, еще въ 1709 г. раздалъ своимъ приближеннымъ многія населенныя земли и острова, образовавшіеся въ протокахъ Невы. Крестовскій или Ристисари достался Меншикову, который выстроилъ на немъ загородный домъ, и влолъ всего острова прорубилъ просѣку, доселѣ сохранившуюся; Мишинъ или Елагинъ, Вице-Канцлеру Шафирову, а Кивсари или Каменный, Канцлеру Графу Головкину.

Наконецъ, къ числу сооруженій, увѣковѣчившихъ память Петра I въ Петербургѣ, принадлежитъ проведеніе Ладожскаго Канала (1718 г.), который обезпечилъ снабженіе невской столицы продовольствіемъ, доставляемымъ изъ приволжскихъ губерній и тѣмъ открылъ богатствамъ половины Россіи безопасный путь на рынки Европы. Въ 1713 году Царь имѣлъ утѣшеніе видѣть возрожденіе нашей заграничной торговли; въ сей годъ пришло голландское торговое судно, второе отъ основанія С. Петербурга. Для обращенія же всей иностранной торговли въ С. Петербургъ, изданъ былъ указъ (14-го Сентября 1713 г.), чтобы впредь всѣ товары, слѣдовавшіе изъ Россіи къ отвозу за море, посылались вмѣсто Архангельска, какъ было прежде, въ Петербургъ.

Въ сжатомъ и краткомъ обзорѣ, который только и можемъ посвятить настоящему предмету, нельзя даже поименовать всѣхъ мѣръ и усилій, употребленныхъ Петромъ Великимъ, въ продолженіе безъ малаго четверти столѣтія, для осуществленія великой мысли — на краю древней вотчины Россіи, сто лѣтъ находившейся во власти Шведовъ, и силою оружія возвращенной Россіи послѣ многихъ битвъ,

(*). См. на рисунокѣ.

создать городъ, который былъ бы и опорнымъ ея пунктомъ со стороны Балтійскаго Моря, и служилъ бы посредникомъ между обширною имперією и Европою.

Протекло полтора ста лѣтъ отъ заложения перваго камня въ болото островка Енисари, и Петербургъ сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ цѣлаго свѣта, потому что выгоды, представляемыя его положеніемъ, притягиваютъ къ нему всю жизненность почти цѣлой Россіи, а отъ него, въ свою очередь, разливается по всему государству движущая и питающая его сила.

Каждое изъ послѣдующихъ царствованій оставляло въ С. Петербургѣ рядъ славныхъ памятниковъ зодчества. Императрица Екатерина II много способствовала украшенію столицы: повелѣла одѣть гранитомъ крѣпость и лѣвый берегъ Невы, расчистить Мойку, Фонтанку, ручей, названный Екатерининскимъ Каналомъ, и обложить ихъ гранитными набережными.

Но сооруженія послѣднихъ двадцати семи лѣтъ, превосходятъ числомъ, красотою и великолѣпіемъ не только все, дотолѣ воздвигавшееся въ Петербургѣ, но и зданія, возводимыя въ цѣлой Европѣ.

Въ заключеніе посвятимъ нѣсколько строкъ памятнику (*), воздвигнутому, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, виновнику бытія Петербурга.

Французскій скульпторъ Фальконетъ, по модели, одобренной Императрицею, приступилъ въ 1766 г. къ сооруженію монумента. Для подножія онаго отыскана была близъ Лахты глыба гранита, которая, по очисткѣ излишнихъ частей, вѣсила болѣе 75,000 пудовъ. Для доставки ея къ берегу была сдѣлана особая дорога и скалу везли 400 человекъ (въ 1770 г.), на мѣдныхъ саняхъ, подъ которыми въ желобахъ катились мѣдные шары. Глыбу поставили затѣмъ на плотъ, поднятый камелями, имѣвшій длины 25, ширины 10 и вышины 2½ сажени. По доставкѣ скалы на мѣсто, Фальконетъ значительно ее уменьшилъ. Конная статуя была отлита имъ изъ мѣди въ 1775 году, въ особомъ домѣ, построенномъ у подножія; мѣди употреблено 1,100 пудовъ. Все сооруженіе памятника стоило 429,610 рублей. По тогдашнему времени сумма огромная!

Открытіе памятника происходило 1-го Августа 1782 г., съ чрезвычайнымъ торжествомъ, въ присутствіи Императрицы. Въ память этого событія были розданы золотыя и серебряныя медали, уничтожены всѣ тяжбы, продолжавшіяся болѣе десяти лѣтъ, освобождены должники, содержащіеся пять лѣтъ и сложены казенныя взыскація, не превышавшія 500 рублей.

О. К.

(*). Изображенъ на рисунокѣ.

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 17-му Русскаго Художественнаго Листка, изображена «Школа Киргизскихъ Дѣтей въ Оренбургѣ», рисованная съ природы художникомъ А. Ф. Чернышевымъ: а) одежда воспитанниковъ: 1) парадная, зимняя; 2) лѣтняя; 3) зимніе кафтанъ и малахай; 4) лѣтняя кочевая одежда; 5) зимняя классная; б) спальня воспитанниковъ; в) больница; г) классная зала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иногогородныхъ* у издателя Василія Фёдоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ Эстампнѣвъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 29-го Мая 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОНЪ.

№ 18.

20-го ЮНЯ.

1855 года.

ВОРОНЕЖЪ.

Основаніе Воронежа донинѣ остается не разъясненнымъ вопросомъ для нашихъ историковъ. Ссылаясь на старыя граматы Воронежскаго Акатова Монастыря, полагають, что Воронежъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Хазарамъ. — Въ XIII вѣкѣ Воронежъ былъ свидѣтелемъ перваго неудачнаго сраженія рязанскихъ князей съ Батыемъ. Съ тѣхъ поръ окрестности Воронежа стали какъ бы кочевьемъ Монголовъ, и отсюда, на всю Россію до Москвы, устремлялись гибельные набѣги Татаръ, огнемъ и мечемъ опустошавшихъ наше отечество. Но, не щадя ни русскихъ сель, ни русскихъ городовъ, Татары щадили Воронежъ, вѣроятно потому, что главное его народонаселеніе состояло въ то время изъ ихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Мамай, кочуя въ его окрестностяхъ съ многочисленной ордой своей, также на нападалъ на него. Левый берегъ рѣки Воронежа до сихъ поръ называютъ *Ногайскою Степью*, а правый *Крымскою Стороною*. Въ 1604 году, Воронежъ покорился Лже-Димитрію, а въ 1613 году былъ разграбленъ казакомъ Заруцкимъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ посылалъ въ Воронежъ воеводъ своихъ, и приказывалъ имъ строить земляныя и деревянныя укрѣпленія для защиты съ этой стороны границъ государства отъ нашествія Крымцевъ, а это доказываетъ, что Воронежъ въ старину, по своему положенію, на самомъ опасномъ краю Россіи, долженъ былъ служить не только главной передовой защитой, но и представлялъ собою самый удобный пунктъ для политическихъ и торговыхъ сношеній съ племенами, населявшими въ то время нынѣшній юговостокъ нашего отечества. Вѣхость стѣнъ его и жалкій видъ послѣ пожара въ 1672 году, обратили на Воронежъ особенное вниманіе Царя Ѳедора Алексѣевича и побудили его, возобновивши городъ, окружить его новыми крѣпостными стѣнами. Конечно, стѣны эти были также деревянныя, срубленныя изъ дубоваго лѣса, съ терасами, съ четверугольными башнями по угламъ, съ проѣзжими и глухими воротами, надъ которыми устроены были караульныя вышки. По стѣнамъ въ два ряда стояли *катки*, а предъ каждой башней рогатки. Протяженіе всѣхъ стѣнъ съ башнями было 801 сажень; кромѣ того ровъ, съ трехъ сторонъ окружавшій городъ, и обоими оконечностями своими примыкавшій

къ рѣкѣ Воронежу, былъ глубиною въ три сажени и обнесенъ частоколомъ.» — Сверхъ того, въ самомъ городѣ былъ тайникъ, т. е. подземный ходъ, вышиною въ одну сажень съ четвертью, а длиною въ семьдесятъ сажень, который оканчивался подземнымъ колодцемъ. По окрестностямъ города, на разстояніи трехъ, пяти, семи и десяти верстъ по всѣмъ направленіямъ разбросаны были караульныя городки и башни. — Въ настоящее время отъ этихъ деревянныхъ укрѣпленій не осталось почти ни какого слѣда, и изображенный видъ нынѣшняго Воронежа ни сколько не похожъ на городъ, окруженный деревянными бойницами.

Въ жизни Петра Великаго лежитъ печать всѣхъ настоящихъ и грядущихъ судебъ Россіи, стало быть, городъ, на который умъ его обратилъ свое особенное вниманіе, не могъ не процвѣсти. — Великій Государь, еще не имѣя въ виду основанія С. Петербурга, хотѣлъ придать значеніе Воронежу, замѣтивъ въ 1694 году, что рѣка Воронежъ способна къ судоходству: Его зная мысль создать здѣсь флотилію для покоренія Азова—и вотъ, заложилъ Онъ въ Воронежѣ корабельную верфь, прислалъ корабельныхъ мастеровъ и плотниковъ. Такое распоряженіе Великаго Государя принесло плоды свои: Азовъ былъ взятъ, при помощи новосозданнаго воронежскаго флота. Воронежъ поступилъ въ число двадцати пяти городовъ тогдашней Азовской Губерніи. Въ 1699 году Петръ прибылъ въ Воронежъ, заложилъ собственными руками корабль, и назначилъ полномочнаго посла въ Константинополь, думнаго дьяка Украинцева, котораго сопровождали четыре галеры, двадцать галіотовъ, десять бригантинъ, одна яхта, четыре чайки, два рыбацья судна и 500 построенныхъ въ Воронежѣ плоскодонныхъ струговъ, съ провіантомъ и военною аммуниціей. Петръ Великій провелъ всю зиму въ Воронежѣ. Пребываніе Государя не могло не оказать своего вліянія на приращеніе жителей, на устройство Воронежа и на его благосостояніе. Множество знатныхъ господъ изъ Москвы и изъ другихъ городовъ съѣхались въ Воронежъ; городъ украсился царскимъ дворцомъ и домами Князя Меншикова, Адмирала Апраксина и многихъ другихъ вельможъ, также зданіями для литейнаго завода, для флота и артиллеріи. Понадобились канатные и смоляные дворы и разнаго рода фабрики — и вотъ по берегамъ рѣки Воронежа появилось новое населеніе, цѣлая колонія мастеровыхъ, Нѣмцевъ, Голландцевъ, Англичанъ и Ита-

лянецъ. Изъ общей суммы, собираемой въ государствѣ на адмиралтейство и флотъ, и простиравшейся до 434,000 руб., поступило на воронежскія заведенія до 190,000 руб.

Въ 1708 году, Петръ I пріѣзжалъ въ Воронежъ на погребеніе перваго Воронежскаго Епископа Митрофана, и самъ шелъ за его гробомъ. Трудно себѣ представить, какая будущность ожидала бы этотъ городъ, если бъ новыя войны на сѣверѣ, новыя неслыханныя побѣды, и новыя виды на Балтійскомъ Море не заставили Петра I обратить все свое вниманіе на устройство Балтійскаго Флота. Это и заставило его въ 1712 г. вызвать изъ Воронежа двѣ трети корабельныхъ мастеровъ и рабочихъ людей, которыхъ ожидала болѣе обширная дѣятельность въ новой столицѣ, на берегахъ Невы.

Въ настоящее время Воронежъ, прославленный открытіемъ мощей Святителя Митрофана и чудесами, которыми знаменовалась святость угодника Божія — сталъ однимъ изъ красивѣйшихъ губернскихъ городовъ въ Россіи. Число жителей въ немъ въ послѣдніе годы возрасло до 50,000, тогда какъ за тридцать лѣтъ предъ симъ, въ 1823 году, полагалось въ немъ 21,847 человекъ обою пола. Въ томъ же почти размѣрѣ увеличилось въ немъ число частныхъ и общественныхъ зданій. Живописное мѣстоположеніе много способствуетъ украшенію Воронежа. Онъ расположенъ на неровныхъ возвышеніяхъ, которыя крутымъ обрывомъ спускаются къ рѣкѣ; эта рѣка весной разливается на далекое пространство, и нерѣдко затопляетъ низменныя предмѣстья города, подобно тому какъ въ Москвѣ и въ другихъ русскихъ городахъ. Въ Воронежѣ множество кривыхъ и довольно тѣсныхъ улицъ, не всегда удобныхъ для проѣзда большихъ экипажей, потому что идутъ съ горы на гору; не только церкви и монастыри, но и дома нѣкоторыхъ истыхъ воронежскихъ обывателей носятъ на себѣ отпечатокъ другаго, болѣе патриархальнаго времени; послѣдніе напоминаютъ собою терема и тѣ палаты, которыхъ окошечки съ желѣзными ставнями до сихъ поръ можно видѣть во многихъ старинныхъ зданіяхъ. За то другая часть города, удаленная отъ рѣки, выстроена по плану, и съ своими прямыми, широкими улицами, съ трехъ-этажными каменными домами, съ выѣсками магазиновъ, гостиницъ и кондитерскихъ, съ просторными тротуарами и превосходной мостовой — представляетъ видъ совершенно новаго современнаго европейскаго города, и заѣзжій, въ первый разъ съ удовольствіемъ выходя на балконъ гостиницы, посмотрѣть на Воронежъ, навѣрно скажетъ: славный городъ!

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургъ: для иногороднихъ у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для городскихъ въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Бабунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ); въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 3-го Іюня 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

Значительное число пріѣзжихъ и проѣзжающихъ имѣетъ благотворное вліяніе на благосостояніе города. Торговля довольно оживлена. Жизнь недорогая, и чело-вѣкъ, избалованный отличнымъ комфортомъ, не безъ удивленія найдетъ въ Воронежѣ множество удобствъ, совершенно непредвидимыхъ. Такъ, напримѣръ, гдѣ найдете вы недорогую гостиницу съ превосходно устроенными ваннами?

Въ Воронежѣ бываютъ три ярмарки, Никольская съ 9-го до 11-го Мая, десятая съ 7-го по 9-е Іюня, и третья въ концѣ Августа; лавокъ считается въ городѣ около 400, за исключеніемъ трактировъ, погребовъ, питейныхъ домовъ и харчевенъ; фабрикъ и заводовъ 24. Самая замѣчательная фабрика суконная, принадлежитъ Г. Тулинову, и существуетъ со времени Петра Великаго.

Общественная жизнь въ Воронежѣ ничѣмъ почти не отличается отъ жизни другихъ губернскихъ городовъ, а инымъ даже уступаетъ въ этомъ отношеніи. Въ Воронежѣ есть клубъ, благородное собраніе, театръ, и даются иногда концерты заѣзжими артистами.

Воронежъ, расположенный на рубежѣ холодныхъ странъ съ умѣренными, соединяетъ въ себѣ ихъ выгоды и невыгоды. Лѣтомъ жаръ доходитъ до + 28° по Р., такъ что виноградъ цвѣтетъ, а слива созрѣваетъ на открытомъ воздухѣ, за то зимой термометръ опускается нерѣдко до — 30°. Зима начинается поздно, почти въ Декабрѣ мѣсяцѣ, и окончивается въ концѣ Марта.

Не вдаваясь ни въ какія статистическія цифры, перейдемъ (въ заключеніе статьи нашей) къ воспоминанію о томъ поэтѣ, пѣсни котораго знаетъ почти вся Россія: нашъ незабвенный Кольцовъ родился и умеръ въ Воронежѣ. Когда будете проѣзжать этотъ городъ, разспросите гдѣ его могила, и отправьтесь, ради прогулки, поклониться покойнику; если безграмотная надпись на его памятникѣ заставитъ улыбнуться васъ, вспомните одну изъ его грустныхъ мелодическихъ пѣсень, и знайте, что въ устахъ вашихъ стихи поэта есть лучшій для него памятникъ. — 0. —

На рисунокъ, приложенномъ къ № 18-му Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ «видъ губернскаго города Воронежа, съ западной стороны, рисованный съ натуры В. Тиммомъ въ Маѣ 1849 года.»

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ФЕДОТОВЪ.

Въ лицѣ Федотова, искусство въ Россіи потеряло одного изъ самобытныхъ дѣятелей, подававшихъ отрадные надежды. Всю жизнь его можно раздѣлить на двѣ эпохи, изъ которыхъ первая представляетъ собою безсознательное, но тѣмъ не менѣе пламенное и неутомимое стремленіе стать художникомъ, а вторая, когда сознавъ свое призваніе, онъ становится въ ряду благороднѣйшихъ сподвижниковъ на чисто художественномъ поприщѣ — когда замѣчательный талантъ и неутомимые труды выдвигаютъ его изъ неизвѣстности и общають завидную славу. Не много картинъ оставилъ по себѣ Федотовъ; но Академія и публика цѣнятъ таланты не по количеству произведеній. Предчувствовали, что Федотовъ, пролагая новые пути въ искусствѣ, со временемъ, станетъ въ числѣ истинно русской школы — увы! Неожиданная смерть обманула наши ожиданія..... Брюлловъ не подражаемъ какъ явленіе исключительное, по громадности своего всесторонняго генія, Федотовъ, напротивъ, отмежевавъ себѣ одну опредѣленную область въ искусствѣ, могъ бы породить много учениковъ и подражателей, потому что направленіе, имъ данное, чуждое идеаловъ, беретъ свое начало прямо изъ жизни народа, а жизнь такого народа, какъ русскій, не можетъ быть скоро исчерпана. По илеямъ своимъ, Федотовъ былъ бы не ниже Гогарта, по выполнению не уступилъ бы Тениеру. Поздно начатое развитіе долго дремавшихъ богатырскихъ силъ, и, въ добавокъ, постоянная умственная дѣятельность и усидчивый трудъ, потрясли умъ нашего незабвеннаго Павла Андреевича и свели его въ могилу, въ пору мужества, на тридцать седьмомъ году отъ рожденія: Федотовъ скончался 14-го Ноября 1852 года. Родился онъ въ Москвѣ отъ небогатыхъ родителей, и все дѣтство свое провелъ въ семьѣ своей, въ бѣдномъ домикѣ, въ одномъ изъ тѣхъ отдаленныхъ закоулковъ Москвы, которые до сихъ поръ еще сохраняютъ сельскій колоритъ. Ребенокъ, необыкновенный по своимъ способностямъ, еще не бравши, быть можетъ, карандаша въ руки, уже находилъ наслажденіе наблюдать все, что происходило около его и запоминать лица, фигуры и положеніе. «Я всякій день, говорилъ Федотовъ, видалъ десятки народа самого разнохарактернаго; представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу и у тетюшекъ, и у кумы отца, и у приходскаго священника, и около сѣнника, и на сосѣднихъ дворахъ. Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляетъ, если позво-

лено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія.»

Въ 1826 году, почти безъ всякаго предварительнаго образованія, Федотовъ десяти лѣтъ поступилъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ, гдѣ своими успѣхами обратилъ на себя вниманіе какъ начальства, такъ и товарищей, и на выпускѣ оказался первымъ ученикомъ. Имя его изображено на мраморной доскѣ въ одной изъ залъ корпуса. Со страстью къ ученію, желаніе рисовать рано заставило его приняться за карандашъ, и, въ первые годы своего воспитанія, онъ дошелъ до возможности снимать весьма схожіе портреты своихъ учителей и товарищей.

Осьмнадцати лѣтъ, онъ былъ выпущенъ изъ корпуса Лейбъ-Гвардіи въ Финляндскій Полкъ прапорщикомъ. Веселый характеръ Федотова, его добродушіе и умѣнье сходиться со всѣми, не смотря ни на разность лѣтъ, ни на сходство характеровъ, пріобрѣли въ полку всеобщую къ нему любовь какъ начальниковъ, такъ и товарищей.

Будучи офицеромъ, Федотовъ въ свободное отъ службы время, по вечерамъ, ходилъ въ Академію чертить и рисовать, искалъ знакомства съ художниками, и часто бывалъ въ Эрмитажѣ, откуда возвращался въ какомъ-то восторженномъ настроеніи духа. Масляными красками писать онъ еще не пытался, но портреты его отличались разительнымъ сходствомъ. Такъ напримѣръ, продавцы картинъ и эстамповъ выпрашивали у Федотова какъ можно болѣе экземпляровъ имъ рисованнаго портрета въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Михаила Павловича, считая его лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ, у нихъ продававшихся. Федотовъ въ это время жилъ въ казармахъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго Полка.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ, облегченный отъ тяжкой болѣзни (*), возвратился тогда изъ-за границы, и обходилъ лагерь своихъ любимцевъ-гвардейцевъ, по-отечески. Нестройными, но живописными группами тѣснились около Его Высочества гвардейцы, лѣзли на пирамиды, на плеча товарищей, чтобъ увидѣть въ лицѣ своего Отца-Командира. Сюжетъ для картины былъ прекрасный. Онъ задѣлъ за живое еще неопытнаго художника, и Федотовъ съ терпѣніемъ выполнилъ его въ живыхъ лицахъ. Трудъ удостоенъ былъ принятія Виновникомъ торжества и доставилъ художнику брилліантовый перстень. Этотъ перстень впервые польстил самолюбію художника и поощрилъ его къ упражненіямъ.

На досугѣ, въ свободные часы отъ службы, онъ затѣялъ другую картину въ лицахъ, а именно: *Освященіе знаменъ въ*

(*). См. № 5-й Москвитянина 1853 года.

обновленною Дворцъ. Но вотъ назначается смотръ; Великій Князь остался доволенъ, хотя не всѣми; Оедотову удалось однако же попасть въ число заслужившихъ Его высочайшее благоволеніе, и наравнѣ съ другими имѣть счастье получить увѣреніе, что, въ случаѣ нужды, *дверь Великаго Князя не будетъ заперта ни для кого изъ нихъ*. Оедотовъ на другой же день отправляется къ своему начальнику, Генераль-Адъютанту Веймарну, съ начатою картиной, и, ради ея, проситъ исходатайствовать ему что нибудь на рисовальныя удобства.

Великій Князь удостоилъ трудъ Оедотова представить Государю Императору, и Его Императорскому Величеству благоугодно былорѣшить милостивымъ указомъ: *удостоивъ вниманія рисующаго офицера—предоставить ему добровольное право оставить службу, и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по сту руб. ассигн. въ мѣсяцъ, и потребовать отъ него письменнаго на это отвѣта*. Оедотовъ боялся быть недостойнымъ такой милости, и, не испытавши еще силъ своихъ, просилъ отсрочки на годъ или на полтора для испытанія себя на новомъ поприщѣ.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ пожелалъ имѣть работы Оедотова, нѣсколько бивуачныхъ сценъ изъ командуемой Его Высочествомъ дивизіи, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Оедотовъ выполнилъ картину акварелью: бивуакъ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго Полка въ лицахъ, а потомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго: обѣ удостоились похвалы Его Высочества, щедрой награды, и благосклоннаго отвѣта на предложеніе: можетъ ли онъ воспользоваться обѣщанною Монаршею милостію. Получивъ разрѣшеніе, Оедотовъ вышелъ въ отставку въ Январѣ 1844 года, ровно чрезъ десять лѣтъ службы.

Оедотовъ исключительно хотѣлъ посвятить себя батальной живописи, и уже съ этою цѣлью принялся изучать лошадей — но страсть его къ нравственно-сатирическимъ сценамъ, пребывавшая въ немъ прежде, развилась вполнѣ, въ особенности послѣ знакомства и благословенія на дѣло народнаго правописателя, баснописца нашего Ивана Андреевича Крылова.

У Оедотова стали уже появляться болѣе сложные эскизы, и года чрезъ три послѣ этихъ этюдныхъ работъ, начались опыты писанія въ миниатюрѣ масляными красками. Вотъ какъ поздно началъ, и какъ осторожно, какъ осмотрительно, двигался впередъ нашъ художникъ. Наконецъ наступило время, пролившее столько радостей на послѣдніе годы его жизни — похвалы Брюллова давали ему уже полную вѣру въ свое призваніе; оставался главный шагъ, встрѣча съ публикой. Три первые его картины: *Сватовство*, *Послѣдствія пирушки*, и *Женихъ* появились на выставкѣ въ 1848 году — и имя Оедотова загремѣло по городу.

Извѣстность, предвѣстница громкой славы, радовала, но не ослѣпила, и не посадила на отдыхъ неутомимо-дѣлательнаго Павла Андреевича. Для него не было ни одного пустаго, бесполезнаго дня; самыя прогулки его были съ цѣлью изучать нравы, подсматривать природу. Отъ нея онъ не отступалъ ни на шагъ; малѣйшая подробность занимала его и нерѣдко за отдѣлкой какой нибудь вещицы онъ просиживалъ цѣлыя дни. Вотъ тому примѣръ. При

отдѣлкѣ своей картины, *Женихъ*, Оедотову прежде всего понадобился образецъ комнаты, приличный сюжету картины. Съ этимъ предлогомъ онъ знакомился, входилъ во многіе купеческіе дома, придумывалъ и высматривалъ. Разъ, проходя мимо какого-то русскаго трактира, художникъ замѣтилъ сквозь окна люстру съ закопченными стеклами, тотчасъ же зашелъ въ гостиницу, и съ неописаннымъ удовольствіемъ нашелъ то, чего искалъ долго. Вслѣдъ за этимъ понадобились другія подробности: нужно было отыскать купца, застегивающаго кафтанъ, жену его, невѣсту, прислугу, кисейное платье, и многія другія мелочи, необходимыя для его картины. Оедотовъ ходилъ по рынкамъ, высматривалъ старухъ и сидѣльцевъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, и угощалъ чаемъ.

Въ этомъ случаѣ Оедотовъ могъ служить лучшимъ примѣромъ для молодыхъ художниковъ, и подробности его артистической жизни, мы увѣрены, не останутся безъ вліянія.

Для кого любопытны нѣкоторыя изъ этихъ подробностей, тотъ пусть обратится къ № 2-му Современника нынѣшняго 1853 г., гдѣ помѣщена превосходная статья А. В. Дружинина: *Воспоминаніе о русскомъ художникѣ П. А. Оедотовѣ*. Эта статья какъ нельзя лучше знакомитъ съ замѣчательнымъ художникомъ, а потому заключимъ нашъ очеркъ слѣдующими строками изъ разсказа Дружинина.

Исторія послѣднихъ дней Павла Андреевича слишкомъ тягостна и слишкомъ свѣжа для того, чтобъ о ней распространяться. Довольно будетъ сказать, что Оедотовъ, пораженный болѣзнію, помрачившею его свѣтлый разумъ, нѣсколько дней ходилъ по Петербургу и его окрестностямъ, и успѣлъ разбросать все деньги, полученныя имъ за одну изъ своихъ копій и другую сумму, взятую изъ числа слѣдовавшаго ему Высочайшаго пособія, для пересылки къ роднымъ. Только по прошествіи нѣкотораго времени результатъ болѣзни былъ узнавъ друзьями покойнаго; леченіе началось сперва въ столицѣ, потомъ за городомъ, въ Больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, что по Петергофской Дорогѣ. Его могучій организмъ и пламенная фантазія оказались въ этомъ случаѣ гибелью. Онъ не имѣлъ минуты успокоенія, часа сна, тихихъ и отрадныхъ наслажденій. Онъ не поддавался педугу, не разставался съ частью своей необыкновенной памяти, узнавалъ посѣтителей, осведомлялся объ отсутствующихъ друзьяхъ, чертилъ рисунки на стѣнахъ своей комнаты, видѣлъ предъ собою чудовищныя сцены и образы. Изрѣдка въ его грѣзахъ выказывалась прежняя прекрасная душа: иногда Оедотовъ воображалъ себя богачемъ, и скликалъ тогда вокругъ себя любимыхъ особъ. Вѣрный Коршуновъ, добрый слуга, своею преданностью напоминавшій валтеръ-скоттова Калеба, не покидалъ своего барина ни на одинъ день..... Въ началѣ прошлаго Ноября Оедотовъ вдругъ пересталъ страдать и пришелъ въ себя — то былъ признакъ близкой кончины. Водяная болѣзнь развивалась въ немъ; медики потеряли надежду. Большой пріобшился Святыхъ Таинъ, прочиталъ письмо, полученное отъ старика отца, обнялъ Коршунова, и плакалъ долго, долго.....

Павелъ Андреевичъ умеръ 14-го Ноября и похороненъ 18-го, на Смоленскомъ Кладбищѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы знаменитой артистки Русскаго Театра В. Н. Асенковой.

Въ лицѣ Фелотова бѣдное семейство его потеряло единственную свою опору. Послѣ Павла Андреевича остались: 1) отецъ, Андрей Илларионовичъ Фелотовъ, Титулярный Совѣтникъ, 83-хъ лѣтъ—получаетъ небольшую пенсію, живетъ въ городѣ Ростовѣ, Ярославской Губерніи. 2) Сестра, Любовь Андреевна Вишневецкая, вдова, находится въ городѣ Ростовѣ, надзирательницею женскаго заведенія; при ней дѣти, сынъ шести лѣтъ и дочь трехъ лѣтъ. 3) Старшая сестра, которая живетъ въ домѣ отца.

Послѣ Фелотова остались слѣдующіе картины и эскизы:

1) Женитьба маіора; 2) Художникъ; 3) Опасное положеніе бѣдной, но красивой дѣвушки; 4) Утро послѣ пирушки; 5) Разборчивая невѣста; 6) Смерть Фидельки (эскизъ); 7) Слѣдствіе смерти Фидельки (эскизъ); 8) Первое утро обманутаго молодого (эскизъ); 9) Житье на чужой счетъ (эскизъ); 10) Магазинъ (эскизъ); 11) Вдовушка—послѣдняя и лучшая картина. О.

ВЪ ПОРТРЕТУ П. В. КЛОДТА.

Въ настоящемъ номерѣ Русскаго Художественнаго Листка помѣщенъ портретъ Профессора Скульптуры Императорской Академіи Художествъ Барона Петра Карловича Клодта фонъ-Юргенсбурга, и мастерская извѣстнаго нашего ваятеля.

Кому не извѣстны знаменитые кони Барона Клодта, поставленные въ одной изъ лучшихъ улицъ нашей сѣверной столицы, на Невскомъ Проспектѣ, на Аничковомъ Мосту? Эти кони развезли извѣстность Петра Карловича Клодта, отъ С. Петербурга до Неаполя, и доказали художественному міру, до какой степени развились изящныя искусства въ Россіи въ теченіе послѣднихъ двадцати осьми лѣтъ. Первые кони Барона Клодта отлиты имъ были въ 1840 году; три года спустя, пара коней отправлена была въ Берлинъ, и нашъ ваятель пожалованъ былъ Королемъ Прусскимъ орденомъ Краснаго Орла, а чрезъ четыре года, т. е. въ 1847 году, кони Барона Клодта перевезены были въ Неаполь, и Король Неаполитанскій удостоилъ художника орденомъ Св. Фердинанда (въ 1848 году). Послѣдніе кони поставлены были въ С. Петербургѣ на Аничковомъ Мосту въ 1849 году, и составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній нашей столицы.

Баронъ Петръ Карловичъ Клодтъ родился въ С. Петербургѣ, 5-го Мая 1805 года, воспитывался сначала въ этомъ городѣ, а потомъ въ Омскѣ, гдѣ отецъ его состоялъ на службѣ, и въ 1822 году поступилъ въ Артиллерійское Училище. Съ ранней молодости обнаружилась въ Петрѣ Карловичѣ страсть и влеченіе къ изящнымъ искусствамъ (семейный талантъ всѣхъ членовъ его фамиліи): онъ вышелъ изъ военной службы въ 1828 году, ревностно занялся своимъ любимымъ предметомъ, и въ 1837 году сдѣланъ былъ академикомъ, а въ слѣдующемъ году профессоромъ и поступилъ въ Академію.

Нынѣ Баронъ Клодтъ трудится надъ памятникомъ нашему знаменитому баснописцу Ивану Андреевичу Крылову,

котораго портретъ по сему случаю также помѣщается въ Листкѣ. Памятникъ близокъ къ окончанію, и въ скоромъ времени украситъ собою Лѣтній Садъ. Баронъ Клодтъ изображенъ въ своей мастерской занятымъ лѣпленіемъ барельефа, изображающаго сцены изъ басней дѣдушки-Крылова. Какъ видно, группы на барельефахъ состоятъ изъ животныхъ. Барельефовъ будетъ четыре, съ каждой стороны по одному, и они представляютъ такія мастерскія произведенія, что когда будутъ совершенно готовы, Художественный Листокъ не преминетъ довести ихъ до свѣдѣнія своихъ читателей. Для изображенія же животныхъ изъ басенъ Крылова, Баронъ Клодтъ запасся всѣми главными ихъ представителями: медвѣдемъ, обезьяною, волкомъ, лисицею, овцею, и проч., которыя изображены въ его мастерской, гдѣ они постоянно жили. Какъ составленіе памятника такъ и его отливка исполнены Барономъ Петромъ Карловичемъ. Нынѣ отливка окончена и приступлено къ чеканкѣ.

Во время занятія этимъ монументомъ, Баронъ Клодтъ отлилъ два памятника: Императрицѣ Екатерины Великой, для колонистовъ въ Саратовскую Губернію, по извѣстной статуѣ, украшающей Конференцъ-Залу Академіи Художествъ, и донскому герою, Атаману Платову, по модели Академика Токарева, для города Новочеркасска. Сверхъ того нашъ ваятель составилъ и отлилъ колоссальный памятникъ Св. Равноапостольному Князю Владиміру, который уже оконченъ и отправленъ для постановки въ Кіевъ.

Надѣмся еще разъ поговорить, и притомъ подробнѣе, о трудахъ Барона Клодта, когда, по окончаніи памятника Крылову, напомнимъ вновь нашимъ читателямъ и о знаменитомъ баснописцѣ и о столь же извѣстномъ ваятелѣ, на которыхъ Россія съ гордостью можетъ указать Европѣ, какъ на достойныхъ сыновъ своихъ. — овъ.

ШКОЛА ДЛЯ КИРГИЗСКИХЪ ДѢТЕЙ, ВЪ ОРЕНБУРГѢ (*).

(Окончаніе)

Школа содержится на счетъ покибиточнаго съ Киргизовъ Малой Орды сбора, и, по штату 14-го Іюня 1844 года, на содержаніе этого заведенія назначено въ годъ:

Жалованья:

Надзирателю	400 руб.
Учителю Русскаго Языка, чистописанія и арифметики	250 »
Учителю Татарскаго Языка	200 »
Законоучителю магометанскаго исповѣданія	100 »
Двумъ отставнымъ унтеръ-офицерамъ для просмотра за воспитанниками, по 80 р. каждому	160 »
На пищу тридцати воспитанникамъ, по 36 р.	1,080 »
Имъ же на одежду, по 25 р.	750 »
На отопленіе и освѣщеніе школы, ремонтъ зданій и принадлежности, наемъ прислуги и прочіе расходы	1000 »

Всего 3,940.

(*). См. № 17-й Р. Х. Л.

Теперь въ школѣ на лицо: надзиратель 1; учитель Русскаго Языка, чистописанія и ариѳметики 1; учитель Татарскаго Языка 1; учитель гимнастики 1; законоучитель магометанскій 1; отставныхъ унтеръ-офицеровъ 2; воспитанниковъ 30.

Прислуги: кастелянша 1; буфетчикъ и гардеробщикъ 1; ламповщикъ 1; уборщикъ комнатъ 1; поварь 1; хлѣбопекарша 1; прачекъ 2; дворникъ 1; конюхъ 1; больничныхъ служителей 2.

Сверхъ того, при воспитанникахъ, въ родѣ дядьки, состоитъ одинъ изъ разсылныхъ при Пограничной Комиссiи Киргизовъ, человекъ почтенный, къ которому питомцы весьма привязаны.

Воспитанники въ школѣ встаютъ въ семь часовъ утра; въ восемь завтракаютъ; отъ девяти до одиннадцати учатся въ классахъ; въ двѣнадцать часовъ обѣдаютъ; послѣ обѣда опять въ классахъ отъ двухъ до четырехъ часовъ; ужинаютъ въ восемь; ложатся спать въ девять часовъ вечера. Для каждаго изъ трехъ послѣднихъ классовъ, которыхъ пока еще нѣтъ, предназначено по два часа въ сутки для занятій, подъ наблюдениемъ надзирателя школы, повтореніями и приготовленіями уроковъ.

На завтракъ питомцамъ даютъ ширъ-чай, или, такъ называемый, калмыцкій чай (кирпичный чай, сваренный съ молокомъ, коровьимъ масломъ и частичкою соли); распisanіе блюдъ за обѣдомъ и ужиномъ воспитанниковъ передъ вами; блюда эти, конечно, не много не сходятся съ нашей обыкновенной кухней; но они, по положенію, примѣнены къ прежнимъ привычкамъ питомцевъ.

Расписаніе блюдъ для стола воспитанниковъ школы:

Дни	За обѣдомъ.	За ужиномъ.
Воскресенье.	Лаша съ крутомъ. Бишбармакъ (куллама). Жаркое изъ баранины съ картофелемъ.	Горячее съ бараниной и крутомъ.
Понедѣльникъ.	Супъ изъ полбенной крупы съ бараниной и крутомъ. Просяная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	
Вторникъ.	Лаша съ бараниной и крутомъ. Полбенная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	
Среда.	Лаша съ крутомъ. Бишбармакъ (куллама). Жаркое изъ баранины.	
Четвертокъ.	Просяной супъ съ бараниной, картофелемъ и крутомъ. Полбенная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	
Пятница.	Лаша съ крутомъ. Пловъ съ бараниной. Жаркое изъ баранины.	
Суббота.	Супъ изъ полбенной крупы съ бараниной и крутомъ. Просяная каша съ масломъ. Жаркое изъ баранины.	

На этомъ же основаніи въ школѣ не бываетъ классовъ по Пятицамъ, чтимымъ магометанами; за то преподается Татарскій Языкъ и Магометанскій Законъ по воскреснымъ днямъ. Въ табельные дни питомцамъ, какъ и вездѣ, гулянка; также и въ большіе магометанскіе праздники, въ которые, какъ и по Пятицамъ, воспитанники ходятъ въ мечеть — молиться Богу.

По Четверткамъ воспитанниковъ водятъ въ баню.

Степная жизнь постоянно тянетъ Киргиза на воздухъ; такъ, говорятъ, и здѣсь, чуть изъ класса, воспитанники или бѣгаютъ по двору, или ходятъ, подъ надзоромъ дежурнаго унтеръ-офицера, на прогулку, зимою по городу, а лѣтомъ за городъ, или въ подгородную рощу; весною, какъ только установится хорошая погода, выводятъ воспитанниковъ на недѣлю, или дней на десять въ поле кочевать: тамъ раскидываютъ, нарочно, для кочевки заготовленные киргизскія кибитки, что видимо радуетъ дѣтей; на забаву и въ удовольствіе имъ двѣ, три кибитки стоятъ и во дворѣ школы до глубокой осени.

Вообще, житію этихъ дѣтей, не хотя, позавидуешь; но иначе и нельзя: исключая того что какъ ихъ, такъ и родителей ихъ радуетъ порядочное платье, сытная пища и отличное по всемъ частямъ содержаніе, которыя получаютъ въ школѣ воспитанники, теперь, когда они побывали уже на ваканціяхъ, у своихъ родственниковъ, послѣдніе, говорятъ, убѣдились и нравственно въ благотворномъ вліяніи школы на ихъ дѣтей до того, что постарались возвратитъ изъ дому еще до истеченія срока ваканціямъ, изъ боязни выключки за неявку сюда во-время, да и сами мальчуганы не слишкомъ заживаются дома. При открытіи же вакансіи, отъ желающихъ занять ея нѣтъ отбоя.

Вотъ все, что могъ я узнать объ этомъ новомъ, по, еще повторяю, прекрасномъ заведеніи, которое, чрезъ посредство своихъ питомцевъ, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть благотворное вліяніе на смягченіе дикихъ нравовъ злѣшнихъ степныхъ обитателей, просвѣтитъ ихъ грубую природу и заставитъ благословлять державу русскую, ихъ усыновившую.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 19-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) портретъ Ивана Андреевича Крылова, скончавшагося 9-го Ноября 1844 года, въ С. Петербургѣ, снятый съ портрета, рисованнаго съ натуры К. П. Брюлловымъ; 2) портретъ Академика Императорской Академіи Художествъ Павла Андреевича Федотова, скончавшагося 14-го Ноября 1852 года (съ рисунка художника Бейдемана); 3) портретъ Профессора Скульптуры Барона Петра Карловича Клодта фонъ-Юргенсбурга (съ дагеротипа С. А. Левицкаго); 4) мастерская Барона П. К. Клодта (художникъ изображенъ за работою надъ памятникомъ И. А. Крылову), на Литейномъ Дворѣ Императорской Академіи Художествъ, рисованная съ натуры В. Тиммомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ нумера 9 руб. сер., за ПЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для иногороднихъ у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Лиціи, въ домъ Варпека; для городскихъ въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 10-го Юня 1853 года. Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОНЪ.

№ 20.

10-го ЮЛЯ.

1853 года.

КАМЕННЫЙ ОСТРОВЪ.

С. Петербургъ не даромъ называютъ сѣвѣрной Венеціей: онъ, можно сказать, потонулъ въ водѣ: весь изрѣзанъ каналами, выстроенъ на островахъ. У насъ есть свои гондолы — ялики, свои гондоліеры — въ цвѣтныхъ рубашкахъ, бываютъ ежегодно регатты, т. е. гонки яликовъ, какъ бывали регатты въ Венеціи. Правда, сѣверное небо и близкое сосѣдство съ полюсомъ (сравнительно съ Венеціею) не позволяютъ долго наслаждаться выгодами этого положенія, и мѣшаютъ прогулкамъ и сообщеніямъ по водѣ, тѣмъ не менѣе, лѣтомъ, наши каналы, въ особенности же красавица Нева съ своими рукавами, бываютъ очень оживлены. Сотни иностранныхъ судовъ съ разноцвѣтными флагами, приплывшихъ изъ всѣхъ странъ міра, приходятъ въ самое средоточіе Петербурга, до биржи и таможеннаго зданія; десятки пароходовъ, содержащихъ сообщеніе съ Петербургомъ, Кронштадтомъ, Выборгомъ, Гельсингфорсомъ, Остзейскимъ Краемъ и нѣсколькими иностранными портами, ежеминутно бороздятъ струи нашей величественной рѣки. Съ другой стороны, дачная жизнь также не мало способствуетъ къ развитію судоходной дѣятельности на Невѣ. На нѣкоторыхъ островахъ живетъ лѣтомъ цвѣтъ нашей высшей публики, на другихъ сосредоточиваются лѣтнія увеселенія остающихся на лѣто въ городѣ, и потому ялики и легкіе невскіе пароходы, учрежденные за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и похожіе съ виду на венеціанскія гондолы, то и дѣло плаваютъ по Невѣ.

Вотъ названія невскихъ острововъ, которыя мы выписываемъ изъ недавно вышедшей книги Н. И. Цылова: «Планы С. Петербурга въ 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ плановъ тринадцати частей столицы, изданные въ 1853 году, въ воспоминаніе перваго основанія С. Петербурга, 16-го Мая 1703 года, и совершившагося полу-

торастолѣтія существованія города.» Мы выписываемъ только тѣ острова, которые находятся въ чертѣ города.

Березовый, нынѣ Петербургскій; Дикій или Елевый, нынѣ Аптекарскій; Киви-саари (саари, по-Фински, островъ), нынѣ Каменный; Мистула-саари, нынѣ Елагинъ; Крестовый, нынѣ Крестовскій; Столбовой, нынѣ Петровскій; Заячій, гдѣ нынѣ крѣпость; Лосій, нынѣ Васильевскій; Кошачій, нынѣ Канонерскій; Алаисъ-саари, нынѣ Рѣзвый; Кустарный, нынѣ Гутуевскій; Усадиза, нынѣ Первая Адмиралтейская Часть; Перузина, нынѣ Вторая, Третья и половина Четвертой Адмиралтейской Части.

У каждаго изъ этихъ острововъ есть своя исторія, но мы займемся Каменнымъ, виды котораго, въ настоящую минуту предъ вами.

Выше упомянуто, что Каменный Островъ назывался первоначально по-Фински Киви-саари, а почему онъ получилъ нынѣшнее свое названіе, съ достовѣрностью не извѣстно. Почему сей островъ названъ Каменнымъ (говоритъ Богдановъ въ *Описаніи Санктпетербурга*, составленномъ въ 1750 г., и изданномъ Рубаномъ въ 1779 г.): но развѣ по симъ двумъ догадкамъ, 1) что близъ его въ Малой Невѣ лежитъ въ водѣ камень большой, который изъ воды виденъ и оный отъ теченія рѣки не малую струю производитъ на водѣ. 2) Или на немъ было сперва много лежащихъ камней, отъ коихъ онъ и Каменнымъ сльветъ.

Каменный Островъ принадлежалъ прежде, или, какъ говоритъ Богдановъ, былъ въ дачѣ Канцлера Графа Гавриила Ивановича Головкина, а потомъ перешелъ во владѣніе Канцлера Графа Бестужева-Рюмина. Особенно послѣднему обязанъ Каменный Островъ своею нынѣшнею красою, потому что Графъ Бестужевъ-Рюминъ употребилъ значительныя суммы на его обработку и украшеніе. Онъ приказалъ, между прочимъ, для уничтоженія сырости, прорѣзать его каналами, которые были выложены камнемъ. Оттого-то можетъ быть онъ и получилъ нынѣшнее свое названіе. Садъ, въ голландскомъ вкусѣ, былъ также на-

чать при этих двух владѣльцахъ, а когда островъ перешелъ во владѣніе въ Бозѣ почивающаго Императора Павла Петровича, бывшаго тогда Великимъ Княземъ, то близъ дворца, не очень обширнаго, но превосходно помѣщеннаго двухъ-этажнаго зданія, были выстроены оранжереи, конюшни и другія службы. Императоромъ Павломъ Петровичемъ положено было, также въ бытность Великимъ Княземъ, въ 1780 г., основаніе богадѣльни, на пятьдесятъ человекъ престарѣлыхъ матросовъ, а нѣсколько позже воздвигнута небольшая каменная церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, въ готическомъ стилѣ, принадлежавшая Мальтійскому Ордену, кавалеровъ котораго хоронили, нѣкоторое время, въ ея оградѣ.

Блистательная же эпоха Каменнаго Острова началась при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, который очень любилъ его и каждое лѣто жила въ немъ долгое время. Понятно, что люди государственные и царедворцы старались селиться какъ можно ближе къ мѣстопребыванію Императора.

Въ послѣдствіи Каменный Островъ принадлежалъ Великому Князю Михаилу Павловичу, а нынѣ принадлежитъ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Мѣстоположеніе Каменнаго Острова причиною, что лѣтомъ жизнь на немъ чрезвычайно пріятна. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ Невой, лежитъ въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ центра города, между Аптекарскимъ, Крестовскимъ, Елагинымъ Островами и Новою Деревнею, весь покрытъ густымъ, прекраснымъ паркомъ, разбитымъ на тѣнистыя аллеи, въ которыя не проникаютъ лучи солнца, и гдѣ даже въ самое жаркое время дня можно съ удовольствіемъ прогуливаться въ экипажахъ и пѣшкомъ.

На Каменномъ Острову есть дачи, принадлежащія членамъ Императорской Фамиліи; прочія же дачи вообще принадлежатъ, большею частію, лицамъ высшаго общества и богатѣйшимъ негоціантамъ. На прилагаемомъ рисункѣ изображены: Дворецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны, дача Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи

Николаевны, и дача Ея Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго; дачи Княгини М. П. Волконской и Госпожи Зейдлицъ, урожденной Риттеръ; церковь и богадѣльня, о которыхъ было упомянуто выше; мостъ, соединяющій Каменный Островъ съ Аптекарскимъ, отличающійся красотою и легкостью своей постройки, сооруженный извѣстнымъ Инженеръ-Генераломъ Бетанкуромъ (почему иногда и называютъ его Бетанкуровымъ); новая пристань для гребныхъ судовъ, находящаяся на супротивъ Новой Деревни, и Каменно-Островскій Театръ, выстроенный у моста, ведущаго на Елагинъ Островъ. Въ этомъ театрѣ даетъ лѣтомъ представленія французская труппа, переселяющаяся сюда изъ Михайловскаго Театра.

В. П.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 20-му Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ первый листъ видовъ изъ окрестностей С. Петербурга, а именно виды Каменнаго Острова, рисованные съ натуры В. Тиммомъ:

- 1) Дворецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны.
- 2) Церковь.
- 3) Первый Каменно-Островскій Мостъ.
- 4) Богадѣльня.
- 5) Дача Ея Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.
- 6) Дача Генералъ-Адъютанта Исленьева (скончавшагося).
- 7) Дача Княгини М. П. Волконской.
- 8) Дача Г-жи Зейдлицъ.
- 9) Дача Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны.
- 10) Новая пристань.
- 11) Каменно-Островскій Театръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для иногородныхъ у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для городскихъ въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, О. В. Бабунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даширо, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволается. Санктпетербургъ, 12-го Іюня 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ТЕРЕМЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КРЕМЛЕВСКОМЪ ДВОРЦѢ, ВЪ МОСКВѢ (*).

Изъ такъ называемаго *чугуннаго корридора* (нѣкогда бывшія сѣни верхняго яруса дворца Іоанна III, гдѣ находились покои царицы), на лѣво, идетъ лѣстница, ведущая въ Теремъ, построенный въ 1636 году Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ для своихъ сыновей, Князей Алексѣя Михайловича и Іоанна Михайловича. Это были покои царей XVII вѣка, единственный памятникъ и образецъ религіознаго образа жизни того времени. Это нѣкотораго рода храмъ, въ которомъ исполнялись, по закону Божию, обязанности христіанина. Со времени построения Дворца Императрицы Елисаветы Петровны, Теремъ былъ преданъ совершенному забвенію. Безъ всякой починки, онъ вскорѣ представлялъ бы однѣ развалины, но Императоръ Николай I вновь воздвигъ жилище Своихъ Предковъ въ памятникъ священный и неразрушимый. Возобновленіе исполнено было подъ управленіемъ Оберъ-Готмейстера Барона Льва Карловича Боде, съ строгою точностью, по образцамъ нѣкоторыхъ украшеній и утвари, до насъ сохранившихся, и всегда слѣдуя вкусу временъ Царя Михаила Ѳедоровича.

Вступая въ комнаты, назначенныя Царемъ для своего Наслѣдника, подумаешь, что находишься подъ сводами древняго храма; тамъ видна столовая, пріемная, тронная зала, спальня и часовня. Живопись на стѣнахъ подобна церковной, и кажется золотою парчею съ св. иконами.

Возлѣ окна тронной залы, гдѣ находилось сѣдалище Царя, былъ придѣланъ ящикъ, который спускался внизъ, чтобъ просители могли влзати въ него свои просьбы для представленія непосредственно Царю. Такимъ-то образомъ Царь Алексѣй Михайловичъ посвящалъ утренніе часы свои милосердію.

Въ часовнѣ замѣтны многія иконы и старинные кресты. Эти предметы были издавна наслѣдствомъ и благословеніемъ Великихъ Князей Россійскихъ. Вѣтхость многихъ иконъ свидѣтельствуетъ о ихъ глубокой древности. Разныя вещи, принадлежавшія Царю Алексѣю Михайловичу, золотая и серебряная посуда, наполняютъ шкапы, стоящіе въ тронной залѣ, въ столовой и въ боковой комнатѣ. Словомъ все тамъ сохраняется какъ было нѣкогда при прежнихъ хозяевахъ этого жилища.

(* Изъ сочиненія *Description du nouveau Palais Impérial du Kremlin de Moscou, par A. Weltmann. Moscou 1851. Стр. 35.*

Изъ боковой комнаты, по лѣстницѣ, поднимаешься въ башню, составляющую верхній ярусъ Терема, въ которой только одна комната съ башенкою, обращенною на югъ. Съ террасы, примыкающей къ башнѣ, можно было видѣть нѣкогда панораму обширнаго города Москвы, стѣны Кремля, Китая Города, Бѣлаго Города и деревянную стѣну *Скородома*.

Между безчисленными куполами и колокольнями тысячи церквей московскихъ, высоко подымающихся, видны были, по всѣмъ направленіямъ, разныя улицы, окоймленныя двумя рядами домовъ, пересѣченныхъ садами и стѣнами.

Возвращаясь чрезъ столовую, въ которой иногда только Патріархъ обѣдалъ съ Царемъ, въ которой подавали, на золотой посудѣ, болѣе ста разныхъ блюдъ, равно какъ русскій медъ и иностранныя вины въ золотыхъ массивныхъ чашахъ, и изъ которой Царь посылалъ кушанья любимымъ боярамъ— проходишь чрезъ боковую комнату и спускаешься въ портретный корридоръ, названный такъ по живописи свода, представляющей портреты царствующаго Дома Романовыхъ, начиная съ предка ихъ Филарета Никитича.

РИСУНКИ ОДЕЖДЫ РУССКИХЪ, СЪ XIV ДО XVIII СТОЛѢТІЯ (*).

Для объясненія рисунковъ сообщаемъ слѣдующее извлеченіе (**), заимствованное изъ путешествія Олеарія: *Offt begehrte Beschreibung der orientalischen Reise. Schleswig 1647 in fol.*

«Русскіе мужчины вообще рослы, толсты и сильны; цвѣтомъ лица подобны другимъ Европейцамъ.

У нихъ въ большой чести широкія бороды и толстые животы. Усы у Русскихъ также длинныя и покрываютъ губы.

Длинные волосы, висячіе до плечъ, носятъ одни священники, а у прочихъ они подстрижены. Вельможи даже стригутъ волосы, считая это украшеніемъ. Какъ скоро кто впадаетъ въ немилость у Царя, то отпускаетъ длин-

(* Рисунки заимствованы изъ превосходныхъ изданій: *Древности Россійскаго Государства и Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ Войскъ, и проч. и проч.*

Изд.

(**) Древности Россійскаго Государства. Отдѣл. IV. Стр. 57—60.

Изд.

ные волосы и, не причесывая ихъ, носить во все время опалы царской.

Русскія женщины роста средняго, хорошаго сложенія: онѣ имѣютъ нѣжный цвѣтъ тѣла; но въ городахъ все румянятся и бѣлятся, и такъ грубо и замѣтно, что кажется, будто по лицу ихъ провелъ кто нибудь горстью муки и вымазалъ ихъ щеки кистью; брови и рѣсницы окрашиваютъ онѣ въ черный или коричневый цвѣтъ. Онѣ дозволяютъ себѣ напоминать сосѣдкамъ и знакомымъ о соблюденіи этого обычая, хотя бы красота ихъ природная превосходила искусственную, какъ будто боясь, чтобъ первая не затмила второй. Такъ жена боярина Князя Ивана Борисовича Черкаскаго, женщина отличной красоты, не хотѣвшая сначала румяниться и бѣлиться, была упрекаема въ нарушеніи обычая предковъ, и доведена до необходимости употреблять румяны, т. е. зажечь свѣчу при солнечномъ свѣтѣ.

Такъ какъ обычай этотъ принятъ всеми и соблюдается явно, то женихъ, во время сватовства, между прочими подарками, долженъ принести невѣстѣ коробочку румянъ.

Одежда мужчинъ такая же, какъ у Грековъ; рубашки у нихъ широкія, короткія, едва достигаютъ до колѣнъ; воротникъ гладкій безъ сборокъ; спинка подшита въ видѣ треугольника, спускается до плечъ и шита краснымъ шелкомъ; у многихъ подоплата подшита красною тафтою, къ немалому украшенію. Нижнее платье носятъ очень широкое сверху, гдѣ протянутъ шнуръ, по произволу распускающій и стягивающій его. Поверхъ рубашки и исподняго платья они носятъ узкіе кафтаны длиною до колѣнъ, съ длиннѣйшими рукавами, надѣваемыми на руки въ сборкахъ; воротникъ у кафтана широкій, длиною въ четверть локтя, подшитъ бархатомъ, или, у вельможъ, золотою матеріей; его выставляютъ изъ-за другаго кафтана, оставляя незастегнутымъ. Сверхъ кафтана носятъ другое одѣяніе длиною до икръ; оно называется ферезью; какъ кафтанъ, такъ и ферезъ дѣлается изъ нанки, киндяка, тафты или атласа, смотря по состоянію каждаго.

Ферезъ подбивается хлопчатого бумагою; сверхъ всего носятъ платье, длиною достающія до пятъ, которыя надѣваютъ, выходя въ публику; это платье бываетъ изъ синяго, коричневаго или темно-зеленаго сукна, также парчевое, атласное и шитое золотомъ. Все эти одѣянія выдаются изъ царской казны, по случаю принятія пословъ, для большаго благолѣпія. У этой верхней одежды бываетъ длинный, ниспадающій съ плечъ воротникъ; вокругъ и по сторонамъ, она обшита золотомъ или жемчугомъ и украшена висячими кистями; рукава также длинные, какъ и одежда, весьма узки и подбираются, такъ что руки едва видны, иногда же при ходьбѣ они спускаются съ рукъ.

Князья и бояре, при торжественныхъ собраніяхъ, носятъ шапки вышиною въ аршинъ, опушенные чернымъ соболемъ или лисенцею, въ другихъ случаяхъ обшитыя

бархатомъ и частію опушенные только чернымъ соболемъ или лисимъ мѣхомъ, и украшенные золотыми или жемчужными нашивками; простой народъ лѣтомъ носитъ шапки изъ бѣлаго вяленаго сукна, зимою же опушенные простымъ мѣхомъ, или просто суконныя.

Русскіе вообще, какъ Поляки, носятъ короткіе изъ юфти или персидскаго сафьяна сапоги съ остроконечными носами; башмаки женскіе, особенно дѣвичьи, дѣлаются съ весьма высокими каблуками, такъ что, при стояніи прямо, носокъ ихъ едва касается до полу; каблуки обиваются маленькими, красными гвоздиками.

Платья женскія сходны съ мужскими, хотя верхнія нѣсколько шире, и изъ такого же сукна или изъ киндяка, персидской ткани; богатыя украшаютъ ихъ напередѣ позументомъ или золотыми снурками и пришиваютъ серебряныя или оловячныя пуговицы, которыми и застегиваются; рукава сверху разрѣзные, въ эти разрѣзы онѣ просовываютъ руки, за коими рукава и висятъ. Кафтановъ онѣ не носятъ, особенно же съ воротниками. Рукава рубашекъ узки, длиною въ шесть, восемь и десять локтей, и болѣе, если кисейные, которые собираются на руки. Онѣ также носятъ просторныя и широкія шапки, окойменные атласомъ, камкою и парчею, иныя вышиты золотомъ и украшены жемчугомъ съ бобровою опушкою, такъ, что волосы, ниспадая прямо, закрываютъ половину лба. Взрослыя дѣвицы носятъ высокія лисьи шапки.

Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иноземцы, состоящіе въ службѣ Царя и проживающіе въ Россіи для торговли, носили одежду, одинакую съ Русскими, для избѣжанія насмѣшекъ отъ народа и для болѣе безопасности. Патріархъ прекратилъ это обыкновеніе по слѣдующему случаю: былъ крестный ходъ въ городъ, въ которомъ участвовалъ и самъ Патріархъ; когда онъ на улицѣ, по обыкновенію, благословлялъ народъ, то замѣтилъ, что не все поклонились и сняли шапки, и, узнавъ, что это были Нѣмцы, приказалъ отнынѣ всемъ имъ являться въ одеждѣ своей страны, а русской вовсе не носить.»

На рисункѣ, приложенномъ къ № 21-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) Московскіе Терема (изъ Альбома Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича), съ рисунка художника А. Ф. Чернышева; 2) теремные покои; 3) одежда Русскихъ, съ XIV до XVIII столѣтія, мужская и женская: а) женскій нарядъ (зимній) города Торжка; б) турецкая шуба и горлатная шапка; в) дѣвичій нарядъ города Торжка; г) терликъ и шапка мурмолка; д) женскіе наряды; е) кафтанъ и шапка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Фёдоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 16-го Іюня 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

БАКЧИСАРАЙ.

Бакчисарай извѣстенъ почти во всей Россіи. Всѣ, бывавшіе въ Крыму, долгомъ поставляли себѣ побывать въ этомъ замѣчательномъ городѣ, сохранившемъ, въ образѣ жизни своихъ жителей, всѣ тѣ отличительные признаки, которые въ глазахъ Европейца отличаются мусульманскій міръ отъ христіанскаго. Сверхъ того, кто и не бывалъ въ Крыму, а слѣдовательно и въ Бакчисараѣ, слыхалъ о немъ, или знаетъ его по стихотворенію нашего знаменитаго Пушкина, начинающемуся словами:

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Яптарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хава грознаго тѣснился....

Словомъ, если кто на Руси и не знаетъ Бакчисарая, то знакомъ съ *Бакчисарайскимъ Фонтаномъ*, потому-то трудно не имѣть понятія объ этомъ произведеніи, одномъ изъ лучшихъ въ нашей поэзіи.

Бакчисарай представляетъ собою городъ совершенно въ восточномъ вкусѣ. Россія такъ обширна, въ составъ ея народонаселенія входятъ такія разнообразныя племена, что, проѣзжая по ней, поневолѣ исключая настоящихъ русскихъ городовъ встрѣчаешь города германскіе, еврейскіе, польскіе, татарскіе..... Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Таврической Губерніи, подъ 44° 51' сѣверной широты и 51° 44' восточной долготы, находится безъуздный городъ Бакчисарай, который вамъ покажется совершенно отличнымъ отъ другихъ городовъ Россіи, и напомнитъ вамъ арабскія сказки Тысячи и одной Ночи, если только вы читали эту знаменитость своего рода.

Въ Бакчисараѣ считается (по показанію 1849 года) 12,577 жителей, преимущественно Магометанскаго Исповѣданія, такъ какъ этотъ городъ составляетъ главное средоточіе всего татарскаго населенія на Крымскомъ Полуостровѣ. Городъ представляется зрителю въ видѣ прелестной картины. Бакчисарай расположенъ между горъ, въ узкой до-

линѣ, на днѣ которой течетъ рѣчка Чурукъ-Су, а по обѣимъ сторонамъ рѣчки, въ видѣ амфитеатра, возвышаются одно надъ другимъ многочисленныя городскія строенія. Расположеніе города въ узкой долині причиной, что здѣсь, какъ и на всемъ южномъ берегу Крыма—изобиліе въ ключевой водѣ. Татары, какъ и всѣ восточные народы, мастера пользоваться этою водою; она нигдѣ не пропадаетъ у нихъ, а потому въ Бакчисараѣ безпрестанно попадаютъ на улицахъ фонтаны съ разнообразными каменными водоемами. Вода проведена во многіе дома, и тамъ, въ видѣ постоянно бьющихъ фонтановъ, освѣжаетъ воздухъ и составляетъ прекрасную воду для питья, холодную, свѣжую. Строеніе въ городѣ каменное, не высокое, съ плоскими крышами; улицы кривыя и узкія, такъ что въ большей части изъ нихъ можно ѣздить только верхомъ. Прибавьте къ вышесказанному бывшій дворецъ крымскихъ хановъ, мечети съ высокими минаретами, разнообразіе и пестроту костюмовъ, и сверхъ того мѣстоположеніе въ долині, между двумя высокими горными хребтами, и вы убѣдитесь въ томъ, что Бакчисарай городъ, въ самомъ дѣлѣ, живописный.

Бакчисарай, бывшая столица крымскихъ хановъ до покоренія въ 1783 году Таврическаго Полуострова Россіею, построенъ былъ Татарами въ шестнадцатомъ столѣтіи. Сохранившіеся донинѣ нѣкоторые остатки владычества хановъ, дворецъ, мечети, бани, фонтаны, гдѣ мраморъ употребленъ въ изобиліи, подтверждаютъ предположеніе о богатствѣ и процвѣтаніи Бакчисарая при татарскомъ владычествѣ. Да и могло ли быть иначе? Столица такихъ могущественныхъ владѣтелей, каковы были въ свое время крымскіе ханы, не могла не привлекать къ себѣ и зодчихъ, и людей торговыхъ, когда постоянныя войны и набѣги на сосѣднія страны доставляли богатую добычу обитателямъ Таврическаго Полуострова.

Ханскій дворецъ, огромное зданіе въ восточномъ вкусѣ, составленное какъ бы изъ нѣсколькихъ зданій смежныхъ, но не одинаковой высоты, находится на восточномъ концѣ города. Нѣкоторыя залы дворца сохранились въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были при ханахъ, и чтобъ дать понятіе о нихъ, приведемъ слѣдующее мѣсто изъ *Путешествія*

по Тавериди И. М. Муравьева. Описывая одну из залъ верхняго жилья, которыя отличаются одна отъ другой большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ, авторъ говоритъ: «Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣтить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ, т. е. всѣ изъ фасада выступающія оныхъ стѣны сплошь окончатыя. Другаго входа въ залу нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, непримѣтной, между пилястрами арабскаго вкуса, между коими и шкафы, также непримѣтныя, находятся по всей темной этой стѣнѣ. Надъ оными стекла (въ лучшихъ залахъ) внутри и снаружи покоя, до потолка, между коими стоятъ украшенія лѣпной работы, какъ-то: чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревца съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки такъ же, какъ и темная стѣна, столярной работы, и весьма красивые: это тоненькая вызолоченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ густаго, краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомыя мнѣ по Испаніи эстеры, т. е. рогожки, весьма искусно сплетенныя изъ тростника, родъ *genista*, и употребляемая вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатѣ, съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней служатъ еще и цвѣтныя, узорчатыя стекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе. безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ восточныхъ народовъ во время Крестовыхъ Походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія представить себѣ диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ тканей, на полу лежащія вокругъ всѣхъ стѣнъ, исключая темной, то можно составить себѣ понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, (*) въ европейскомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и столами.»

Дворецъ отдѣляется отъ города вышеупомянутою рѣчкою Чурукъ-Су; при вѣздѣ въ ворота открывается пространный дворъ, по лѣвую сторону котораго находится мечеть, а по правую самый дворецъ; остальная сторона граничитъ съ садами. Въ двора, за мечетью, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ, на которомъ, подъ бѣлыми мраморными гробницами, осѣненными тополями, шелковичными и другими деревьями южнаго климата, покоятся Менгли, отецъ его, основатель могущества Крымскаго Ханства и другіе владѣтели сего дома.

Въ сторонѣ—гаремъ, сообщавшійся съ дворцомъ посредствомъ коридора. Въ гаремѣ видны слѣды бывшей роскоши—и только. Одни фонтаны придаютъ нѣкоторую красоту

(*) При посѣщеніи Ея Императорскимъ Величествомъ Крыма.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи (Сѣверной Пчелы); въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дашаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 3-го Августа 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

этому запусѣлому приюту восточной нѣги.... Вотъ какъ Пушкинъ описываетъ ханскій дворецъ:

«Покинувъ сѣверъ наконецъ,
 Пиры надолго забывая,
 Я посѣтилъ Бакчисарая
 Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
 Среди безмолвныхъ переходовъ,
 Бродилъ я тамъ, гдѣ, бичъ народовъ,
 Татаринъ буйный пировалъ
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣви утопалъ.
 Еще понинѣ дышетъ нѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
 Играютъ воды, рдѣютъ розы,
 И выются виноградныя лозы,
 И золото блещетъ на стѣнахъ.
 Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Яитарны разбирая четки,
 Вздыхали жены въ тишинѣ.
 Я видѣлъ ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище,
 Сіи надгробныя столбы,
 Въвѣчанныя мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
 Гласили внятною молвою.
 Гдѣ скрылась ханы? Гдѣ гаремъ?
 Кругомъ все тихо, все уныло,
 Все измѣнилось... но не тѣмъ
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенью,
 Невольно предавался умъ
 Неизъяснимому волненью,
 И по двору летучей тѣнью
 Мелькала дѣва предо мною!.....»

(Окончаніе впродѣ.)

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 22-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены виды города Бакчисарая (въ Крыму), заимствованные изъ превосходнаго изданія А. Н. Демидова «Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée etc. etc.» съ рисунковъ, исполненныхъ съ натуры Г. Раффе (Raffet) въ 1837 году. Виды эти суть: 1) мечеть въ ханскомъ дворцѣ; 2) фонтанъ Маріи въ томъ же дворцѣ; 3) могила Маріи; 4) главная улица въ Бакчисарай; 5) Татары-торговцы; 6) Татарки.

БАКЧИСАРАЙ.

(Окончаніе)

Дополнимъ вышеупомянутыя историческія свѣдѣнія о Бакчисараѣ извѣстіемъ, что, до завоеванія Таврическаго Полуострова при Императрицѣ Екатерицѣ II, еще въ 1736 году, Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, по взятіи Евпаторіи (Козлова), внезапно обратился на Бакчисарай, обошелъ Татаръ и Турокъ, прикрывавшихъ въ выгодной позиціи столицу хановъ, разбилъ ихъ, и предалъ городъ огню: двѣ тысячи домовъ и огромныя ханскія палаты превращены были въ пепель. Впрочемъ Русскіе не долго оставались въ Бакчисараѣ, и онъ, какъ выше сказано, окончательно присоединенъ къ Россіи, только при покореніи всего Таврическаго Полуострова.

Не менѣе дворца замѣчательна въ Бакчисараѣ главная улица, проходящая отъ одного конца города до другаго, и ведущая къ бывшему жилищу хановъ. Улица эта замѣчательна въ промышленомъ и торговомъ отношеніяхъ, и представляетъ собою какъ бы огромный базаръ. По обѣимъ сторонамъ она окоймлена множествомъ всякаго рода лавокъ, въ которыхъ сосредоточивается вся дѣятельность жителей города. Главная улица Бакчисарая шире остальныхъ городскихъ переулковъ, такъ что по ней два экипажа могутъ свободно разѣхаться. Жители попадаютъ, или верхомъ на лошадяхъ, или на арбахъ, двуколесныхъ телѣгахъ, не занимающихъ много мѣста, и приспособленныхъ къ здѣшнимъ узкимъ улицамъ. Лавки и мастерскія на обѣихъ сторонахъ главной улицы представляютъ самую разнообразную смѣсь: здѣсь торгуютъ, работаютъ, исполняютъ все, что требуется въ большомъ городѣ, и все это

совершается предъ всѣми, при открытыхъ дверяхъ или на прилавкахъ; здѣсь куютъ быковъ и лошадей (чѣмъ преимущественно занимаются цыгане) и быкъ, поваленный на спину, лежитъ спокойно на улицѣ; подлѣ цыгана и быка навалены, на цыновкѣ или на холстѣ, а иногда и на голой землѣ, груды дынь, персиковъ, абрикосовъ и другихъ плодовъ южнаго берега Крыма; съ другой стороны кузницы продаютъ шелковыя ткани или другіе предметы роскоши; а далѣе, предъ всѣмъ честнымъ народомъ, цирюльникъ брѣдетъ головы Татарамъ и безъ церемоніи окачиваетъ водою изъ ведра мыло съ ихъ головы, наклонивъ ее надъ кадкою; подъ бокомъ же у цирюльни, поваръ готовитъ бараньи битки, или другія жаркія, и подаетъ желающимъ; словомъ такая жизнь и такая дѣятельность на этой улицѣ, что для нихъ стоить побывать въ Бакчисараѣ. Тутъ же работаютъ сапожники, портные (сидятъ на лавкѣ, подлѣ входа, и шьютъ, поджавъ ноги), токари, скорняки, и прочіе ремесленники; вытесываютъ памятники каменщики, и проч., и проч. Словомъ вся главная улица Бакчисарая — огромный рынокъ, составленный изъ нѣсколькихъ сотенъ лавокъ, въ которыхъ удовлетворяются всѣ потребности жителей. За то уже въ остальныхъ частяхъ Бакчисарая не замѣтно ни какого движенія: лавокъ нѣтъ, и только по временамъ мелькаютъ женскія фигуры, потому что татарское мужское населеніе города главнѣйше проводитъ свое время на большой улицѣ.

Въ каждомъ почти населенномъ мѣстѣ, испытавшемъ различныя перевороты въ своей судьбѣ, и имя котораго внесено въ лѣтописи исторіи, есть своего рода сказанія, преданія, которыя иногда совершенно противорѣчатъ историческимъ даннымъ. Тоже и въ Бакчисараѣ. Во дворцѣ показываютъ комнаты съ фонтаномъ, гдѣ жила будто бы похищенная однимъ изъ хановъ Марія Потоцкая, есть и мавзолей,

который называютъ могилою той же Маріи. Въ какой степени справедливы эти указанія, не беремся рѣшить; замѣтимъ, что нѣкоторые путешественники и наблюдатели сомнѣваются въ существованіи означенной Маріи Потонкой, и удостовѣряютъ, что этотъ мавзолей, находящійся на холмѣ, влѣво отъ верхней садовой террасы, воздвигнутъ Ханомъ Керимъ-Гиреємъ, одной своей любимой женѣ, родомъ Грузинкѣ.

Торговля города ограничивается продажею жителямъ необходимыхъ для общежитія предметовъ и състныхъ припасовъ, частію получаемыхъ и выдѣлываемыхъ на мѣстѣ продажи, частію привозимыхъ или изъ внутреннихъ губерній Россіи, или изъ-за границы, при посредствѣ черноморскихъ портовъ. Лавокъ для продажи товаровъ считается въ городѣ болѣе тысячи. Число фабрикъ и заводовъ весьма ограничено, и изъ числа ихъ замѣчательны кожевенные заводы, занимающіеся выдѣлкою сафьяновъ, и фабрики, приготовляющія турецкій курительный табакъ, имѣющій здѣсь, какъ и должно было ожидать, большой расходъ. Хотя въ числѣ бакчисарайскаго населенія и находятся Армяне, Греки и Русскіе, но почти вся торговля въ рукахъ Татаръ и Караимовъ. На рисункѣ, приложенномъ къ № 22-му Русскаго Художественнаго Листка, представлена группа Татаръ-торговцевъ.

Караимы, составляющіе особую секту Евреевъ, принадлежатъ почти къ кореннымъ жителямъ Бакчисарая, такъ что и говорятъ между собою по-татарски, хотя знаютъ Еврейскій Языкъ. Осѣдность ихъ въ Бакчисарай происходитъ отъ близкаго расположенія собственнаго ихъ селенія Чуфутъ-Кале, лежащаго только въ трехъ верстахъ отъ Бакчисарая. Чуфутъ-Кале, выстроенный изъ дерева и камня, расположенъ на высокой горѣ, и дорога къ нему изъ Бакчисарая выбита по крутому скату горы, шириною не болѣе сажени. Путь лежитъ по лѣвой сторонѣ долины,

въ глубинѣ которой течетъ ручей. Мѣстоположеніе Чуфутъ-Кале самое неблагопріятное для жительства: не говоря уже о затруднительности пути на высокую гору, въ городъ необходимо привозить почти всѣ припасы изъ Бакчисарая, и даже воду доставляютъ на вьючныхъ лошадяхъ, съ самага dna долины, потому что собственной воды въ Чуфутъ-Кале недостаточно для его жителей. Этотъ караимскій городъ былъ основанъ, въ родѣ крѣпости (и еще нынѣ онъ окруженъ каменною стѣною съ желѣзными затворами), въ тѣ времена, когда Караимы подвергались гоненіямъ и притѣсненіямъ со стороны Крымскихъ Татаръ. Нынѣ эти времена миновались, а потому Караимы, привлекаемые удобствами жительства въ Бакчисарай, стали одинъ за другимъ оставлять свое родное пепелище, и переселяться съ горы въ долину. Въ наше посѣщеніе Чуфута-Кале, въ сороковыхъ годахъ, тамъ оставалось изъ сотни около десяти населенныхъ домовъ: прочіе были покинуты своими хозяевами. Въ послѣднее время Чуфутъ-Кале и его жителямъ дарованы были нѣкоторыя преимущества, а потому, вѣроятно, это стремленіе къ переселенію измѣнится, и Чуфутъ-Кале, своего рода замѣчательность, сохранится для нашихъ потомковъ.

R.

Къ № 23-му Русскаго Художественнаго Листка приложенъ первый листъ государственныхъ сановниковъ, на которомъ изображены портреты: 1) Государственнаго Канцлера Графа Карла Васильевича Нессельрода и 2) Начальника Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества, Генераль-Адъютанта, Адмирала, Свѣтлѣйшаго Князя Александра Сергѣевича Меншикова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Свѣрной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ѳ. В. Бабунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 6-го Августа 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАЕМЫЙ

В. ТИММОМЪ.

№ 24.

20-го АВГУСТА.

1853 года.

16-ГО, 17-ГО И 18-ГО АВГУСТА, 1813 ГОДА.

Проѣхавъ городъ Пирну, побывавъ въ деревнѣ Петерсвальдѣ, на границѣ Саксоніи и Богеміи, поднимаешься на холмендорфскую высоту и обнимаешь съ нею удивительную панораму Богемскихъ Горъ. Кратко и вѣрно очерчена она Н. И. Гречемъ въ его путевыхъ письмахъ 1839 года. — «Горы плутъ не ровною, возвышенною полосою, какъ холмы, окружающіе Дрезденъ, а поднимаются уступами амфитеатрально; на краю горизонта свѣтлосизлы; другой планъ потемнѣе; ближе темно-зеленыя; еще ближе покрытыя зеленью свѣтлою; самыя близкія разноцвѣтными пашнями. Въ каждомъ углубленіи деревенька съ красными крышами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимаются колокольни, въ другихъ красуются господскіе дома.» — Но всѣ эти переливы колеровъ, эффектъ плановъ и разнообразно падающаго на нихъ освѣщенія, сложность такихъ неподобныхъ картинъ и частности ихъ не могутъ быть описаны; тѣ впечатлѣнія, которыя зрѣніе, получивъ, передаетъ душѣ, не могутъ быть переданы ей ничѣмъ, кромѣ зрѣнія.

Отсюда спускаются въ долину, въ долину кульмскую — безсмертную въ лѣтописяхъ нашей славы.

Никто кромѣ покойнаго военнаго исторіографа нашего А. И. Михайловскаго-Данилевскаго не напоминаетъ намъ живѣе, яснѣе, сихъ великихъ дней. Раскрываемъ его «Записки о походѣ 1813 года,» изъ которыхъ извлекаемъ возможно сжатое повѣствованіе о дивномъ кульмскомъ дѣлѣ (*).

Послѣ дрезденскаго сраженія было положено отступить въ Богемію, за Эгеръ, четырьмя колоннами, изъ которыхъ первую (изъ русскихъ и прусскихъ войскъ) начальствовалъ Генералъ Барклая-де-Толли. Онъ предполагалъ, по строгому соображеніи предшествовавшихъ движеній, встрѣтить на пути своемъ Корпусъ Вандама, перешедшаго у Пирны на лѣвый берегъ Эльбы, и что въ то же время непріятель отъ Пирны нападуть на тылъ его и слѣдовательно поставятъ его между двумя огнями. Это важное сомнѣніе приняло такую убѣдительность въ мнѣніи Барклая-де-Толли, что онъ рѣшился, вопреки диспозиціи, итти чрезъ Максенъ и Дипольдисвальде, отдавъ приказаніе слѣдовать за собою и Графу Остерману (который начальствовалъ нашею Гвардіею), если бѣ онъ дорогу въ Петерсвальде нашелъ занятою непріателемъ. Но Графъ Остерманъ, чувствуя сколь необходимо было предупредить непріятеля въ Теплицѣ, рѣшился итти на Петерсвальде и открыть себѣ путь силою. — То былъ подвигъ смѣлый, умный, истинно великій, какъ доказали событія.

Въ то время, какъ (16-го Августа) вся союзная армія, слабо преслѣдуемая, поднималась въ горы, Графъ Остерманъ былъ встрѣченъ не вдалекѣ отъ Пирны Вандамомъ; сражаясь во весь день, войска наши нѣсколько разъ штыками отгнѣняли и сносили врага съ дороги и, пройдя Петерсвальде, расположились на ночлегъ. На другой день Вандамъ съ особеннымъ упорствомъ возобновилъ нападеніе. Императоръ Александръ Павловичъ, находясь при одной изъ четырехъ колоннъ, слѣдовавшей чрезъ Дипольдисвальде и Альтенбургъ, переночевавъ въ послѣднемъ, направился (17-го числа) въ Дуксъ; но, выѣхавъ изъ лѣса, покрывающаго Гейербергъ, увидѣлъ съ лѣвой стороны дымъ и вскорѣ слышалъ пальбу, которая постепенно становилась сильнѣе; свернувъ влѣво на возвышеніе, Государь могъ различить съ него довольно ясно теплицкую долину (по ней пролегаетъ дорога изъ Дрездена), на которой происходило сраженіе, покрывшее славою Русскую Гвардію и на вѣки вписавшее въ лѣтописи исторіи названіе свое — кульмской битвы.

Государь могъ заключить безошибочно, что непріятель, силы котораго ему были не извѣстны, упорно стремился занять эту дорогу, чтобъ овладѣть нашими сообщеніями; Онъ зналъ, что Графъ Остерманъ долженъ находиться въ самомъ затруднительномъ положеніи, что нужно, не медля, подкрѣпить его... Но чѣмъ? Какъ? — Армія съ неимоверною трудностью пробиралась въ горахъ по тропинкамъ, заваленнымъ обозами и артиллеріею. — Всѣ возможные мѣры были однако же приняты Императоромъ, какъ съ самой дороги, такъ и изъ Дукса, гдѣ Его Величество остановился въ замкѣ Князя Валленштейна, прославившагося въ Тридцатилѣтнюю Войну. Всѣ затрудненія были побѣждены: ближайшія колонны австрійскаго Генерала Коллоредо, которыя Государь желалъ двинуть на помощь къ Графу Остерману, затруднились исполнить это, противно повелѣнію, данному имъ Главнокомандующимъ Княземъ Шварценбергомъ, итти на Дуксъ; но это затрудненіе было вскорѣ отстранено. Независимо отъ сего Государь, сообразивъ, что, для продолженія отступленія нашего за Эгеръ, необходимо разбить непріятельскій корпусъ, спустившійся съ холмендорфскихъ высотъ къ Кульму, прежде нежели Наполеонъ успеетъ подкрѣпить его свѣжими войсками, принялъ намѣреніе напасть на корпусъ этотъ въ слѣдующій же день, чтобъ совершенно выгнать его изъ Богеміи. Было послано собственноручное повелѣніе къ прусскому Генералу Клейсту съ измѣненіемъ даннаго ему прежде направленія; дороги были такъ загромождены, что посланный отъ Государя полковникъ не могъ проѣхать по нимъ верхомъ, но, сойдя съ лошади, пѣшкомъ пробирался къ Генералу Клейсту. Вскорѣ прибылъ въ Дуксъ Князь Шварценбергъ и тутъ, видя уныніе его и всѣхъ окружавшихъ, Императоръ объявилъ имъ: «Что нѣтъ причины сокрушаться, что подъ Дрезденомъ была неудача, а не проигранное сраженіе, и что на другой день онъ самъ намѣренъ атаковать непріятеля.» — Тутъ Государь передалъ австрійскому фельдмаршалу свой планъ.

Всѣ распоряженія были сдѣланы; къ Генералу Барклаю-де-Толли посланъ, съ повелѣніемъ напасть на слѣдующій день соединенными силами на Французовъ при Кульмѣ, Генералъ Толль; австрійскіе корпуса Генераловъ Біанки и Коллоредо направлены къ Теплицу, а Клейсту дано приказаніе повернуть на Ноллендорфъ, чтобъ зайти въ тылъ Французамъ.

Между тѣмъ нападеніе на Графа Остермана, начавшееся 17-го числа съ восходомъ солнца, продолжалось съ величайшимъ ожесточеніемъ. Вандамъ, воинъ опытный, понималъ всю важность занятія Теплица, за который ему обѣщанъ былъ маршальскій жезлъ. Императоръ Австрійскій находился въ этомъ городѣ; Графъ Остерманъ просилъ его выѣхать, извѣщая, что имѣетъ слабую надежду устоять при Кульмѣ. Императоръ, выѣхавъ въ Лаунъ, далъ знать Королю Прусскому о затруднительномъ положеніи Графа Остермана, которому Король Прусскій тотчасъ же послалъ сказать, чтобъ онъ держался сколь можно, ибо отъ его твердости зависитъ участь всей арміи, а что войскамъ отправлены повелѣнія спѣшить къ Теплицу.

Графъ Остерманъ постигалъ вполне важность своего назначенія, проникнувшую, такъ сказать, и въ сердце каждаго изъ его воиновъ; Гвардія наша и 2-й Пѣхотный Корпусъ противопоставляли врагу отпоръ неслыханный; сражаясь какъ львы, они отступали чрезъ Ноллендорфъ на высоты, лежащія за Кульмомъ и Кризеномъ, и здѣсь подверглись новому рѣшительному нападенію. Положеніе нашего корпуса становилось съ часа на часъ опаснѣе: въ резервѣ его оставалось двѣ роты, когда непріятель ввелъ въ дѣло всѣ свои войска и грозилъ нашимъ изъ 80-ти орудій! Свѣжія колонны его, приближаясь, были истребляемы нашими львами-воинами, дравшимися съ непостижимымъ увлеченіемъ. По словамъ донесенія Графа Остермана: «Одна изъ колоннъ огонь дерзости угасила въ кро-

(*) Стр. 236 и послѣдующія до 266.

ви своей; другая, будучи охвачена со всехъ сторонъ, легла мертвая, рядами.»

Между тѣмъ наступалъ вечеръ: свѣжіе полки нашего Гренадерскаго Корпуса, прибывая, постепенно вступали въ бой; чрезвычайный перевѣсъ числа непріятеля уменьшался и онъ оставилъ дальнѣйшія покушенія.

18-го Августа, часу въ седьмомъ утра другого дня, непріятель открылъ пальбу изъ орудій, но до девятаго часа дѣло еще не завязывалось. Войска наши стояли въ боевомъ порядкѣ. Вандамъ, расположенный своей корпусъ на косогорѣ, заблгъ занять лежащую отъ него вѣво гору, и когда лѣвое его крыло было обойдено, дѣло начато было съ нашей стороны кавалерійскою атакою; вскорѣ тронулась пѣхота. Когда разстроенный непріятель началъ отступать, Генералъ Клейстъ, корпусъ котораго Французы приняли сперва за подкрѣпленіе, отрѣзавъ ему путь къ Ноллендорфу, громя его въ тылъ; колонны наши на штыкахъ овладѣли Кульмомъ и большею частью французской артиллеріи, конница ударила — и войска Вандама были приведены въ величайшее разстройство; все смѣшалось въ толпу, искавшую спасенія! Послѣ полудня сраженіе прекратилось. Трофеями его были 12,000 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ четыре генерала и Корпусный Начальникъ Вандамъ, нѣсколько знаменъ, 84 орудія, 200 зарядныхъ ящиковъ и весь непріятельскій обозъ. — Въ то время какъ приводили плѣнныхъ, прибылъ нарочный отъ Фельдмаршала Блюхера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной имъ при Кацабахъ. Ура потрясло воздухъ и возвысило торжество этого незабвеннаго дня!

Графъ Остерманъ былъ первымъ побѣдителемъ и виновникомъ сихъ славныхъ дней. Если бѣ онъ не отважился пробиться по теплицкой дорогѣ и не удержалъ бы оной, то Французы открыли бы безпрятственно себя путь въ Богемію и слѣдствія могли бы быть пагубны: онъ рѣшительностью своею стяжалъ себя безсмертную славу и запечатлѣлъ свой подвигъ потерю лѣвой руки, оторванной ядромъ. — Когда потеря крови и истощеніе силъ повергли его въ обморокъ, Король Прусскій, подѣхавъ, спрашивалъ съ участіемъ окружающихъ его офицеровъ. Въ эту минуту Графъ Остерманъ открылъ глаза; первымъ проявленіемъ въ немъ, полумертвомъ, жизни, была мысль о Государь. «Est-ce vous, Sire?» — спросилъ онъ Короля, — «l'Empereur, mon maître est-il en sûreté?» — Слава Графа Остермана велика! Сраженіе при Кульмѣ рѣшительно положило предѣлъ успѣхамъ Наполеона; послѣ онаго счастье перестало ему улыбаться, и всѣ военныя предпріятія его были уже не удачны. — Отъ Кульма до Ватерлоо его поврще представляетъ, съ весьма малыми исключениями, непрерывную цѣпь поражений.

Мѣсто кульмской битвы не могло остаться безъ монументовъ, которые видимымъ образомъ напоминали бы о ней. Въ самой срединѣ долины, по правую сторону отъ дороги, возвышается чугунный обелискъ, воздвигнутый Австрійскою Арміею въ память храбраго Генерала — Фельдцейхмейстера, Графа Коллоредо-Мансфельда, умершаго въ 1822 г., въ слѣдствіе полуротонная пирамида въ 54 фута вышины; на вершинѣ ея двуглавый австрійскій орелъ; на основаніи пирамиды щиты, въ одномъ изъ которыхъ грудное его изображеніе съ надписью: *былъ страшенъ врагамъ, въренъ друзьямъ*; при самой подошвѣ памятника лежитъ колоссальный богемскій левъ; памятникъ этотъ простъ и величественъ: онъ сооруженъ въ 1835 году. — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находится памятникъ прусскій, поставленный въ 1817 году, готическая башенка-обелискъ, пріятной и строгой формы; рисунокъ и отдѣлка прекрасны; но размѣры нѣсколько малы; высота его только въ 18 футовъ; вершина украшена прусскимъ крестомъ; онъ утверждёнъ на каменномъ пьедесталѣ въ 3 фута вышины; на одной его сторонѣ надпись на Нѣмецкомъ Языкѣ;

павшихъ героевъ чтить съ признательностью
король и отечество.
они покоятся въ мирѣ.

Этотъ памятникъ воздвигнутъ, какъ говорятъ, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ взятъ Вандамъ. Жители, указывая на близлежащее возвышеніе, называемое его настоящимъ именемъ — Горка, рассказываютъ и до нынѣ, что тутъ остановлена

была карета Вандама съ дамами, которыхъ онъ возилъ за собою и во время военныхъ дѣйствій.

Въ долинѣ близъ этого монумента живетъ смотритель, отставной унтеръ-офицеръ Австрійскаго Принца Эмилія Гессенъ-Дармштадтскаго Полка, Иосифъ Беранъ. Многіе изъ нашихъ путешественниковъ видѣли его: въ путевыхъ письмахъ своихъ, Н. И. Гречъ рассказываетъ, что старикъ говорилъ ему: «За два года предъ симъ вашъ Государь съ Императрицею, Императоръ Австрійскій и Король Прусскій посѣтили это мѣсто; Императрица ваша наградила меня старика за 37-ми-лѣтнюю службу, пожаловавъ мнѣ серебряный кубокъ.» — Въ домѣ Берана, въ комнатѣ, украшенной портретами союзныхъ Государей и Австрійскихъ Принцевъ, въ отдѣльномъ кивотѣ за стекломъ, съ надписью: — «пожалованъ Государынею Императрицею Иосифу Берану, 29-го Сентября 1835 года», сохраняется этотъ кубокъ; подлѣ виситъ ножъ, которымъ высокіе посѣтители разрѣзывали хлѣбъ, поднесенный имъ хозяиномъ и сохраняется ломоть этого самаго хлѣба; въ углу мундиръ ветерана и медали: русскія, австрійскія и прусскія. Указывая на прекраснаго трехлѣтняго своего сына, Беранъ говорилъ нашему путешественнику: «Вообразите! Вашъ Государь взялъ его на руки, и младенецъ игралъ крестами на его груди.» — Позднѣйшіе путешественники наши видѣли все здѣсь въ прежнемъ порядкѣ.

Третій памятникъ, русскій, находится верстами двумя далѣе. Онъ величественнѣе двухъ другихъ. Проектъ и самая постройка произведены вѣнскимъ архитекторомъ Нобиле; памятникъ отлитъ изъ чугуна въ Богеміи. Основаніе положено въ Сентябрѣ 1833, а открытіе послѣдовало въ Августѣ 1838 г.; этотъ памятникъ посвященъ Императоромъ Фердинандомъ I русскимъ воинамъ, павшимъ на полѣ битвы. Это усѣченный обелискъ, на сръзанной вершинѣ котораго возвышается колонна и на ней прекрасная фигура крылатой Славы, чертящей на щитѣ: *18-е Августа 1815 г.*; на четырехъ углахъ коронованія базы шлемы; на четырехъ ея сторонахъ латинскія надписи и имена павшихъ здѣсь русскихъ героевъ; на цоколѣ, на каждой сторонѣ, изображенъ левъ. Памятникъ этотъ строгъ, изященъ и величественъ.

Его охраняетъ смотритель Иосифъ Кретчеръ (изъ Лейтмерца), бывший въ пионерномъ корпусѣ. Государь Императоръ и этого ветерана взыскалъ милостію Своею; что касается до русскихъ путешественниковъ, то каждый изъ нихъ посѣщаетъ Кретчера.

Въ трехъ или четырехъ-стахъ шагахъ отъ русскаго памятника находится еще *общій* памятникъ; это костякъ, общая, огромная могила, въ которую сложены въ безчисленномъ количествѣ и еще складываются находимые и понынѣ черепы и кости, страшные остатки ревшшаго здѣсь смертною бурей, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, страшнаго побсища. Ее учредилъ Графъ Вестфаленъ, владѣлецъ кульмскаго замка. Вотъ надпись, начертанная на ней на Нѣмецкомъ Языкѣ:

здесь покоятся
найденные въ послѣднее время
въ ближайшихъ мѣсахъ
черепы и кости
павшихъ въ дни битвы 1813 года.
они покоятся въ мирѣ.
1835.

Мѣсто кульмской битвы составляетъ огромную котловину, въ которой разбросано нѣсколько деревень. Памятникъ русскій находится при одной изъ нихъ, при деревнѣ Пристенъ; австрійскій и прусскій при деревнѣ Арбесса, отстоящей отъ первой, какъ мы сказали, болѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ.

Р. Ил.

На рисунокъ, приложенномъ къ № 24-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) дворецъ и памятникъ въ Ковнѣ (изъ Альбома Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича); 2) русскій кульмскій памятникъ, близъ деревни Пристенъ, въ Богеміи; 3) общая могила на мѣстѣ кульмской битвы, въ Богеміи. (Оба вида рисованы съ натуры В. Тиммомъ).

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ТИММОМЪ.

№ 25.

1-го СЕНТЯБРЯ.

1853 ГОДА.

Въ Русскомъ Инвалидѣ напечатано: «Государь Императоръ изволилъ получить донесеніе Генералъ-Адъютанта Князя Горчакова о вступленіи въ Букарестъ передоваго отряда вѣренныхъ ему войскъ.

Нашимъ читателямъ безъ сомнѣнія любопытно будетъ знать, съ какою быстротою и въ какомъ порядкѣ совершилось движеніе сихъ войскъ въ Придунайскія Княжества.

Высочайшее повелѣніе о переходѣ ихъ чрезъ Прутъ, отправлено отсюда 13-го Іюня — 20-го числа головы нашихъ колоннъ были уже на правомъ берегу этой рѣки, а 3-го Іюля жители Букареста радостно привѣтствовали появленіе между ними русскихъ знаменъ.

Для переправы чрезъ Прутъ назначены были два пункта: Леово и Скуляны.

Въ первомъ пунктѣ перешли границу: 5-я Легкая Кавалерійская Дивизія, 2-я Бригада 15-й Пѣхотной Дивизіи, 4-я Легкая Кавалерійская Дивизія и 1-я Бригада 10-й Пѣхотной Дивизіи, съ ихъ артиллеріею и Донскими Казачьими № 34-го и 37-го Полками.

Чрезъ Скуляны вступили въ Молдавію остальные войска 4-го Пѣхотнаго Корпуса, Донской № 25-го Полкъ и Донская Конно-Артиллерійская № 9-го Баттарея.

Встрѣченные сочувствіемъ жителей Молдавіи, войска направлены были къ Серету тремя колоннами; передовой отрядъ изъ 5-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, съ ея артиллеріею и Донскимъ № 34-го Полкомъ, ускорилъ движеніе къ Букаресту.

Въ Валахіи нашли мы такой же радушный приѣмъ, какъ и въ Молдавіи.

Съ приближеніемъ передоваго отряда къ Букаресту, его ожидали, у д. Колентино, митрополитъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, высшія правительственныя лица, первоклассные бояре и почти все городское населеніе. — По переходѣ моста чрезъ рѣку Колентино, особо назначенный епископъ, со священнослужителями, окропилъ войска святою водою.

Молодецкій и веселый видъ людей и отличное сбереженіе лошадей, поразили всѣхъ жителей: имъ трудно было вѣрить, что эта блистательная конница прошла триста верстъ въ тринадцать дней.

Войска 4-го Пѣхотнаго Корпуса сосредоточиваются въ окрѣстностяхъ Букареста; здоровье ихъ поддерживается,

благодаря Бога, въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. — Въ передовомъ отрядѣ, не смотря на усиленные марши въ знойный жаръ, со времени перехода его чрезъ Прутъ по 3-е Іюля, изъ 5,386 человекъ, заболѣло всего 63 человека и умеръ только одинъ.»

Сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Букарестѣ, главномъ городѣ Валахіи. Въ Букарестѣ считается тысячь до семидесяти жителей. Онъ раскинутъ на огромномъ пространствѣ, по множеству садовъ, въ немъ расположенныхъ. Если глядѣть съ собора, то городъ, съ своими разноцвѣтными крышами, высокими колокольнями, числомъ болѣе шестидесяти, зеленѣющими деревьями и просѣками, перемѣшанными съ громадою зданій, представляетъ самый живописный видъ. Соборъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, откуда виднѣтъ весь городъ. Подобно прочимъ церквамъ въ Букарестѣ, соборъ окруженъ обширными монастырями, съ двумя крѣпкими воротами, надъ которыми возвышаются башни; въ прежнее время онѣ способствовали къ оборонѣ. Въ зданіи, принадлежащемъ къ соборному монастырю, находится зала собранія, въ которой бояре разсуждаютъ о государственныхъ дѣлахъ. Митрополитъ — предсѣдатель собранія, состоящаго изъ сорока трехъ членовъ. Немногіе изъ старыхъ бояръ занимаютъ свои мѣста въ полной и величественной одеждѣ; они носятъ бороду и огромные колпаки. Военные начальники, въ мундирахъ и при шпагахъ, принимаютъ также участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Въ Букарестѣ теперь нѣтъ уже дворца Валахскихъ Князей. Обширный дворецъ, въ которомъ жили прежде господа, сгорѣлъ въ 1812 году. Въ городѣ есть роскошныя бани, на подобіе турецкихъ; театръ, на которомъ играютъ оперы и комедіи; музеумъ естественной исторіи и публичная библіотека. Улицы, кривыя и неодинаковой ширины, построены неправильно и дурно вымощены. Многіе дома немногимъ лучше гнилыхъ деревянныхъ сараевъ. Есть и зданія, замѣчательныя по архитектурѣ; но и самыя лучшіе дома въ Букарестѣ представляютъ жалкія развалины, при всей ихъ вишней роскошной отдѣлкѣ. Въ городѣ живетъ множество Евреевъ.

Господари Валахіи избираются изъ первоклассныхъ бояръ. Нынѣшній Господарь Валахіи, Барбо Дмитрій Стирбей, поставленъ 16-го Іюня 1849 года. Предсѣдатель Верховнаго Суда — Князь Константиъ Гика. — Народоначленіе Валахіи составляетъ 2,500,000 жителей. Православная Вѣра исповѣдуется жителями княжества.

ЯРМАРКА ВЪ ВАЛАХІИ.

. . . . На эту ярмарку стекаются толпы семействъ и цѣлыя деревни Валаховъ и орды цыганъ; также увеличиваются безпрестанно число торговцевъ, плясунговъ, музыкантовъ и любопытныхъ, привлекаемыхъ этимъ торжищемъ, которое продолжается нѣсколько дней. По прибытіи на поле праздника, отпрягаютъ воловъ и лошадей, образуютъ лагерь, и немедленно вырастаетъ кочевой городъ изъ разноплеменныхъ народовъ Валахіи. Валахи располагаются подъ широкими навѣсами изъ бѣлаго холста, къ которымъ примыкаютъ свои грузные возы, у которыхъ жуютъ сѣно упряжные волы и буйволы; цыганъ же можно распознать по темнымъ палаткамъ съ черными полосами.

Со всѣхъ сторонъ поднимается дымъ съ очаговъ, на которыхъ варятъ простую пищу для народа; во всѣхъ палаткахъ переодѣваются для плясокъ. Здоровыя дѣвки валахскія отличаются бархатнымъ чепчикомъ, унизаннымъ блестящими секинами или порами, составляющими ихъ приданое. Иногда чепчикъ, нагруженный червонцами и нарядно убранный для искушенія жениховъ, обременяетъ своимъ вѣсомъ болѣзненную и непригожую голову; напротивъ, не одно благородное и кроткое лице имѣетъ украшеніемъ жалкій вѣнокъ изъ поръ. Цыганскія дѣвушки отличаются особою красотою, сохраняющею отпечатокъ племени, отъ котораго онѣ происходятъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ; въ нихъ можно встрѣтить гибкій и тонкій станъ и нѣжныя оконечности женщинъ береговъ Ганга.

Трудно передать понятіе объ этой шумной и движущейся ярмаркѣ, на которой толпится этотъ людъ. Безпредѣльная равнина, съ которой поднимается густое облако пыли, покрыто палатками, балаганами, возами и скотомъ. Среди этой беспорядочной смѣси, купцы разложили свои товары. Тутъ продаются ткани, платья, мѣха, и съѣстные припасы въ изобиліи. Если которое мѣсто опростается посреди этой подвижной толпы, его немедленно занимаютъ плясуны; они составляютъ большой кругъ, который начинаетъ вертѣться то вправо, то влѣво, медленно и постепенно воодушевляясь по временамъ. Въ этой пляскѣ, мужчины и женщины держатся за руку; музыканты изъ цыганъ стоятъ въ срединѣ круга, и наигрываютъ свои безконечныя аріи. Плясунъ, утомленный отъ этого удовольствія, можетъ его оставить по произволу, и каждый прохожій любитель, желающій принять участіе въ пляскѣ, становится, безъ затрудненія, на его мѣсто: такъ продолжается до ночи этотъ нескончаемый балъ, до котораго Валахи страстные охотники. Однако, при всемъ ихъ увлеченіи къ этой забавѣ, они предаются ей съ замѣчательнымъ достоинствомъ и пристойностью. Даже цыганскія дѣвушки держатъ себя при томъ скромно и прилично. Не рѣдко видишь отъ пятидесяти до шестидесяти плясунговъ, въ разнообразной, живописной одеждѣ, переплетшихся между собою въ одномъ кругу; эти круги повторяются до безконечности на всемъ протяженіи равнины, обращаясь вокругъ пискливаго оркестра цыганъ.

На рисунокъ, приложенномъ къ № 25-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) видъ Букареста, столицы Валахіи; 2) Каѳедральный Соборъ въ Букарестѣ; 3) Церковь Св. Георгія, въ Букарестѣ; 4) петровская ярмарка въ Валахіи; 5) хижины Валаховъ, въ степи; 6) повозка валахская. (Рисунки заимствованы изъ сочиненія А. Н. Демидова «Voyage dans la Russie méridionale etc», съ рисунковъ Г. Раффе (Raffet).)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургъ: для иногородныхъ у издателя Василія Ѳеодоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для городскихъ въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ѳ. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ Эстамповъ Гг. Фельтена и Дадиаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 28-го Августа 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ЯССЫ,

ГЛАВНЫЙ ГОРОДЪ МОЛДАВИИ.

Молдавія не представляетъ тѣхъ обнаженныхъ степей, какія замѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Валахіи. Страна довольно разнообразна, и хотя деревья встрѣчаются въ ней изрѣдка, но земля покрыта такою пышною зеленью, такъ обильно орошена текучими водами, и особенно такъ способна къ произрастенію, что становится жаль, что такая богатая природа не оплодотворена трудомъ человѣка.

Яссы, какъ и Букарестъ, занимаютъ обширное пространство, по той же причинѣ, что дома окружены садами. Вообще видъ города удовлетворителенъ: новыя строенія отличаются вкусомъ и вышнюю опрятностью, которой нѣтъ въ старинныхъ зданіяхъ. Есть широкія, длинныя улицы; въ нѣкоторыхъ же частяхъ города мостовая замѣнила прежнюю деревянную настилку. Здѣсь, какъ и въ Валахіи, по рѣдкости строевыхъ матеріаловъ, нѣтъ значительныхъ зданій; но въ Яссахъ есть примѣчательныя церкви, и многіе дома богатыхъ бояръ, которыхъ наружность представляетъ видъ замковъ. Въ срединѣ города, между богатыми домами, не рѣдко встрѣчаешь пустыри, на которыхъ пасутся домашнія животныя. Наружный видъ города представляетъ менѣе слѣдовъ восточнаго стиля нежели Букарестъ; правда, что пожаръ, бывшій въ 1827 году, разрушивъ старинныя зданія, оставилъ мѣсто для новѣйшей архитектуры, которой формы отзываются стилемъ городовъ новороссійскаго края.

Главная улица въ городѣ населена купцами, мѣнялами, маклерами, факторами всякаго рода, все изъ Евреевъ. Эти неутомимые торговцы, въ Яссахъ какъ и повсюду, жадны къ барышу. Въ старинной части этой широкой

улицы, галерея, поддерживаемая легкими деревянными столбами, служитъ навѣсомъ для магазиновъ. Здѣсь-то видишь Евреевъ, которые, сидя на порогахъ у дверей, подсматриваютъ прохожаго покупателя, и звонятъ въ рукахъ горстью рублей, давая тѣмъ знать о своемъ ремеслѣ (мѣняль). Ткани, модныя вещи, стальные издѣлія, нѣмецкія или англійскія, занимаютъ полки этихъ лавокъ; но странное дѣло: книжная лавка и бібліотека французскихъ книгъ также попали въ средину этихъ портиковъ, захваченныхъ торговлею Евреевъ.

Городъ Яссы не такъ богатъ церквами какъ Букарестъ. Въ немъ одна красивая церковь, о которой стоитъ упомянуть. Она окружена, по обычаю страны, обширнымъ монастыремъ, нѣкогда укрѣпленнымъ, и посвящена Тремъ Святителямъ: Василию Великому, Іоанну Златоустому и Григорію Богослову. Церковь построена изъ хорошаго камня; надъ нею возвышаются двѣ башни. Вся поверхность зданія покрыта чудными, разнообразными арабесками, изваянными на каждомъ ряду камней; узкія окна пропускаютъ внутрь лишь слабый свѣтъ, едва мерцающій при свѣтѣ лампадъ, горящихъ день и ночь подъ тремя куполами. Фрески замѣчательной простоты покрываютъ стѣны храма. Эта богатая церковь, основанная Воеводою Василиемъ около 1622 года, первоначально внутри была вся вызолочена, но пожаръ и грабежъ, во время набѣговъ Татаръ, три раза опустошали ее, не говоря уже о землетрясеніи, которое въ 1802 года едва не разрушило ее до основанія. Церковь Трехъ Святителей нѣкогда имѣла драгоцѣнное сокровище, котораго нѣкоторые остатки и по нынѣ существуютъ. Одинъ изъ этихъ любопытныхъ остатковъ—собраніе картинъ, вышитыхъ Княгинею Θεодосіею, супругою Василія, благочестиваго основателя церкви. Эти работы, рѣдкаго совершенства, представляютъ въ ростъ самую княгиню, искусную художницу, которая умѣла придать жизнь этимъ портретамъ изъ золота, шелка и бархата; затѣмъ слѣдуетъ одинъ изъ двадцати семи ея сыновей, старшій въ родѣ.

Одежда боярина походить болѣе на венгерскую, чѣмъ на восточную. Въ этомъ богатомъ соборѣ хранился также портретъ самаго воеводы, осыпанный жемчугомъ, но, лѣтъ за сорокъ предъ симъ, былъ похищенъ изъ храма неизвѣстно кѣмъ. Къ счастью другой портретъ его остался не прикосновеннымъ на фрескѣ.

Въ Яссахъ учреждена гимназія, которую посѣщаютъ молодые люди изъ хорошихъ семействъ, и которая преуспѣваетъ съ каждымъ днемъ. Въ городѣ считается три типографіи. Основано также общество естественныхъ и медицинскихъ наукъ, и труды его распространяются благодѣтельно на пользу народнаго просвѣщенія. Собраніе естественныхъ предметовъ составляетъ предметъ просвѣщенной заботливости правительства, которое намѣрено присоединить къ нему и звѣринецъ.

Молдаване народъ здоровый, трезвый, дюжій въ работѣ, и способный переносить вліяніе самыхъ противоположныхъ климатовъ. Черты лица ихъ отличаются отъ Валаховъ. Лице ихъ менѣе открыто, и обычай, который они сохранили носить бороду и длинные волосы, придаетъ ихъ фізіономіи видъ почти дикій, такъ что издали ихъ можно принять за тѣ статуи Сарматовъ, которые украшаютъ музеи, и на которыхъ видны слѣды героическихъ побѣдъ древняго Рима надъ варварами. У Валаховъ, напротивъ, замѣчательны красивыя формы, свойственныя образованнымъ народамъ. Молдаване, какъ бы сохранивъ долѣе своихъ сосѣдей преданія кочующей жизни, болѣе ихъ любятъ дальнія путешествія. Составивъ многочисленные караваны, они проходятъ такимъ образомъ безмѣрные пространства, и доходятъ до различныхъ мѣстъ восточной Россіи, перевоза съѣстные припасы и снабжая ими города, разбѣянные на этихъ обширныхъ равнинахъ. Молдаване проходятъ эти степи мѣрнымъ шагомъ своихъ воловъ, и иногда цѣлый мѣсяцъ проводятъ вдали отъ жилья. Съ наступленіемъ вечера, обозъ останавливается, располагается въ кучу, въ видѣ четвероугольника, и оставляетъ воловъ пастись по окрестности, подъ стражею не устра-

шимыхъ собакъ. Потомъ, въ срединѣ четвероугольника, зажигается бивачный огонь, на которомъ вожатые готовятъ свой простой ужинъ, послѣ чего каждый ложится спать, окутавшись грубымъ одѣяломъ изъ войлока. Эти неутомимые пѣшеходы не менѣе того отличные наѣздники; на сѣверѣ княжества у нихъ есть прекрасная порода лошадей, которая рослѣе лошадей Валахиі.

Обыкновенную пищу Молдаванъ составляетъ *мамалыга*, родъ каши, которую они готовятъ изъ кукурузной муки, и ѣдятъ съ молокомъ или жаренымъ саломъ. Самые богатые мужики рѣдко ѣдятъ говядину, и то только на розговѣньѣ.

Языкъ Молдавскій сходенъ съ Валахскимъ. Это нарѣчіе, въ которомъ смѣшаны слова латинскаго и славянскаго происхожденія, получило свою грамматику и азбуку лишь съ 1735 года, стараніями просвѣщеннаго Князя Константина Маврокордато. Валахскимъ Языкомъ говоритъ простой народъ, а бояре издавна употребляютъ Новогреческій Языкъ, который введенъ господами, прибывшими изъ Константинополя и употребляется при Дворѣ. Нынѣ нѣтъ знатнаго дома, въ которомъ Французскій Языкъ и его литература не были бы въ почетѣ.

Въ Молдавіи множество цыганъ, которыхъ нанимаютъ въ услуженіе. Сверхъ того они исправляютъ должность поваровъ, кузнецовъ, музыкантовъ — три ремесла, въ которыхъ они не боятся соперничества въ этихъ странахъ.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 26-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) видъ города Яссы, столицы Молдавіи; 2) Церковь Трехъ Святителей, въ Яссахъ; 3) роздыхъ молдаванскаго обоза, въ степи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иногородныхъ* у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Свѣрной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, О. В. Баунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 7-го Сентября 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

СОЛДАТЪ ОТДѢЛНАГО КАВКАЗСКАГО КОРПУСА.

Наполеонъ, ожегшись на московскомъ пожарищѣ, сказалъ однажды, глядя на нашихъ солдатъ, какъ они дрались въ жестокомъ бою: еслибъ у меня было такое войско, весь свѣтъ завоевалъ бы! И подлинно, что за чудный человекъ нашъ солдатъ! Только что взятый отъ сохи рекрутъ предсталъ на смотръ командира, а тамъ смотришь, въ короткое время, онъ уже исполняетъ свое назначеніе. Годъ — два солдатомъ и уже переродился физически, нравственно и умственно: осанка, поступь молодецкія, какъ у человека съ сознаниемъ своего достоинства; почитателенъ и внимателенъ къ старшимъ; послушенъ всѣмъ начальникамъ, начиная съ приставленнаго къ нему дялки, отъ котораго учится уму-разуму. Въ новобранцѣ проявляется смѣтливость, разумѣніе; онъ отвыкаетъ отъ всѣхъ привычекъ прежняго своего состоянія, и если прійдется ему стать на квартиру у поселянина, то бывший рекрутъ уже гордится тѣмъ, что онъ солдатъ, и рѣчами и поступками внушаетъ и требуетъ къ себѣ уваженія.

Отъ чего же происходитъ такое быстрое преобразование не всегда ловкаго поселянина въ молодецкое существо? Отъ пониманія своего высокаго назначенія и долга — быть защитникомъ отечества и престола, и приносить имъ въ жертву и кровь, и тѣло, и самую жизнь; отъ могучаго духа, оживотворяющаго наше воинство, духа, чести и славы — источниковъ неисчислимыхъ подвиговъ, которыми не только войска, но тысячи солдатъ лично, по одиначкѣ, обезсмертили имена свои и запечатлѣли ихъ въ русской военной исторіи.

Сколько изумительнаго труда, терпѣнія, науки и способностей требуетъ состояніе солдата, потому что ему предстоитъ не только побѣждать непріятеля, какой бы онъ націи ни былъ, но побѣждать и природу: ледянаго ли она пояса, жгучихъ ли лучей Азіи, или песчаной, необозримой безводной пустыни. Повсюду солдатъ долженъ изучить и принаровиться вполне къ характеру враговъ, съ которыми ему предназначено бороться, равно для него гибельныхъ, если онъ нравственно не стоитъ выше ихъ.

Вникнемъ подробно, на примѣръ, въ условія, которыя требуются отъ кавказскаго солдата, для того, чтобъ онъ былъ полезенъ и выполнилъ свое назначеніе.

Мѣстность театра военныхъ дѣйствій на Кавказѣ чрезвычайно разнообразна, но характеръ непріятеля, съ кото-

рымъ солдату предстоитъ бороться, почти одинаковъ. Черкесъ, Чеченецъ, Лезгинъ равно привыкли, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, переносить всѣ переменныя непогоды, и считать ни почемъ жаръ, холодъ, дождь и снѣгъ, подвергаться всѣмъ лишеніямъ, утолять голодь горстью пшена, и, подобно хищному звѣрю, въ какомъ нибудь болотѣ по цѣлымъ днямъ выжидать своей добычи. Привычка считать хищничество единственнымъ занятіемъ, единственною цѣлью своей жизни, искать въ этомъ и средствъ къ пріобрѣтенію и кровожаднаго наслажденія, заставляетъ горца подвергаться такимъ дерзкимъ, отважнымъ предпріятіямъ, на которыя никогда не рѣшится самый отважнѣйшій и прославленный европейскій охотникъ, оказывающій, по описаніямъ, чудеса въ степяхъ Африки, противъ тигровъ, пантеръ и львовъ.

Ночь темная; быстрый Терекъ или Кубань несутъ свои волны морямъ, и въ тишинѣ раздаются только шумъ валовъ, а сквозь мракъ едва виднѣется очеркъ казачьей вышки на кордонной линіи, наупротивъ лежащаго берега. Шапсугъ или Чеченецъ дождался своей поры, уложилъ платье въ кожаный бузлукъ, и, не смотря на холодъ, тихо вошелъ въ рѣку, и плыветъ съ поднятымъ къверху ружьемъ. «Слышишь, Герасимъ, толкнувъ товарища, сказалъ шепотомъ молодой казакъ залегшій въ кустахъ въ секретѣ—сомъ плещется въ рѣкѣ». «Не закусишь языка, такъ этотъ сомъ выпалитъ тебѣ въ лобъ!» отвѣчалъ Герасимъ, и въ то же мгновеніе грянулъ выстрѣлъ, но, благодаря темнотѣ, мимо; казаки отвѣтили залпомъ въ то мѣсто, откуда блеснулъ огонь выстрѣла, а за тѣмъ съ пикета уже скачутъ нѣсколько казаковъ, и если нужно, то бросаются въ рѣку вплавь на конѣ, и догоняютъ подстрѣленнаго разбойника. Что же руководило горцемъ въ этомъ безразсудномъ поступкѣ?... Ничего болѣе какъ звѣрское желаніе убить, а потомъ, при случаѣ и возможности, что нибудь и ограбить на противоположащемъ берегу.

Да не такъ-то легко прокрасться за линію!... Отъ казачьяго чутья и зоркаго глаза не укроешься; они до того изошрились въ постоянной борьбѣ съ врагомъ, что не уступаютъ этимъ врожденнымъ способностямъ горцевъ. На Черноморской Кордонной Линіи, по Кубани, десятки такъ называемыхъ пластуновъ охраняютъ спокойствіе всего Войска. Для пластуна одно существуетъ на свѣтѣ — тайный врагъ, горецъ, неподтишка ночью крадущійся на воровство и на разбой къ границѣ—Кубани, за которою мирно отдыхаютъ, послѣ дневныхъ трудовъ, Черноморцы. Пластунъ дѣйствительно пластомъ, неподвижно, цѣлую ночь лежитъ, по охотѣ, въ камышахъ, въ топи, и почти слышитъ чуткимъ ухомъ какъ трава растеть, и видитъ

какъ роса сохнетъ. Часто пластуны подпалзываютъ къ самому мѣсту сбора хищниковъ, готовящихся прорваться за линію чрезъ Кубань, сосчитаютъ ихъ, узнаютъ ихъ намѣренія, и приготовятся встрѣтить непрошенныхъ гостей. Если нужно, удалые казаки забираются въ непріятельскую землю верстъ за двадцать, высмотрѣть, что дѣлается во вражемъ аулѣ, или подстеречь разбойника, и отметить за смерть сына, отца или товарища. Пластуны— это охотники изъ Черноморскаго Казачьяго Войска, у которыхъ одна семья— Войско, на охрану котораго они и посвятили свою жизнь. У нихъ есть свои зарюки, заговоры, особенныя условія, это удалые казаки, которыхъ создала борьба съ врагомъ хитрымъ, умнымъ, коварнымъ и дерзкимъ. Но русскій солдатъ во всемъ перехитрилъ и превзошелъ Черкеса потому, что его цѣль не хищничество, но святой долгъ, бдительностью своею и искусствомъ, охранять родину и свою семью.

Черкесы дерзко храбры: наѣздникъ бросается на штыки, и если ему удастся выйти невредимымъ изъ боя, съ изодранною чохою, то онъ имѣетъ право подѣхать къ саклѣ первѣйшей красавицы своего племени, и потребовать, чтобъ она заплатала дыры на чохѣ, изорванный русскими штыками; чѣмъ больше этихъ заплатъ, тѣмъ славнѣе наѣздникъ. Противъ такихъ воителей у нашего солдата, сверхъ желѣзнаго штыка, должна быть и желѣзная непоколебимость и твердость духа, и онъ дѣйствительно находится.

Не дешево подобный непріятель отдаетъ свой аулъ, семейство и имущество, когда неожиданно нагрянетъ на него, среди мрака ночи, кара, заслуженная многими злодѣяніями. Только хладнокровная храбрость нашего солдата можетъ остановить, стѣною штыковъ, отчаянныя, яростныя атаки горцевъ, и только при высшей степени дисциплины и порядка солдатъ и распорядительности начальниковъ, колонна можетъ выйти безъ вреда изъ непріятельской земли, окруженная наѣздниками какъ пчелами, у которыхъ разорили ульи. Но еще выше проявляется богатырство нашего солдата, неодолимаго его храбрость и самопожертвованіе, когда вдругъ десятокъ тысячъ непріятелей окружаютъ какой либо фортъ, въ которомъ только цѣсколько сотъ человѣкъ гарнизона, но эти сотни— герои. Вспомните защиту Вельяминовскаго Форта, Михайловскаго Укрѣпленія, незабвенный и славный подвигъ рядоваго Тенгинскаго Пѣхотнаго Полка, Архипа Осипова, который, когда горцы уже одолѣвали, наполнили укрѣпленіе, и бросились было къ пороховому погребу, выждалъ ихъ приближенія, и исполнилъ взятый имъ на себя подвигъ: взорвалъ погребъ! Обрекая себя на столь славную смерть, онъ просилъ товарищей только помнить его имя, если кто нибудь изъ нихъ останется въ живыхъ. Это желаніе Осипова исполнилось. Нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей, уцѣлѣвшихъ отъ общей гибели, сохранили его завѣтъ, и вѣрно его передали, а Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: сохранить навсегда имя Осипова въ спискахъ первой гренадерской роты Тенгинскаго Пѣхотнаго Полка, считая его первымъ рядовымъ, и на всѣхъ переключкахъ, при спросѣ это имени, первому за нимъ рядовому отвѣчать: «погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ Укрѣпленіи.»

И духъ Архипа Осипова живетъ въ кавказскомъ воин-

ствѣ: вспомните славную защиту Ахты, и недавній отпоръ, данный врагамъ гарнизономъ Гостогоевскаго Укрѣпленія. Не земляныя валы, не палисады и каменные стѣны, не картечи и пули остановили и сокрушили набѣгавшія волны безчисленныхъ, разсвирѣпѣлыхъ горцевъ, но штыкъ и грудь безстрашныхъ защитниковъ твердынь русскихъ, и оплотомъ имъ были твердость духа, и высокое сознаніе святаго долга и чести!

Если вы читаете газету Кавказъ, то безъ сомнѣнія помните перепечатанныя въ ней изъ Приказовъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу описанія нѣкоторыхъ подвиговъ храбрости, смѣшленности и находчивости солдатъ этого Корпуса. Помните ли, какъ однажды горцы въ лѣсу захватили одного солдата въ расплохъ, когда онъ рубилъ дрова. Товарищъ его преслѣдовалъ хищниковъ криками на разные голоса, и до того напугалъ ихъ, что они, предполагая себя окруженными большою командою, бросили плѣннаго, и спаслись бѣгствомъ. Въ другой разъ солдатъ отлучился изъ укрѣпленія на охоту. Въ то время какъ онъ ходилъ за дичью, за нимъ крался горецъ, и лишь только охотникъ выстрѣлилъ по птицѣ, Черкесъ подскочилъ къ нему, представилъ къ груди дуло, и требовалъ чтобъ онъ сдался. На пути же когда горецъ, захвативъ плѣнника, сталъ пересыпать порохъ изъ патроновъ, солдатъ, не смотря на то что Черкесъ за нимъ зорко присматривалъ, вдругъ выхватилъ у него кинжалъ; хищникъ выстрѣдилъ, ранилъ охотника, но тотъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ, вогналъ въ море, и тамъ утопилъ.

Въ схваткѣ съ горцами, рядовой Линѣйнаго № 14-го Баталіона, Кузьма Тимофеевъ, увидя что офицеръ его раненъ пулею въ челюсть, а шашкою въ голову, кинулся къ нему на выручку, но былъ окруженъ тремя горцами. Будучи самъ раненъ и контуженъ въ лѣвую руку, онъ успѣлъ однако же заколотъ двухъ горцевъ штыкомъ, и уже замахнулся на третьяго, но подскочившій четвертый однимъ ударомъ шашки отсѣкъ Тимофееву правую руку, а другимъ разрубилъ ему голову.

Во время преслѣдованія непріятеля, при заряданіи одного орудія, загорѣлась гранатная трубка, и граната отлетѣла въ сторону; канонеръ Сергѣй Иващенко схватилъ ее, чтобъ отбросить далѣе, но граната лопнула, и не утрашившій Иващенко палъ жертвою своего самоотверженія.

Трудно перечислить всѣ подобныя подвиги нашихъ солдатъ Кавказскаго Корпуса: они не умираютъ въ памяти ихъ товарищей, и, передаваясь въ каждомъ полку солдатами въ досужій часъ, при огнѣ бивака, дѣйствуютъ магически на старыхъ и молодыхъ, раждая въ первыхъ высокое воинское желаніе умереть съ такою же честью и быть предметомъ благоговѣйнаго воспоминанія товарищей, а во вторыхъ— жажду скорѣе отличиться, заслужить похвалу и имя храбраго.

(Окончаніе впродѣ.)

На рисунокъ, приложенномъ, къ № 27-му Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ «солдатъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, во время зимняго похода въ Дагестанъ», рисованный съ натуры В. Тиммомъ въ 1849 году въ урочищѣ Кусары.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 нумеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер.; за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для иногородныхъ у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для городскихъ въ Конторѣ Редакціи Свѣрной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 20-го Сентября 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

СВЯТЫЯ МѢСТА НА ВОСТОКѢ.

Палестина—Земля Обѣтованная, избранная Создателемъ Мира для совершенія священнѣйшихъ событій. Тысячелѣтія пронеслись надъ Святымъ Сіономъ, поражая насъ дивными его судьбами. Холмы при берегахъ Иордана были главнымъ поприщемъ исторической жизни Еврейскаго Народа, которымъ управлялъ самъ Іегова. Уже во время Авраама извѣстенъ былъ здѣсь городъ Салимъ Мельхиседека, Священника Бога Вышняго, означающій, по толкованію Іосифа Флавія, «мѣсто мира», нынѣшній Іерусалимъ, гдѣ святой праотецъ, съ непоколебимою покорностью волѣ Божіей, приносилъ на жертвенникъ сына своего, таинственно прообразовавшаго Новозавѣтную Жертву Искупителя Мира. Въ Храмъ Іерусалимскомъ, сооруженномъ на мѣстѣ Скинии Царемъ Соломономъ, хранились кивотъ завѣта и другія святыни Вѣтхаго Завѣта. Іерусалимъ всегда назывался въ Палестинѣ Святымъ Градомъ, и еще въ отдаленной древности привлекалъ къ себѣ на поклоненіе всѣхъ, вѣровавшихъ въ истиннаго Бога.

Прошли времена ветхозавѣтныя, умолкли пророчества, пресѣкъся рядъ царей израильскихъ отъ рода Іудина.... Тогда настало время Новаго Завѣта: явился въ міръ Сынъ Божій, Богочеловѣкъ, Иисусъ Христосъ, и озарилъ его свѣтомъ Божественнаго Откровенія. Сынъ Божій, прежде вѣкъ рожденный отъ Отца, воплотился на землѣ отъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Пришествіе Его на землю послѣдовало въ 5508 г., когда Палестина поработилась уже власти Рима. Спаситель родился въ вертепѣ Виѣлеема, города Давидова, и былъ положенъ въ ясляхъ, потому что Святое Семейство не нашло помѣщенія въ домахъ, наполненныхъ народомъ, который стекался сюда для переписи. Вертепъ Рождества Христова обращенъ Греками въ святую церковь, украшенную мраморомъ. На мѣстѣ Рождества Искупителя устроена звѣзда, а тамъ гдѣ были ясли Христіане совершаютъ, на особомъ мраморномъ престолѣ, священнослуженіе. Храмъ этотъ освѣщенъ драгоценными лампадами, пожертвованными изъ Россіи и изъ другихъ европейскихъ государствъ.

На стогнахъ Іерусалима началась спасительная проповѣдь Сына Божія, открывшая цѣль великаго посольства Его на землю—искупленіе міра отъ грѣха, и преподавшая совершеннѣйшее ученіе Вѣры и нравственности, ученіе,

уничтожившее всю классическую мудрость Эллиновъ и Римлянъ. Въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, Господь творилъ чудеса, исцѣлялъ неизлечимыхъ недужныхъ, и воскрешалъ мертвыхъ. Іудея дивилась сверхъ-естественнымъ дѣламъ Его, но книжники и фарисеи, не смѣя отвергать чудесъ, въ-явѣ совершавшихся, преслѣдовали его своею завистью и ненавистью. — Совершилось время проповѣди Іисуса Христа въ земной Его жизни. Сообразно пророчествамъ и прообразованіямъ ветхозавѣтнымъ, Онъ осужденъ былъ безвинно на крестную смерть, преданъ погребенію въ каменномъ вертепѣ, съ соблюденіемъ надъ Святымъ Его Тѣломъ обычнаго въ древности помазанія благовонными мастьями (*), и въ третій день воскресъ изъ гроба со славою. Когда Господь вознесся на небо, Апостолы въ началѣ пребывали въ Іерусалимѣ, гдѣ ниспосланъ былъ на нихъ Духъ Святой, наитіемъ котораго они получили даръ разныхъ языковъ для проповѣди Евангелія до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ міра. — Пресвятая Дѣва Марія поручена была Іисусомъ Христомъ попеченію возлюбленнаго ученика Его, Іоанна Богослова. Она, по успеніи, была погребена въ Геосиманіи, гдѣ до нашихъ дней сохраняется Ея гробница, но уже праздная: по преданію, Богоматерь вознесена Господомъ на небо.

Искупленіе міра крестною смертію Спасителя, совершившееся въ предѣлахъ Палестины, еще болѣе возвысило святость Іерусалима. Промыселъ Божій, къ утѣшенію Христіанъ, бодрствовалъ надъ Святымъ Градомъ! — Обѣтованная Земля, до пришествія Іисуса Христа, подпадала обладанію Персовъ и Грековъ; но ни Киръ, ни Александръ Великій не посягали на святыню Іерусалима. Римляне, напротивъ, разгромивъ Палестину, внесли въ нее язычество, и, въ намѣреніи утвердить идолопоклонство на священномъ Сіонѣ Израиля, переименованномъ ими Эліею Капитолинскою, воздвигли надъ Св. Вертепомъ Погребенія кумиръ Юпитеру,—и что же?—это мнимое торжество язычниковъ послужило видимымъ огражденіемъ Гробу Іисуса Христа и Кресту Его: они невредимо сокрывались въ нѣдрахъ земли, застроенной капищемъ!...

(*) Мѣсто, гдѣ совершилось помазаніе Св. Тѣла Спасителя, вошло въ притворъ Храма Воскресенія; оно украшено мраморнымъ помостомъ, называемымъ *Каменъ Мгропомазанія*, и освѣщено возженными лампадами.

Прошли первые вѣки Христіанства, вѣки непрерывной борьбы съ язычествомъ и непрестанныхъ гоненій на Православныхъ, мужественно переносившихъ мученія въ прославленіе Вѣры Христа Спасителя. Христіанство восторжествовало на Востокѣ, въ IV столѣтіи, при Константинѣ Великомъ, основателѣ Царяграда и знаменитаго Храма Св. Софіи, на берегахъ Босфора. Благочестивая мать его, Царица Елена, открывъ въ Іерусалимѣ Крестъ Господа, соорудила на мѣстѣ погребенія Его великолѣпный Храмъ Воскресенія Христа Спасителя, возобновленный усердіемъ Православныхъ Грековъ, и существующій до настоящей эпохи. Надъ Св. Вертепомъ Погребенія, вошедшимъ въ средину храма, возведена отдѣльная часовня, изящно изсѣченная изъ мрамора. Въ этомъ святилищѣ, на части камня, который отваленъ былъ Ангеломъ отъ Гроба Искупителя, совершаетъ, чередуясь, духовенство греческое, армянское и римское Божественную Литургію, и съ большою торжественностью отправляетъ всенощную службу на Свѣтлое Воскресеніе, при несмѣтномъ стеченіи поклонниковъ изъ всѣхъ Христіанскихъ странъ. Русскіе странники посѣщали Святыя Мѣста отъ первыхъ временъ принятія ими Св. Вѣры: извѣстно, что въ началѣ XII вѣка Игуменъ Даніилъ ходилъ въ Іерусалимъ по обѣту, и испросилъ у Балдуна дозволеніе поставить предъ Гробомъ Господа возженную лампаду.

Казалось, съ царствованія Константина Великаго, настала эпоха процвѣтанія Святыхъ Мѣстъ, однако послѣдующія событія не оправдали надеждъ Христіанъ. Обладателями Обѣтованной Земли были съ VIII вѣка Аравитяне и потомъ египетскіе халифы, но они не притѣсняли Христіанъ; напротивъ, Сельджуки, завладѣвшіе Сирією, безчеловѣчно обращаясь съ поклонниками Св. Гроба въ Іерусалимѣ, возбудили справедливый ропотъ въ Христіанскихъ государствахъ. Насиліе варваровъ побудило ополчиться на нихъ въ Среднихъ Вѣкахъ Западную Европу, и плодомъ Крестовыхъ Походовъ было временное обладаніе Малою Азією и Палестиною, гдѣ Готфридъ учредилъ тогда Царство Іерусалимское. Неустройство сборныхъ полчищъ и грубые нравы рыцарей довели Обѣтованную Землю до того, что она вновь подпала власти враговъ Христа: въ XV столѣтіи, Турки, увлекаемые неистовымъ фанатизмомъ ислама, подъ предводительствомъ Магомета II, разрушивъ одряхлѣвшую Византійскую Имперію и поработивъ Царьградъ и Іерусалимъ, обратили Соборъ Св. Софіи и другіе храмы, знаменитые своею исторією на Востокѣ, въ мечети, и предали расхищенію древнюю святыню Христіанъ.

Между тѣмъ какъ на Востокѣ происходили эти дивныя событія, обширная страна на сѣверѣ Европы, въ которой главное населеніе составляли Славяне, долгое время погружена была въ язычество. Священное преданіе, переданное намъ бытописателями Руси, повѣствуетъ, что когда Апостолы разошлись по разнымъ странамъ свѣта, для проповѣди Божественнаго Евангелія, Апостолъ Андрей

Первозванный отправился на сѣверъ Европы, и доходилъ до предѣловъ Кіева, гдѣ и водрузилъ знаменіе Креста Господня. Сѣмя Вѣры, посѣянное апостольскимъ словомъ среди народа, преданнаго язычеству, пало на плодоносную почву, и ученіе Христа Спасителя стало мало-по-малу укореняться въ землѣ славяно-русской. Съ половины VI вѣка, Греки византійскіе, обезпокоиваемые въ своихъ владѣніяхъ набѣгами Славянъ и участвовавшихъ съ ними за одно дикихъ племенъ инородныхъ, старались просвѣтить южныхъ обитателей нынѣшней Россіи, сосѣдственныхъ съ владѣніями Византійцевъ на берегахъ Чернаго Моря; но только въ эпоху Великокняженія Игоря, супруга его, Великая Княгиня Ольга, принявъ въ Царѣградѣ св. крещеніе и имя Елены (957 г.), положила на Руси прочное основаніе Православію, сооруженіемъ церквей и призваніемъ пастырей изъ Грековъ. Въ X столѣтіи, Великій Князь Владиміръ, нареченный Равноапостольнымъ, вступивъ въ бракъ съ Византійскою Царевною Анною, принялъ Христіанскую Вѣру, по примѣру Святой и Великой Ольги, отъ Царяграда, и призвалъ ко св. крещенію весь Русскій Народъ. Въ послѣдующіе вѣки Христіанская Вѣра принесла Россіи вожделѣнные плоды, и сношенія Русскихъ съ Православнымъ Востокомъ ни только не превращались, но, съ эпохи завоеванія Византіи и Палестины Турками, когда Православная Церковь и Іерархія на Востокѣ приведена была мусульманами въ униженіе, Государи, Святители и всѣ классы народа посылали къ Восточнымъ Патріархамъ значительныя пособія, и эти дары до нашего времени не оскудѣваютъ въ Россіи.

Святыя Мѣста въ Палестинѣ подчинены іерархической власти Іерусалимскаго Патріарха, къ которому предпочтительно обращаются дальніе русскіе путники, пришедшіе на поклоненіе Гробу Господа, и который, съ любовію принимая ихъ въ своемъ домѣ, содѣйствуетъ имъ при обзорѣ Святыни. Но Храмъ Воскресенія Христа Спасителя, обогащенный и украшенный многими приношеніями европейскихъ государей (состоящими изъ иконъ, драгоценной утвари и паникадилъ), находится еще подъ вліяніемъ мусульманскаго правительства. Христіане съ невыразимою скорбію приступаютъ ко входу въ святилище, такъ глубоко почитаемое ими: при входѣ во святыи храмъ, мусульмане за деньги отворяютъ двери его благочестивымъ поклонникамъ Гроба Искупителя!....

Грядущія судьбы Палестины, освященной земною жизнію Спасителя Міра, въ десницѣ Всевышняго, и Святая Православная Церковь, возсылая къ Нему непрестанныя молитвы, повторяетъ съ Пророкомъ-Псалмопѣвцемъ: «Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны іерусалимскія!» (Пс. 50, 20). (*)

Ал. Томилинь.

(*) Кстати припоминаемъ почитателямъ Святыхъ Мѣстъ объ изящныхъ видахъ Палестины, отчетливо и вѣрно снятыхъ академиками Чернышевскими на Востокѣ, и изданныхъ въ 1844 году. Виды Палестины можно получать въ С. Петербургѣ, у Гг. Ратькова, Фельтена и Даціаро.

Ред.

СОЛДАТЪ ОТДѢЛНАГО КАВКАЗСКАГО КОРПУСА.

(Окончаніе.)

Какой чудный видъ представляютъ ночью зимніе кавказскіе биваки. Густые, непроходимые боры, заросшіе исполинскими деревьями, въ нѣсколько обхватовъ толщины, перевитые и сплетенные между собою разнообразными вьющимися растеніями, покрывали на нѣсколько десятковъ, а мѣстами и сотенъ верстъ, равнины и горы въ Черкесіи, въ Дагестанѣ и въ Чечнѣ. Эти лѣса были, казалось, неодолимымъ, оплотомъ непокорныхъ ауловъ, ибо къ нимъ можно было проникнуть только по узенькой тропинкѣ, вьющейся сквозь чащу бора, прегражденной поваленными поперегъ деревьями, за которыми горцы держались съ остервенѣніемъ. Каждый шагъ въ такомъ лѣсу покупался дорого. Пули летѣли изъ гущи листовнаго свода, летѣли градомъ съ боковъ, залпы производились изъ-за поваленныхъ деревьевъ — врагъ невидимо поражалъ, и только картечь, куда могло пройти орудіе, наказывала его, и очищала дорогу. Но не долго лѣса оставались не доступными: настала зима, деревья обнажились, перестали быть непроницаемою заслоною, и вдругъ тысячи топоровъ ударили по корнямъ вѣковыхъ деревьевъ, и они, какъ колосья подъ серпомъ, повалились широкою просѣкою. Изъ перерубленныхъ на части деревь, солдаты складываютъ исполинскіе костры, достойные титановъ, и вотъ, въ вечерній отдыхъ, когда окончилась работа и цѣпи бдительныхъ часовыхъ охраняютъ безопасность отряда, вокругъ огня сидятъ и стоятъ отдыхающіе послѣ работы солдаты, покуриваютъ трубочки, и рассказываютъ объ удали и молодечествѣ своихъ товарищей, выбывшихъ уже изъ строя полка, или о славныхъ дѣлахъ офицеровъ и командировъ. Посмотрите на рисунокъ, приложенный къ № 27-му, изображающій стараго кавказскаго солдата Дагестанскаго Отряда во время зимняго похода. Онъ георгіевскій кавалеръ, и имѣетъ медаль за штурмъ Ахульго. Это, старый, закаленный въ бояхъ воинъ, опытный на дѣлѣ, опытный и въ томъ, какъ должно собраться въ подобный зимній походъ. Шапка съ длинными космами; полушубокъ, съ нашитыми на груди патронташами, затянуть ремнемъ, на которомъ и сума патронная; съ лѣваго бока увѣсистый кинжалъ, а съ правой стороны ножикъ съ вилкою азіатской работы, отнятый гдѣ нибудь съ боя, и отвертка, а въ особой ладуночкѣ сало для смазки ружья; на ногахъ сапоги выше колѣнъ, затянутые ремешками на пряжкахъ, а на плечахъ вмѣсто бурки накинута старая, выслужившая срокъ шинель, и накинута такимъ образомъ, что петли, находящіяся сзади на талии, застегнуты на шеѣ; рукава закинута внутрь, а часть спинки служитъ, во время ненастья, если понадобится, капিশономъ.

У стараго, бывалаго солдата, всякая вещь обдуманно прилажена на своемъ мѣстѣ; у него во всемъ запасъ, но

болѣе всего запаса знаніе своего дѣла, знаніе врага, противъ котораго онъ вышелъ на смертный бой.

Чеченець или Лезгинъ легкокъ, цѣпокъ какъ кошка, быстръ какъ молнія, подползаетъ въ травѣ какъ змѣя, прячется за камни, за деревья, сидитъ крѣпко за каменными завалами, и, когда приходитъ послѣдняя минута, рѣшительно, съ остервенѣніемъ, бросается съ шашкою въ рукѣ на штыки.

Разумѣется и нашъ солдатъ только для зимней экспедиціи одѣтъ, какъ представлено на рисунокѣ, а въ теплую пору онъ вновь все принаровитъ на себѣ такъ, что ни въ чемъ не нуждается на походѣ, и ни что ему не мѣшаетъ; онъ сѣмѣетъ быть такъ же проворнымъ и ловкимъ, какъ горецъ, цѣпляется по скаламъ, пользоваться всѣми случайными закрытіями, и въ рѣшительную минуту броситься въ штыки на сложенный изъ камней завалъ съ одушевителнымъ крикомъ ура, противъ котораго не могутъ устоять ни завалы, ни стѣны ауловъ и саклей, съ рядами винтовокъ, упертыми въ грудь штурмующихъ, и лезвіями шашекъ и кинжаловъ, поражающихъ на смерть. Побѣдительный штыкъ въ рукахъ опытнаго солдата — всеокрушительнъ и нѣтъ ему преграды! А съ какимъ весельемъ, точно какъ на пиръ, идетъ колонна, не только на переходѣ, часто въ сильный, удушающій зной, или въ морозъ, по грязи или по глубокимъ пескамъ, но и на самый штурмъ: пѣсенники впереди, плясуны пляшутъ въ присядку, и, грянувъ хорovou:

«Ахъ зачѣмъ было огородъ городить,

Ахъ зачѣмъ было капусту садить!»

подъ градомъ пуль и картечи, врываются въ проломъ, и лѣзутъ на стѣны.

Удивительно, какимъ образомъ этотъ герой-солдатъ, взятый отъ сохи, съ равнины какой нибудь изъ внутреннихъ или степныхъ нашихъ губерній, въ короткое время можетъ состязаться въ одиночной схваткѣ съ хищникомъ, рожденнымъ въ горахъ, который съ дѣтства привыкъ цѣпляться по скаламъ какъ кошка, и бросаться на добычу какъ тигръ. А между тѣмъ, почти каждый старый, опытный кавказскій солдатъ пойдетъ на единоборство съ подобнымъ разбойникомъ, и почти всегда выйдетъ изъ боя съ честью. Хладнокровіемъ, мужествомъ и необычайной смѣтливостью, качествами которыми солдаты наши обладаютъ въ высокой степени, и наконецъ высокою воинскою дисциплиною, они берутъ перевѣсъ надъ врагомъ храбрымъ, но запальчивымъ, дѣйствующимъ безъ единства и цѣли.

Какъ же послѣ этого не гордиться солдату своимъ состояніемъ, не чувствовать своего достоинства, и не получать отъ всѣхъ должнаго ему уваженія?

Съ тѣхъ поръ какъ человекъ для защиты себя, а потомъ ближнихъ своихъ, взялъ желѣзо въ руки, съ тѣхъ поръ званіе воина было и будетъ навсегда самымъ почетнымъ въ каждомъ государствѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ
РУССКАГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТКА
въ 1853 году.

Русскій Художественный Листокъ, основанный съ Высочайшаго соизволенія въ 1851 году, въ настоящее время единственное въ Россіи періодическое живописное изданіе, вступаетъ, съ 1854 года, благодаря вниманію къ нему всѣхъ любителей изящнаго, въ четвертый годъ своего существованія. Лестный пріемъ, оказанный ему въ высшемъ кругу обѣихъ столицъ и въ губерніяхъ, доказалъ, что это изданіе удовлетворило ожиданіямъ публики, и издатель также въ 1854 году употребить съ своей стороны всѣ усилія, чтобъ придать Русскому Художественному Листку разнообразіе и занимательность, необходимыя для подобнаго изданія. Слѣдуя неуклонно программѣ Русскаго Художественнаго Листка, онъ представитъ своимъ подписчикамъ *все*, близкое русскому сердцу и все, драгоценное для русской жизни, какъ прошедшее такъ и въ особенности современное. Издатель предпринималъ для того, лѣтомъ 1853 года, поѣздки по Россіи; завелъ художниковъ-корреспондентовъ въ губерніяхъ, и нынѣ, съ Высочайшаго соизволенія, поѣхалъ въ Кіевъ, для снятія съ природы рисунка торжества открытія вновь построеннаго тамъ моста; нѣтъ сомнѣнія, что на пути своемъ онъ встрѣтитъ много другихъ предметовъ, достойныхъ вниманія, которые и не замедлитъ представить въ Русскомъ Художественномъ Листкѣ.

Въ 1853 году цѣна Русскому Художественному Листку, по случаю измѣненія почтовой таксы за пересылку періодическихъ изданій, не была возвышена, подобно тому какъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Желая угодить въ этомъ отношеніи своимъ подписчикамъ, издатель и на 1854 годъ оставилъ цѣну своему изданію прежнюю, принявъ всѣ расходы по пересылкѣ, свѣше прежнихъ, на себя, въ надеждѣ на готовность читателей поддержать Русскій Художественный Листокъ. Нѣкоторые книгопродавцы, въ разосланныхъ ими объявленіяхъ 1853 года, возвысили цѣну до 10-ти и до 12-ти руб. сер., не оговоривъ условій подписки на Русскій Художественный Листокъ, означенныхъ ниже, а потому издатель считаетъ долгомъ предупредить своихъ подписчиковъ объ этихъ самопроизвольныхъ цѣнахъ, назначенныхъ лицами, съ которыми онъ не имѣетъ ни какихъ сношеній, и проситъ подписываться только въ мѣстахъ, означенныхъ въ каждомъ номерѣ Листка, и въ его собственныхъ объявленіяхъ. Программа Русскаго Художественнаго Листка остается прежняя.

При рисункахъ будутъ самыя краткія ихъ описанія, гдѣ необходимо съ историческими поясненіями. Рисунки будутъ исполняемы на камнѣ самимъ издателемъ, В. Тиммомъ, и печатаемы въ два тона въ лучшихъ петербургскихъ литографіяхъ.

Согласно своей программѣ, Русскій Художественный Листокъ и въ наступающемъ 1854 году будетъ выходить по три раза въ мѣсяцъ: 1-го, 10-го и 20-го числа, въ

поллиста большаго формата рисунковъ, а текста будетъ прилагаемо, сколько потребуется, смотря по описанію изображеній. Въ семь случаевъ издатель будетъ слѣдовать тѣмъ же правиламъ, какъ и въ 1853 году.

Подписная цѣна: съ доставкою на домъ здѣсь, въ С. Петербургѣ, и съ пересылкою во всѣ города Имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, 9 руб. сер., за СЛОЖЕННЫЕ экземпляры въ наглухо-заклеенныхъ конвертахъ, которые будутъ разсылаемы немедленно по выходѣ въ свѣтъ (три раза въ мѣсяцъ), а 12 руб. сер. за НЕСЛОЖЕННЫЕ, наверху на палку и обшитые холстомъ, которые будутъ разсылаемы не три раза въ мѣсяцъ, а однажды, 1-го числа каждаго мѣсяца, по три номера вдругъ. Гг. *иностранцы* благоволятъ относиться къ самому издателю Василью Федоровичу Тимму, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека, въ С. Петербургѣ.

Подписка также принимается: въ С. Петербургѣ, съ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы, на Мойкѣ, у Почтамтскаго Мостика, въ домѣ Греча; въ книжныхъ магазинахъ: П. А. Ратькова (Контора Отечественныхъ Записокъ) и Ѳ. В. Базунова (Контора Современника); въ магазинахъ Гг. Фельтена и Даціаро, на Невскомъ Проспектѣ; Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ); въ литографіи А. Минстера, по Большой Садовой, въ домѣ Риттера и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта. Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова, П. А. Ратькова и въ магазинѣ эстамповъ Г. Даціаро, на Кузнецкомъ Мосту.—С. Петербургскіе подписчики могутъ, по примѣру нынѣшняго года, получать сами, за девять руб. сер., всѣ номера несложенные, немедленно по выходѣ въ свѣтъ, изъ Конторы Редакціи Сѣверной Пчелы, и изъ магазиновъ П. А. Ратькова и Ѳ. В. Базунова.

ПОПРАВКА.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 28-го Русскаго Художественнаго Листка сдѣлана ошибка въ подписяхъ на рисунокѣ: видъ Виелеема названъ видомъ Иерусалима и наоборотъ. Считаемо долгомъ замѣтить, что видъ Иерусалима представленъ на рисунокѣ, приложенномъ къ сему номеру, подъ видомъ, изображающимъ Голгоѳу (Лобное Мѣсто), а видъ Виелеема подъ рисункомъ, изображающимъ Вертепъ Рождества Иисуса Христа.

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 28-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены Святія Мѣста въ Палестинѣ: 1) Вертепъ Рождества Иисуса Христа, въ Виелеемѣ; 2) входъ въ Часовню Гроба Господня, въ Храмѣ Воскресенія, въ Иерусалимѣ; 3) Голгоѳа (Лобное Мѣсто), въ томъ же храмѣ; 4) Камень Мвропомазанія, въ томъ же храмѣ; 5) входъ въ погребальный Вертепъ Пресвятой Богородицы, въ Геосиманіи, въ Иерусалимѣ. Также виды: 1) Иерусалима и 2) Виелеема.

МЕЙДАНЪ.

(ВЪ ТИФЛИСЬ.)

Мейданомъ въ Тифлисѣ называется главная торговая площадь. Для Европейца слово базаръ или рынокъ не имѣетъ ни того значенія, ни того интереса, какое заключается для Азіятца въ магическомъ словѣ *мейданъ*, потому что вся общественная жизнь, всѣ ремесла, всѣ торговля и промышленныя сдѣлки отправляются въ рядахъ лавокъ, окружающихъ улицы и площади, въ особенности на мейданѣ — средоточіи всевозможной торговли. Тифлисскій житель, точно такъ же какъ и всего Закавказья, Азіятской Турціи и Персіи, выходитъ изъ дома съ ранняго утра и возвращается домой только при закатѣ солнца, чтобъ поѣсть плотно и залечь спать, а весь день проводитъ въ лавкѣ за торговлею или ремесломъ, а если онъ ни тѣмъ, ни другимъ не занимается, то въ лавкѣ пріятеля за трубкою табаку, или кальяномъ, слушаетъ сплетни, новости, судитъ о дѣлахъ и событіяхъ, и заранѣе опредѣляетъ чему быть и чему не бывать. Первѣйшее наслажденіе для этихъ празднотворившихъ болтуновъ — рассказать что либо новенькое, котораго еще никто не слыхалъ и не знаетъ, а потому у всѣхъ на языкѣ одинъ вопросъ при встрѣчѣ: *что новаго?* Такимъ образомъ этимъ людямъ не надобны газеты: они знаютъ и безъ нихъ все, что дѣлается на свѣтѣ, и слухи о дальнихъ событіяхъ, переходя изъ устъ въ уста, какъ по телеграфу, сообщаются имъ ранѣе, чѣмъ приходятъ по почтѣ или съ курьеромъ, а центромъ всѣхъ этихъ дѣйствій и удовлетворенія любопытства праздностью, развитаго въ высшей степени, служитъ мейданъ: по этой-то причинѣ во всякомъ Азіятцѣ онъ и возбуждаетъ къ себѣ магическое влеченіе.

Тифлисскій мейданъ составляетъ небольшую площадку, до двадцати сажень въ квадратѣ, къ которой сходятся множество улицъ и переулковъ, служащихъ единственнымъ средствомъ сообщенія Навтлуга и Авлабара, а съ другой стороны Квартала Банныхъ Воротъ съ Старымъ Городомъ и Гаретубанью. По этому здѣсь непостижимое и постоянное столкновеніе множества народа, телѣгъ, арбъ съ тяжестями, верблюдовъ, эшаковъ или вычюныхъ ословъ, каретъ, дрожекъ, колясокъ — словомъ всѣ представители Азіи и Европы толпятся здѣсь какъ въ водоворотѣ: шумъ, брань, крикъ продавцевъ разныхъ продуктовъ, крикъ различныхъ животныхъ, возгласы, привѣтствія и остроты на

двадцати языкахъ, заставляютъ попавшаго въ первый разъ въ этотъ омутъ по неволѣ заткнуть себѣ уши. Наконецъ, тамъ присутствуетъ еще одна неотъемлемая принадлежность Востока, которой нельзя передать ни перомъ, ни кистью — это запахъ, многообразный, не разлагаемый, и только привычное, опытное обоняніе можетъ въ немъ открыть преобладаніе чеснока, т. е. квашенаго полеваго чесноку, весьма *полезительнаго*, но запахъ котораго не покидаетъ человѣка нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ вкусилъ этого здороваго, благоуханнаго зелья.

Прежде чѣмъ возьмемъ на себя трудъ ознакомить читателя въ частности съ дѣйствующими лицами и характерами этой сцены — мейдана, позвольте абрисовать его обстановку и декораціи, для объясненія прекраснаго вида упомянутой площади, мастерски вѣрно изображенной (*) карандашемъ извѣстнаго нашего художника-любителя Князя Г. Г. Гагарина, и съ позволенія его передаваемого подписчикамъ Художественнаго Листка въ прилагаемомъ при семъ рисункѣ.

На заднемъ планѣ, по срединѣ картины, представленъ метехскій или тюремный замокъ, построенный въ 1822 г., на углу высокой скалы, у подножія которой протекаетъ быстрая и шумная Кура. Изъ-за стѣнъ Метеха виднѣется одна изъ самыхъ древнѣйшихъ тифлисскихъ церквей. Далѣе, по хребту скалы, тянется рядъ домовъ и саклей и оканчивается въ перспективѣ изображеніемъ остатковъ дворца Царицы Даріи. Видъ съ этого мѣста на старый и новый городъ, окоймленный слѣва Мтацминскою Горою, а впереди проектирующійся по теченію Куры, въ глубь горъ до самой снѣговой вершины Казбека — очарователенъ! Самый мейданъ обставленъ рядами лавокъ и караванъ-сараявъ. Прямо, на концѣ улицы, ведущей къ старому мосту, чрезъ Куру, стоитъ большой трехъ-этажный караванъ-сарай, занятой въ низу лавками; въ верхнихъ же ярусахъ, окруженныхъ галереями, помѣщаются *гости*, т. е. пріѣзжіе купцы и люди, прибывающіе въ Тифлисъ по различнымъ дѣламъ. Почти каждый караванъ-сарай соединяетъ съ себѣ и гостинный и постоялый дворъ, со всѣми потребностями, въ числѣ коихъ одна изъ первѣйшихъ — писецъ прошеній, привилегированный въ каждомъ дворѣ. Лѣвая и правая

(*) Рисунокъ этотъ заимствованъ изъ *Caucase Pittoresque* (Живописный Кавказъ), изданія, пріобрѣтшаго себѣ европейскую извѣстность восхитительными рисунками Князя Г. Г. Гагарина. Въ С. Петербургѣ его можно получать въ эстампномъ магазинѣ Г. Фельтена (на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голландской Церкви). До нынѣ вышли 11 выпусковъ. Цѣна выпуска 5 р. 70 к. сер. Всего будетъ 20 выпусковъ.

сторона улицы, идущей отъ караванъ-сарая къ мейдану, состоятъ изъ одно-этажныхъ лавокъ, съ полотняными навѣсами или маркизами, въ которыхъ, съ правой стороны, продаются желѣзные и мѣдные вещи русскаго фабричнаго произведенія, доставляемыя съ нижегородской ярмарки, какъ-то: всѣхъ родовъ желѣзо въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, дверные и оконные приборы, самовары и чугунные печи; также канаты и прочее въ этомъ родѣ, а въ находящихся съ лѣвой стороны — веревки, гвозди, дробь, бурки, конская упряжь и тому подобное. Съ крайней же лавки, выходящей на мейданъ по правую сторону, гдѣ возвышается изразцовый минаретъ старинной мечети магометанъ аліевой секты, отъ фонтана, начинаются овощной, зеленый и фруктовый ряды, гдѣ во всякое время года навалены груды зелени въ сыромъ видѣ, составляющей, въ непомѣрномъ количествѣ, необходимую приправу стола всякаго Азіятца. Арбузы, дыни, лукъ, яблоки, груши, капуста, редисъ, недоспѣлая алыча (родъ сливы), персики и абрикосы или черешня, смотря по времени года — навалены не кучами, а горами. Чуть свѣтъ, съ первыми лучами солнца, цѣлыя вереницы эшаковъ, ословъ, навьюченныхъ огромными корзинами, наполненными плодами садоводства и огородничества, входятъ во всѣ заставы въ городъ, и направляютъ скромные свои шаги къ мейдану и прилежащимъ къ нему улицамъ. Когда эти милыя животныя столпятся передъ лавками и начнется выгрузка, то, глядя на это необъятное количество привезенныхъ ими продуктовъ, невольно подумаешь: да кто же съѣстъ такую пропасть плодовъ и зелени? Этого всего было бы довольно и для Лондона! а къ вечеру, смотришь, все разобрано. Между этими лавками есть и такія, которыя, не знаемъ, къ какому роду торговли причислить: на веревочкахъ висятъ пучки сальныхъ свѣчъ, рядомъ съ ними цѣпъ изъ замковъ, вдѣтыхъ шейка въ шейку, потомъ головки сахара, длинныя низанки краснаго стручковаго перца, вновь пучки сальныхъ свѣчъ, гирлянда изъ винограда или яблоковъ, и такъ далѣе, а подъ ними, въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, рисъ, фасоль, шишки кукурузы, разнаго рода крупа, мука, соленые огурцы, и тому подобныя припасы. Въ лавкахъ же съ лѣвой стороны лицеваго фасада мейдана картина другаго рода, ибо тутъ уже висятъ не связки яблоковъ и сальныхъ свѣчъ, а фазаны, дикія козы, утки, олени и прочая дичь, а на выставленныхъ впереди латкахъ, сверхъ всякой зелени, муки и крупъ, коровье масло, медъ, сыръ, рыба, творогъ, и прочее. Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди крайней лавки, стоитъ каменный фонтанъ съ изсякшею струею; онъ окруженъ столиками, на которыхъ возсѣдаютъ, поджавши подъ себя ноги, мѣнялы и кричатъ во все горло: бумажки, червонцы, сюда размѣнять!.. или: мѣдные деньги, сюды любезны! Чисты чудесны, деньги росейски, кому угодны пятаки новы! У подножія этихъ столиковъ сидятъ сотни бабъ и мужиковъ съ произведеніями деревенскаго хозяйства: молокомъ, сыромъ,

сметанною, масломъ, яйцами, всякою птицею живою и битую, поросятами, живыми и колотыми.

Промежъ этого фонтана и овощныхъ лавокъ идетъ одинъ проулкъ въ такъ называемые темные ряды, гдѣ торгуютъ краснымъ товаромъ европейскаго и азіятскаго издѣлія. Далѣе, лѣвый фасъ мейдана занимаютъ ряды лавокъ, наполненныхъ разными хозяйственными припасами: горохомъ, мукою и плодами, а передъ ними, на столикахъ, продаются готовыя кушанья: густая, горячая каша изъ пшена, родъ густаго киселя, квашеная черемша и чуреки, т. е. хлѣбъ или лепешки, толщиною въ палецъ и другаго сорта хлѣбъ — длинный, аршина полтора, тониною какъ сахарная бумага, служащій салфеткою, которую въ заключеніе обѣда можно скушать; этого рода хлѣбъ называется левашъ. Лѣвый фасъ лавокъ заключается виннымъ погребомъ или духаномъ, который служитъ началомъ цѣлой вереницы такихъ духановъ, вытягивающихся по обѣ стороны улицы, идущей на соединеніе съ армянскимъ базаромъ. Здѣсь вмѣсто вывѣски лежатъ, у входа въ открытую лавку, надутые бурдюки; во внутренности духана виднѣется бочка съ водкой и всѣми указной мѣры сосудами на прилавкѣ; на полкахъ батареи штофовъ, бутылокъ и въ томъ числѣ съ шампанскимъ и портеромъ, а на полу и на нарахъ ярусы всѣхъ возможныхъ размѣровъ бурдюковъ, наполненныхъ кахетинскимъ виномъ. Бѣдные животныя, мясо которыхъ уже давно съѣдено, а шкуры наполнены виномъ, безмолвно лежатъ на спицѣ съ поднятыми къ верху лапками, и странное дѣло, каждый, кто коснется губами этихъ лапокъ, и, кажется, не много поубавитъ содержимаго въ шкурахъ, а смотришь, то же превращается въ бурдюкъ, и валяется въ томъ же положеніи, и часто еще въ грязи.

Правый фасъ мейдана составляютъ лавки, назначенныя для помѣщенія разнаго зерноваго хлѣба, скупаемаго тутъ же на площади отъ поселянъ; другія заняты продажными чувалами или шерстяными мѣшками, палассами или гладкими коврами, бурками, шерстяными веревками и тому подобными издѣліями женщинъ, преимущественно изъ кочевьевъ татарскихъ дистанцій. Въ этомъ ряду есть нѣсколько сапожныхъ мастерскихъ и шорныхъ, въ которыхъ эти работы, какъ и всѣ другія, безъ исключенія, отправляются открыто въ лавкахъ, и мастера какого нибудь ремесла не надо отыскивать въ такомъ-то домѣ, подъ такою-то вывѣскою, а тутъ же, идя своею дорогой, видишь товаръ лицомъ — хочешь, покупаешь, не хочешь — мимо. Конецъ этого фаса заключается огромными вѣсами подъ крышкою, на которыхъ взвѣшиваютъ всѣ тяжести, покупаемыя на вѣсъ. Наконецъ задняя сторона мейдана состоитъ изъ особаго рода духановъ — азіятскихъ харчевень для простонародья. Въ нихъ, на прилавкахъ, разставлено различное жаркое, похлебки, пловъ, который отъ жира такъ и блеститъ на солнышкѣ; графины и штофы съ волкою всѣхъ цвѣтовъ; въ одномъ изъ графиновъ плаваеетъ огурчикъ, а въ дру-

гомъ перцевый стручекъ; здѣсь красуется миска пахучей черемши, тамъ висятъ балыки, любимая Грузинами шема, лежатъ груды осетинскаго соленого сыра. Все это выставлено съ большимъ искусствомъ на показъ, такъ чтобъ невольно потекли слюньки и заманило въ духанъ, а если слабый смертный поддастся искушенію, и отвѣдалъ чего либо, и какъ это все солено и ѣдко — то закуска не обойдется безъ того, чтобъ ее не запить, и тогда кахетинское польется, а съ нимъ и уплывутъ денежки, вырученныя за продажу продуктовъ, привезенныхъ на базаръ. Впрочемъ, развѣ это искусство прельщать и заманивать въ лавки не вездѣ одинаково? Нѣтъ его на Невскомъ Проспектѣ, какъ на тифлисскомъ базарѣ? Человѣкъ вездѣ одинаковъ: смысленный и пройдоха, повсюду и всегда, пользуется слабостью ближняго. Не у всѣхъ же такое сильное воображеніе, какъ у одного моего знакомаго тифлискаго муши, т. е. носильщика тяжестей, которому однажды захотѣлось поѣсть паюсной икры, а жаль было денегъ на покупку. Вотъ онъ съѣлъ насупротивъ духана, оторвалъ кусокъ леваша, мазнулъ имъ по воздуху въ направленіи, гдѣ, чрезъ улицу, на прилавкѣ, стояла икра, и съ улыбкою поднесъ этотъ кусокъ ко рту, и проглотилъ его съ наслажденіемъ. «Что ты дѣлаешь?» спросилъ его прохожій Грузинъ. — Что? чурекъ ѣмъ съ икрой.—«А гдѣ же икра?» — А вотъ тамъ, напротивъ, въ духанѣ! отвѣчалъ муша, и продолжалъ лакомиться, не платя за икру.

Надъ заднею стороною мейдана, которая по весьма естественной причинѣ не могла быть представлена на рисункѣ, возвышается, тоже невидимый для читателей этой статьи, повѣряющихъ описаніе картинкой, довольно высокій хребетъ горы, составляющій лѣвый бокъ Солалаккаго Ущелья, который увѣнчанъ живописными развалинами старой крѣпости, въ послѣдній разъ разрушенной въ 1795 году, въ ужасное нашествіе Персидскаго Шаха Аги-Мухаммедъ-Хана.

Вотъ полная обстановка мейдана, или сцены, на которой каждый день перебивается по крайней мѣрѣ половина населенія Тифлиса, а это составитъ, съ иногородными, рабочими и поселянами, тысячъ двадцать, если не болѣе. Не говоря уже о постоянно присутствующихъ на этой площади людяхъ, какъ на принадлежащемъ имъ мѣстѣ, какъ у себя дома, сколько такихъ, которые не могутъ миновать мейдана, если имъ нужно быть на Авлабарѣ, Навтлугѣ или въ баняхъ, въ ботаническомъ саду, въ таможи и прочихъ въ старомъ городѣ лежащихъ мѣстахъ, или, жильцамъ этихъ кварталовъ и частей, если надобно быть въ лавкахъ за покупкою, и въ новомъ городѣ по дѣламъ службы.

Ранѣе всѣхъ, съ восходомъ солнца, площадь эту оживляютъ тысячи чернорабочихъ, толпами стекающихся въ Тифлисъ изъ Эриванской и Кутаисской Губерній, Мингреліи и даже изъ Персіи. Одновременно съ ними являются на пло-

щадь хозяева и прикащики нанимать этихъ рабочихъ на постройки, на земляныя работы, въ сады и тому подобное. Шумно, крикливо расходятся толпы этого народа, а излишніе, въ ожиданіи наемщиковъ, остаются на мѣстѣ, у стѣнокъ лавокъ, хоть до слѣдующаго утра. Затѣмъ торжественно въѣзжаютъ на площадь эшаки, навьюченные двумя огромными сапетками (плетеными корзинами), наполненными овощами и фруктами, груды коихъ увѣнчаны букетами цвѣтовъ. По мѣрѣ того какъ разгружаютъ этихъ молчаливо-важныхъ животныхъ, они, освобождаясь отъ ноши, изъявляютъ радость облегченія пронзительными криками съ модуляціями, и поютъ такъ хорошо, такъ выразительно, что ихъ называли грузинскими соловьями. Ослы на свободѣ чинно подходятъ къ своимъ знакомымъ и пріятелямъ, привѣтствуютъ другъ друга хлопаніемъ ушей, маханіемъ хвоста, а комплименты и любезности выражаютъ тѣмъ усладительнымъ, нѣжнымъ голоскомъ, о которомъ сказано выше, и который слышенъ за пять веретъ. Но скоро сапетки всѣ опорожнены, и эшачники, безъ всякой церемоніи, непривѣтливими криками и ударами палки, разгоняютъ почтенныхъ собесѣдниковъ, не докончившихъ изъясненій, и гонятъ ихъ въ обратный путь; при этомъ иному эшаку прійдется еще тащить домой на своей спинѣ погонщика, дѣтину здоровеннаго, ноги котораго волочатся по землѣ, и такая шестиногая фигура издали можетъ удивить зоолога. Затѣмъ свезенные въ лавки продукты приводятся въ порядокъ, надлежащую красоту и заманчивое расположеніе, чтобы товаръ выказать лицомъ.

Эшаки уступаютъ мѣсто арбамъ, запряженнымъ буйволами, на которыхъ свозится брусковая кульпинская соль, эриванскій и нухинскій рисъ, мѣшки, наполненные лукомъ, ячменемъ, тузлуки съ масломъ, сыромъ, кислымъ молокомъ, съ коноплянымъ масломъ и другими продуктами. Такъ какъ скоту не позволяютъ оставаться на этомъ тѣсномъ пространствѣ, то его съ арбами возвращаютъ домой, а остаются при товарахъ только ихъ хозяева, которые, подъ палящими лучами солнца, или хлопьями падающаго снѣга, безопасно лежатъ себѣ на землѣ, въ ожиданіи покупателей, растянувшись въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Здѣсь смѣсь лицъ и костюмовъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Закавказье: Осетинъ, Тушинъ, полу-Арабовъ, кочевыхъ Татаръ, Лезгинъ, Курдовъ, Аджарцевъ, Ассирійцевъ, Имеретянъ и Персіянъ—всѣхъ не перечесть и не абрисуешь ихъ костюмовъ, оруженія, разнообразныхъ типовъ лица и положеній, принимаемыхъ соотвѣтственно характеру племени: трудолюбивому и тунейдному, храброму, или такъ себѣ, на видъ смиренному, а подъ часъ, шаловливому.

Наконецъ солнце уже довольно высоко вкатилось на небосклонъ; всѣ лавки отворены, наполнены купцами, ихъ прикащиками и зазывщиками; шумъ, говоръ, гамъ возрастаютъ, и порою покрываютъ ихъ громкіе, нараспѣвъ провозглашаемые зазывы: Ой, чуреки горячи! Кто хочетъ, рыба

свѣжая! Сюда пожалуй на цимать хорошіи!... и такимъ образомъ провозглашаются достоинства всѣхъ продуктовъ на ломаномъ Русскомъ, Татарскомъ и Армянскомъ Языкахъ. Лавочникъ самъ не кричитъ, или очень рѣдко, а исполняютъ эту обязанность мальчишки, и не жалѣютъ пронзительнаго своего голоса на всю площадь. Крики эти учащаются и усиливаются по мѣрѣ прибыванія покупателей, а на жизненные припасы недостатка въ потребителяхъ не будетъ, они являются сюда толпами со всего города въ лицѣ поваровъ, кухарокъ, денщиковъ и самихъ барынь. Въ то же время на площади идетъ закупка каменной соли, луку, постнаго масла; въ лавкахъ тоже началась торговля, и всѣ озабочены, толкаются въ тѣсотѣ, а тутъ крикъ надъ ушами: *хабарда* т. е. берегись! оглянешься, и дѣйствительно надо беречься — извозничья лошадь уже уперлась мордой въ вашу спину; посторонись, а тамъ или арба, запряженная страшными буйволами, которые сопятъ отъ жара, или эшакъ, навьюченный сапетками угольевъ, оспариваютъ у васъ дорогу; отъ нихъ увернешься—чуть не попалъ подъ караванъ верблюдовъ, чинно и мѣрно ступающихъ по мостовой съ огромнымъ грузомъ межъ горбовъ и сверху еще сидящимъ погонщикомъ, который и не заботится предостеречь, чтобъ посторонились, зная, что такому примѣтному, осанистому животному и безъ того всякій уступить дорогу. Но это не уменьшаетъ общаго шума и гама, а, напротивъ, увеличиваетъ крикъ на всевозможныхъ языкахъ. Въ этой тѣсотѣ снуютъ покупщики и торгаша всѣхъ возрастовъ и сословій; мелкіе продавцы платя, бѣлья и сапожнаго товара; горцы, продающіе клинки шашекъ, кинжаловъ и ружья; чиновники, идущіе на службу; вереницы женщинъ, окутанныхъ въ бѣлыя чадры, пробирающихся въ бани; доктора на дрожкахъ; большія барыни въ коляскахъ; нищіе, которые переходятъ изъ лавки въ лавку, чтобы получить яблоко, картофелину, гвоздь, шелковинку или булавку — они довольствуются малымъ, а подъ вечеръ, собравшись вмѣстѣ, другъ у друга вымѣниваютъ подачки, такъ что у одного очутится только шелкъ, у другаго картофель, а у третьяго гвозди, и потомъ все это сбывается извѣстнымъ торгашамъ за чистыя деньги; наконецъ вся толпа невольно съ почтеніемъ разступается предъ человѣкомъ не высокаго происхожденія, просто предъ мужикомъ изъ Имеретіи, но ремесломъ—мушею, человѣкомъ достойнымъ уваженія, потому что онъ на своей спинѣ несетъ штукъ пять трехъ-саженныхъ досокъ, или все имущество жильца, переѣзжающаго на другую квартиру, т. е. кровать съ матрацомъ,

на ней комодъ, пара стульевъ и столъ, или огромный тюкъ хлопчатой бумаги, такъ что въ иномъ переулкѣ тюкъ едва не касается обѣихъ стѣнъ улицы. Трудно повѣрить какую ужасную ношу несетъ на себѣ муша, согнувшись дугой, обливаясь потомъ, и безмолвно, мѣрно ступая по мостовой; одинъ невѣрный шагъ, и онъ можетъ спотыкнуться, и тогда собственная ноша его задавить, чему бывали примѣры. Вотъ почему предъ силачемъ-мушею всѣ разступаются, да и не выгодно не дать ему дороги, иначе, идя съ потупленною внизъ головою, онъ не примѣтитъ васъ, и концами досокъ ударитъ въ лобъ. Тифлисскіе жители помнятъ, какъ одинъ подобный силачъ несъ по Эриванской Площади кузовъ четверомѣстной кареты! Это не выдумка.

Такія картины, давка, суматоха, крикъ, гамъ, то уменьшаясь, то увеличиваясь, продолжаются цѣлый день, до заката солнца, и наконецъ, когда стемнѣетъ, въ лавкахъ и духанахъ зажигаются свѣчи, воткнутыя въ чашки съ лобією или просомъ, которыя освѣщаютъ площадь и всю движущуюся фантазмагорическую картину мейдана. При этомъ новомъ освѣщеніи дѣятельность базара продолжается до десяти часовъ ночи, постепенно слабѣя, пустѣя, темнѣя, и наконецъ охрипшіе голоса зазывщиковъ и торгашей смалкиваютъ; всѣ огни гаснутъ, за исключеніемъ двухъ тусклыхъ фонарей, долженствующихъ освѣщать площадь; лавочки закрываются, и всѣ расходятся по домамъ. Но нѣтъ, не всѣ: бездомные муши-носильщики, послѣ утомительныхъ трудовъ дня, остаются отдыхать и почевать подъ стѣнками духановъ, по близости мѣстъ, хранящихъ любимые ими бурдюки съ кахетинскимъ виномъ — отрадою и крѣпительною силой ихъ труженической жизни.

На утро начинается то же дѣйствіе, и времена года, и самыя атмосферическія перемѣны мало измѣняютъ повселевную характеристику тифлискаго мейдана — центра дѣятельности простонародья этого полу-европейскаго, полу-азіятскаго города.

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 29-му Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ «Мейданъ, въ Тифлисѣ», съ рисунка Князя Г. Г. Гагарина.

Опечатка. Въ № 28-мъ Р. Х. Л., на второй страницѣ, во второмъ столбцѣ, въ примѣчаніи, напечатано *Чернышевыми*, должно быть *Чернецовыми*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, О. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 9-го Октября 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

РЕВЕЛЬ И ЭСТЛЯНДЦЫ.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

.....Ревель, главный городъ Эстляндской Губерніи, сохранилъ характеръ средневѣковаго германскаго города, то есть, онъ очень живописенъ, замѣчательнъ какъ древность, но съ тѣмъ вмѣстѣ лишентъ многихъ удобствъ новѣйшихъ городовъ. Улицы вообще узки, и даже главныя изъ нихъ *Breit-* и *Kangstrasse* можно съ трудомъ сравнить съ хорошимъ петербургскимъ переулкомъ. Дома, съ высокими остроконечными крышами, массивными стѣнами изъ тамшняго вывѣтрившагося плитняка, сырые и мрачныя. На фасадахъ, выходящихъ на улицу, мало оконъ, и то, по большей части, они такъ узки, что въ нихъ скудно проходитъ свѣтъ; почти у каждаго дома, въ фронтонѣ, подъ крышей, гдѣ были прежде кладовыя ганзейскихъ купцовъ, видны и понынѣ выступающія балки съ блоками, по которымъ съ улицы поднимались вверхъ товары. Почтенные купцы ревелскіе не охотно отпирали двери своихъ домовъ: каждый жилъ для себя, въ почтительномъ страхѣ передъ господами рыцарями. На улицу въ этихъ домахъ выходили только обширныя, мрачныя сѣни, входъ въ которыя состоялъ изъ каменныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ; на лицевой же сторонѣ находились узкія окна купеческихъ кладовыхъ. Всѣ жилыя комнаты были обращены окнами во дворъ.

Въ случаѣ непріятельскаго нашествія, жители Ревеля плотно запирались въ своихъ домахъ, и изъ узкихъ оконъ, выходящихъ на улицу, по своему принимали незваныхъ гостей, или грабителей-рыцарей.

Въ Ревелѣ только на немногихъ, главныхъ улицахъ есть тротуары. Посреди улицъ и площадей вы встрѣчаете довольно не красивыя, вѣковыя кадки, закрывающія колодцы, въ которыхъ вода, впрочемъ, такъ дурна, что ее нельзя употреблять ни въ кушанье, ни въ питье. За чистою и свѣжею водою ходятъ къ источнику, находящемуся внѣ города, близъ вала, и какъ вода въ этомъ источникѣ просачивается весьма медленно, то цѣлый день, съ утра до поздней ночи, а иногда и цѣлую ночь напролетъ, можно видѣть людей, которые тянутся длинною вереницей къ источнику, возлѣ котораго всегда стоитъ часовой.

Нѣкоторыя окружныя стѣны древняго Ревеля находятся нынѣ въ центрѣ города. Онѣ, какъ и дома, сложены изъ вывѣтрившейся известковой плиты; мохъ лѣпится по ихъ трещинамъ. Готическія колокольни, почернѣвшія главы церквей, башенки, торчащія на многихъ городскихъ зданіяхъ, аркады воротъ—все это съ перваго взгляда кажется неправильнымъ и страннымъ, но всегда живописно.

Изъ церквей въ Ревелѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія *Вышгородская* (*Dom-Kirche*), гдѣ находится гробница знаменитаго Понта Де-ла-Гарда, котораго суевѣріе изгнало изъ его отечества, Франціи, счастье увѣнчало славою искуснаго полководца, а ничтожныя почести были виною смерти. Простая каменная гробница знаменитаго полководца находится въ придѣлѣ церкви. Тамъ же похороненъ извѣстный подвигами въ войнѣ со Шведами и Турками Адмиралъ Самуиль Грейгъ.....

Нѣсколько шаговъ раздѣляютъ два вѣка, двѣ знаменитыя эпохи нашей исторіи!

Другая церковь, Св. Николая, одно изъ древнѣйшихъ зданій Ревеля. Она построена въ концѣ XIII столѣтія и, подобно всѣмъ церквамъ того времени, состоитъ изъ огром-

наго параллелограмма, наружныя стѣны котораго поддерживаются каменными опорами. На одномъ концѣ этого параллелограмма высится башня, которая отъ времени покосилась на одинъ бокъ.

Къ главному корпусу въ разные времена пристроено нѣсколько капеллъ, окна которыхъ состоятъ изъ множества мелкихъ стеколъ съ изображениями святыхъ или гербовъ знатнѣйшихъ дворянъ Эстляндіи. До XVI вѣка церковь эта принадлежала католикамъ, а съ тѣхъ поръ стала достояніемъ лютеранскаго духовенства.

Вся внутренность церкви на стрѣльчатыхъ сводахъ, лежащихъ на массивныхъ столбахъ, которые раздѣляютъ церковь на три части: двѣ меньшія, боковыя, и одну широкую, среднюю. Полъ состоитъ изъ надгробныхъ плитъ; на нѣкоторыхъ замѣтны эпитафіи 1500 года, съ высѣченными въ очеркахъ фигурами рыцарей. По стѣнамъ и между арками висятъ хоругви, трофеи и гербы древнѣйшихъ эстляндскихъ фамилій, каковы: Буксгевденъ, Розенъ, Эссенъ и другія. Направо отъ алтаря, рѣзной работы, съ вызолоченными изображениями святыхъ и сохранившагося еще отъ католиковъ, висятъ разныя священныя картины, съ надписями XIV и XV вѣковъ. Тутъ же находится оригинальная часть извѣстной картины Гольбейна: *Пляска Смерти*.

Въ одной изъ капеллъ лежитъ изсохшій трупъ Герцога де-Кроа, сохранившійся болѣе 150 лѣтъ. На лицевой сторонѣ катафалка, на которомъ лежитъ трупъ, видна надпись на Латинскомъ Языкѣ:

«Карлъ Евгений Герцогъ де-Кроа, происходилъ отъ королевской крови; родился въ 1650 году въ Бельгіи; былъ славенъ, сколько своими великими дѣлами, столько и разнообразностью ихъ. Взятъ въ плѣнъ во время нарвской битвы и умеръ въ Ревелѣ 1702 года. Трупъ его сохранился 118 лѣтъ и вынутъ изъ могилы въ 1819 году.»

Герцогъ де-Кроа служилъ сперва въ Австріи, а потомъ, по представленію Императора Леопольда, принятъ Императоромъ Петромъ I въ русскую службу. Командуя російскими войсками, осаждавшими Нарву, онъ, по необходимости, отдался въ плѣнъ и былъ отосланъ въ Ревель. Тамъ знатный вельможа продолжалъ жить съ великолѣпиемъ и роскошью, приличными сану, но не согласными со средствами его, и умеръ въ долгахъ. По тогдашнему закону, по которому кредиторы могли требовать, чтобъ тѣло должника не было предано землѣ, и герцога не похоронили: онъ былъ только опущенъ въ склепъ, гдѣ и пролежалъ до 1819 года. Маркизь Паулуччи, бывшій въ то время Генераль-Губернаторомъ Остзейскихъ Провинцій, приказалъ вынуть сохранившійся трупъ герцога изъ гроба и поставить подъ стеклянный навѣсъ. Сохраненіе трупа приписываютъ известковому грунту земли и тому, что гробъ былъ поставленъ въ склепъ во время сильныхъ январскихъ морозовъ.

Третья церковь: Св. Олая. Шпиль колокольни этой церкви былъ сперва вышиною въ 84 сажени, т. е. равенъ вышиною съ куполомъ Собора Св. Петра въ Римѣ; но, послѣ своего построения, Церковь Олая горѣла восемь разъ, и три раза совершенно обращалась въ пепелъ; но усердіемъ богомольцевъ возставала въ прежнемъ величіи на украшеніе города, на диво всему краю и на пользу мореплавателямъ, которые, по высокой башнѣ ея, правили ходъ свой между тысячами опасностей.

Олай или Оляфъ, потомокъ Гаральда Смѣлаго, Короля Норвежскаго, былъ признанъ святымъ, за освобожденіе отечества своего изъ-подъ ига Датчанъ и за Христіанскія добродѣтели.

Въ библиотекѣ Церкви Св. Олая хранятся драгоценныя для лютеранъ, любопытныя для всѣхъ, собственноручныя письма Лютера и Меланхтона, его сподвижника въ дѣлѣ реформаци.

Изъ гульбищъ Ревеля самое замѣчательное и живописное—Екатериненталь. Тамъ устроены морскія купальни, и вокругъ гульбища находятся дачи, занимаемыя лѣтомъ, по бѣльшей части, петербургскими жителями. Прекрасный и живописный паркъ екатеринентальскій примыкаетъ къ самому морю. Въ этомъ паркѣ много деревъ, насажденныхъ собственною рукою Петра Великаго. Также сохранился дворецъ Императора.

Въ немъ изъ сѣней ходъ въ залу, уставленную крашевыми стульями; тутъ же находится обѣденный столъ Петра Великаго, и бюсты знаменитыхъ греческихъ и римскихъ полководцевъ. Въ спальнѣ сохранилась двуспальная кровать съ бѣлыми занавѣсками, голубымъ шелковымъ покрываломъ и тремя небольшими подушками.

Вообще Екатеринентальскій Дворецъ на каждомъ шагу напоминаетъ Великаго Преобразователя Россіи.

Эсты, жители Эстляндіи, занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Эстляндіи сохранились и понынѣ разные обычаи временъ языческихъ. Просвѣщенные и умные пасторы стараются, мѣрами кротости и увѣщанія, отъучить своихъ прихожанъ отъ грубыхъ и дикихъ привычекъ, которыя часто истребляютъ въ нѣсколько дней все достояніе крестьянина, добытое трудомъ и ввергаютъ его въ нищету.

Такъ, напримѣръ, въ Августѣ и въ Сентябрѣ, по окончаніи лѣтнихъ работъ, и также за три и за четыре недѣли до Рождества Христова, у Эстляндцевъ бываетъ множество свадебъ. Это время разгула и веселія: всѣ поютъ, пляшутъ, пьютъ и веселятся.

Сватовство происходитъ обыкновенно ночью, при поволуніи. Нѣсколько старухъ и стариковъ пріѣзжаютъ къ отцу невесты, и привозятъ, смотря по состоянію жениха, два, три штофа или даже нѣсколько боченковъ вина, которые подносятъ родителямъ невесты, приговаривая:

— Увасъ есть товаръ, у насъ есть покущикъ; покущикъ купить товаръ; товаръ ему нуженъ.

Невеста въ это время прячется; но лишь только отецъ и мать ея отвѣдаютъ привезеннаго вина—что означаетъ ихъ согласіе—сваты бросаются отыскивать невесту.

Иногда свать, прійдя къ родителямъ невесты, рассказываетъ имъ, что у него пропала молодая корова, бѣлая или черная, смотря по тому, блондинка ли или брюнетка невеста. За отысканіе коровы онъ предлагаетъ вино.

Получивъ позволеніе искать, свать выводитъ невесту, громко и радостно вскрикивая. По этому знаку является женихъ. Начинается попойка, за которою слѣдуетъ ужины.

При обрученіи невеста всячески старается наступить жениху на ногу, чтобъ усвоить себѣ управленіе домомъ; женихъ всячески уклоняется отъ того, и не выпускаетъ руки невесты до тѣхъ поръ, пока, по выходѣ изъ церкви, не посадитъ ее въ телѣжку или сани, и вообще смотреть, чтобъ никто не сталъ между ними, ибо это произвело бы несогласіе въ супружествѣ.

Немедленно по обрученіи, съ головы невесты снимаютъ дѣвичій уборъ, и надѣваютъ на нее женскую шапку, или шляпу жениха, которую она должна носить до самой свадьбы.

Въ день свадьбы гости собираются въ домъ жениха или невесты. Въ сумерки женихъ съ своимъ поѣздомъ выѣзжаетъ къ избѣ невесты. Въ поѣздѣ этомъ отличаются посаженный отецъ и дружка. Оба они, какъ и женихъ, имѣютъ чрезъ плечо бѣлыя перевязи и всѣ трое вооружены обнаженными шпагами или саблями. За ними слѣдуютъ гости и музыкантъ съ волынкою, наигрывающій во всю дорогу свадебныя пѣсни.

По прибытіи въ домъ невесты, ее не находятъ. Она,

съ двумя подругами, скрывается въ сосѣдней комнатѣ. Всѣ три закрыты покрывалами. Свать, онъ же посаженный отецъ, долженъ узнать, которая изъ этихъ дѣвушекъ невеста, выводитъ ее къ гостямъ, и сажаетъ возлѣ жениха.

Женихъ и невеста ѣдутъ къ пастору, назначающему день вѣнчанія, которое и производится по обрядамъ Лютеранской Церкви.

За обрядомъ вѣнчанія опять начинаются пирушки.

Молодую вносятъ въ домъ молодаго и ставятъ на разостланное одѣяло; теща, скликнувъ всѣхъ домашнихъ животныхъ, высыпаетъ на молодую мѣру ржи, и такимъ образомъ какъ бы желаетъ указать на обиліе, которое ее ожидаетъ въ хозяйствѣ.

Затѣмъ завязываютъ молодой глаза, и подводятъ ее къ печкѣ, въ которую она должна бросить нѣсколько полѣнъ, чтобъ показать свою ловкость въ хозяйствѣ.

Слѣдуетъ ужины, во время котораго на колѣни молодой кладутъ мальчика, въ видѣ предсказанія благословенной плодовитости.

Пиръ продолжается до поздней ночи.

На слѣдующее утро одинъ изъ родственниковъ привозитъ сундукъ молодой. Его встрѣчаетъ посаженный отецъ и спрашиваетъ:

— Продается ли прибывшій въ гавань корабль?

— Продается, но тому только, кто заплатитъ наличными деньгами; на кораблѣ есть такой товаръ, какого не найдется въ цѣломъ свѣтѣ!

Послѣ долгихъ переговоровъ заключается торгъ, и посаженный отецъ платитъ мѣдными деньгами, считая каждую копейку въ десятки тысячъ рублей.

Въ сундукѣ находятся подарки, назначенные невестой для гостей.

По раздачѣ подарковъ сажаютъ молодую посреди комнаты, снимаютъ съ нея покрывало, и, поднявъ три раза на воздухъ, объявляютъ, что она сдѣлалась уже женою. Та же церемонія происходитъ и съ молодымъ, который при этомъ случаѣ даритъ тещѣ передникъ, какъ бы въ замѣнъ того, который она износила, когда кормила дочь свою грудью.

Затѣмъ молодой показываетъ своей женѣ будущее ея хозяйство.

Послѣдній изъ этихъ свадебныхъ обрядовъ—похищеніе невесты. Посаженыи отецъ ухаживаетъ за молодымъ, заставляетъ его танцовать и пѣть; между тѣмъ, въ самый разгаръ пирушки, уводитъ молодую и сажаетъ ее въ заранѣе подведенную телѣжку.

— Гдѣ невеста? кричатъ тогда гости: она похищена! За чѣмъ смотрѣлъ дружка!

Послѣдній бѣжитъ изъ избы, садится на лошадь, и отправляется въ погоню за бѣглецами. Догнавъ ихъ, онъ разрубаетъ дугу, и съ торжествомъ приводитъ молодую къ ея мужу.

У зажиточныхъ крестьянъ свадебныя пиры продолжаются нѣсколько дней, и каждый день предъ отходомъ ко сну, молодой ломаетъ ложки, свою и женину.

По окончаніи празднествъ, молодая выметаетъ печку, и затѣмъ вступаетъ въ управленіе своимъ новымъ хозяйствомъ.

Въ первое Воскресенье послѣ свадебныхъ пирушекъ, молодые отправляются въ церковь и, воротившись домой, проводятъ этотъ день въ чтеніи священныя книгъ, въ уединеніи, безъ гостей.

П. Ф.

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 30-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены: 1) дворецъ въ Екатериненталѣ, близъ Ревеля, рисованный съ натуры В. Тиммомъ въ 1852 г.; 2) видъ губернскаго города Ревеля, рисованный съ Гапсальской Дороги; 3) одежда крестьянъ и крестьянокъ Эстляндской Губерніи (съ рисунковъ Г. Пецоляда, 15 фигуръ).

НАДГРОБІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Многимъ, быть можетъ, покажется страннымъ видѣть въ Русскомъ Художественномъ Листкѣ изображенія памятниковъ, напоминающихъ много горькихъ утратъ. Но этимъ мы исполняемъ свою обязанность: передавать современникамъ и потомству все, что достойно быть сохраненнымъ отъ забвенія.

Памятники, собранные на представляемомъ рисункѣ, заключаютъ въ себѣ могилы людей, которые трудились со славою для умственного и эстетическаго образованія Россіи. Эпоха ихъ дѣятельности, обнимающая первую половину нынѣшняго столѣтія, всегда будетъ свѣтлымъ періодомъ исторіи отечественнаго просвѣщенія, потому что они запечатлѣли ея страницы не только созданіями гениальнаго творчества, но очистили русское слово и открыли что за могучія, среброзвучныя струны, тончайшіе и нѣжнѣйшіе нервы въ немъ таятся. Они заставили насъ заговорить и писать звучною, правильною, легкою и гармоническою рѣчью челоуѣка образованнаго и одареннаго изящнымъ вкусомъ.

Въ этомъ отношеніи наши писатели, въ сравненіи съ современными имъ иностранными, равно гениальными, заслуживаютъ преимущество и большую славу, ибо они въ полѣвка пробили ту трудную дорогу, которую въ европейской литературѣ проторяли постепенно, въ продолженіе столѣтій, многіе талантливые люди, и такимъ образомъ приготовили безпрепятственную стезю славнымъ своимъ преемникамъ.

Карамзинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Жуковский, Пушкинъ, нѣкоторые ихъ послѣдователи и преемники, воздвигли памятники въ нашей литературѣ—безсмертные, живые въ нашихъ же устахъ, такъ часто выражающихъ чувства и мысли въ минуты скорби и радости, въ минуты высокаго одушевленія, стихомъ или словомъ твореній, проникнутыхъ силою, истинною, изліяніемъ глубокихъ движеній души и сердца. И кто изъ насъ, отъ малютки до старца, не черпаетъ изъ этихъ сокровищницъ? Послѣ этого, кому изъ насъ не дорого узнать: чѣмъ увѣковѣчены мѣста, гдѣ покоятся прахъ людей, оставившихъ намъ такое богатое наслѣдство. При этомъ случаѣ мы не станемъ произносить суда надъ произведеніями тѣхъ, которыхъ могилы на первый разъ здѣсь изображены. Эти произведенія уже давно оцѣнены не нашею литературною крити-

кою, нѣтъ, но эстетическимъ чувствомъ каждаго изъ насъ. Не станемъ также поименовывать всѣ сочиненія этихъ писателей — кто изъ насъ не знаетъ ихъ наперечетъ и наизусть? Позволимъ себѣ только припомнить краткіе очерки жизни людей, дорогихъ намъ и дорогихъ нашей народной гордости.

Карамзинъ (Николай Михайловичъ) родился 1-го Декабря 1765 года, Оренбургской Губерніи, Бузулуцкаго Уѣзда, въ селѣ Михайловкѣ. Сначала воспитывался въ деревнѣ, рано началъ читать, и это чтеніе романическихъ книгъ, а также богатая волжская природа подѣйствовали очень рано на развитіе способностей даровитаго дитяти. Затѣмъ Карамзинъ продолжалъ воспитаніе въ Москвѣ у Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго Университета, гдѣ также слушалъ лекціи. Будучи записанъ, подпрапорщикомъ въ Преображенскій Полкъ, онъ прибылъ въ 1782 году въ Петербургъ, и здѣсь, знакомясь съ И. И. Дмитриевымъ, тоже служившимъ въ гвардіи, по примѣру его, началъ заниматься переводами съ Нѣмецкаго Языка.

По кончинѣ отца своего, Карамзинъ вышелъ въ отставку поручикомъ и уѣхалъ въ Симбирскъ, въ 1784 г. Послѣ свѣтской разсѣянной жизни, продолжавшейся съ годъ, Карамзинъ, лѣтъ двадцати отъ роду, возвратился въ Москву, гдѣ, въ кругу образованнаго общества Новикова, знакомясь съ любителями отечественной литературы и учеными, развилъ свое нравственное и авторское образованіе. Въ 1789 году Карамзинъ продалъ доставшуюся ему часть, изъ отцовскаго наслѣдія, и этимъ достигъ возможности исполнить свое пламеннѣйшее желаніе — обозрѣть Германію, Швейцарію, Францію и Англию.

Осенью слѣдующаго года, возвратясь изъ этого путешествія въ Москву, Карамзинъ занялся литературою. Въ Москвѣ тогда сосредоточивалась почти вся дѣятельность нашихъ писателей того времени. Въ издаваемомъ имъ въ 1792 и 1793 годахъ *Московскомъ Журналь*, Николай Михайловичъ печаталъ свои письма Русскаго Путешественника, новыя повѣсти Мармонтеля и свои собственныя, и эти сочиненія произвели такое впечатлѣніе, что публика повторяла выраженія, выученныя наизусть изъ Московскаго Журнала. Державинъ, Дмитриевъ, Херасковъ, Подшиваловъ, Хемницеръ, Богдановичъ и другіе писатели помогали ему своими трудами. До 1803 года Карамзинъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, трудился надъ изданіемъ журналовъ и литературныхъ сборниковъ. Въ этомъ же году приступилъ къ сочиненію *Исторіи Россійскаго Государства* и, при содѣйствіи Дмитриева, въ особенности Товарища Министра Просвѣщенія М. Н. Муравьева, пожалованъ Император-

скимъ Исторіографомъ, съ открытіемъ ему доступа во всѣ архивы. Тогда Николай Михайловичъ, отказавшись отъ общества, въ уединеніи занялся великимъ своимъ трудомъ, обезсмертившимъ его имя.

Императоръ Александръ Благословенный обратилъ вниманіе на эти труды нашего исторіографа, и Карамзинъ имѣлъ счастье лично читать Государю нѣсколько отрывковъ изъ своей исторіи (въ Твери, въ 1811 году). Первые восемь томовъ, которые были представлены, въ 1816 г., Императору Александру, приняты съ благоволеніемъ, и напечатаны по Высочайшему повелѣнію. При этомъ авторъ былъ удостоенъ многихъ Всемилоствѣйшихъ наградъ.

Въ слѣдующемъ году Карамзинъ переѣхалъ изъ Москвы на жительство въ С. Петербургъ; лѣтомъ жилъ въ Царскомъ Селѣ, и каждый день бесѣдовалъ съ Императоромъ въ большой аллеѣ Царскосельскаго Сада. Во время же отлучекъ Государя изъ Петербурга, высылалъ свое сочиненіе въ тетрадахъ. Такимъ образомъ написалъ онъ 9, 10, 11 и 12-й томы своей Исторіи.

Извѣстіе о смерти Императора Александра потрясло его здоровье, и безъ того разстроенное, и приблизило его къ гробу.

Благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ соизволилъ принять участіе въ состояніи здоровья знаменитаго исторіографа, повелѣлъ изготовить фрегатъ для доставленія его въ Марсель, осыпавъ его лестнымъ рескриптомъ, и назначилъ ему по 50-ти тысячъ рублей ассигнаціями пенсіи съ тѣмъ, чтобы сумма эта, послѣ его, производима была сполна его женѣ, а по смерти ея также сполна и дѣтямъ, сыновьямъ, до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, дочерямъ—до замужства послѣдней изъ нихъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ многозначительны слѣдующія строки: «*Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Русскій Народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго Народа.*»

Но великія милости Государя Императора не могли возстановить потухающей жизни, истощенной чрезмѣрными трудами, и 22-го Мая 1826 года Карамзинъ скончался.

Прахъ нашего исторіографа покоится на Александроневскомъ Кладбищѣ. За чугунною рѣшеткой лежатъ два надгробные камня бѣлаго мрамора; на одномъ бронзовый вызолоченный лавровый вѣнокъ—это могила Карамзина; другой, точно такой же, но съ цвѣточнымъ вѣнкомъ—это могила его супруги, Екатерины Андреевны.

За надгробнымъ памятникомъ Карамзина виднѣтся памятникъ Анны Андреевны Блудовой, урожденной Княжны Щербатовой.

Въ 1845 году воздвигнуть Карамзину памятникъ въ Симбирскѣ, а въ 1848 году доказано, что онъ уроженецъ не Симбирской, но Оренбургской Губерніи.

Ломоносовъ и Карамзинъ, суть главные преобразователи нашего языка. Первый отдѣлилъ, очистилъ Русскій Языкъ отъ Церковно-Славянскаго, въ грамматическомъ отношеніи; второй преобразовалъ его конструкцію, устранивъ формы латинской и нѣмецкой рѣчи. Много необходимо было усилій, таланта и вкуса, чтобъ освободиться отъ классическаго вліянія, заговорить рѣчью гармоническою, плавною, какою написана Исторія Государства Россійскаго.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ (*) родился въ Москвѣ, 2-го Февраля 1768 года, отъ бѣдныхъ родителей. Первоначальнымъ образованіемъ и развитіемъ любви къ ученію, онъ обязанъ своей матери. Въ книгахъ, найденныхъ имъ послѣ смерти отца, Крыловъ искалъ дальнѣйшаго образованія, и эти-то книги, читаемыя имъ безъ разбора, развили въ немъ воображеніе; въ особенности драматическія сочиненія плѣнили пылкой умъ, и планы театральныя піесъ съ героями древности наполняли голову талантливаго мальчика. На пятнадцатомъ году онъ написалъ оперу *Кофейница*.

По кончинѣ отца, бывшаго на службѣ въ Твери, Крыловъ съ матерью жилъ въ этомъ городѣ и былъ первоначально записанъ подканцеляристомъ въ Калязинскій Уѣздный Судъ, а въ томъ же году переписанъ канцеляристомъ въ Тверской Магистратъ. Нужда заставила мать Ивана Андреевича отправиться въ Петербургъ: искать мѣста для сына, и хлопотать о пенсіи для себя. Здѣсь опера *Кофейница* нашла покупщика, снисходительнаго къ первому труду даровитаго юноши, и Крыловъ, при всей бѣдности, взялъ не деньгами, но книгами—на 60 рублей, предложенныхъ ему за *Кофейницу*. Онъ набралъ сочиненій Расина, Молиера, Буало, и другихъ писателей. Два послѣдніе имѣли вліяніе на развитіе его сатирическаго направленія.

Въ то время въ Петербургѣ славился Княжнинъ. Крыловъ явился къ нему, былъ принятъ ласково, и у новаго своего покровителя познакомился и сошелся съ актеромъ Дмитревскимъ. Разборчивому вкусу этого славнаго артиста, критически оцѣнявшаго каждый стихъ, каждое слово *Клеопатры* и *Филомелы*, юношескихъ опытовъ въ трагедіи Крылова, нашъ баснописецъ обязанъ образованіемъ своего эстетическаго вкуса. Тогда же Крыловъ получилъ мѣсто въ Петербургской Казенной Палатѣ, съ жалованьемъ по 25-ти руб. въ годъ, что обрадовало его мать, доставивъ ей средства къ существованію. Черезъ два года по смерти матери, умершей въ 1788 году, Крыловъ вышелъ въ отставку съ чиномъ провинціального секретаря, и по 1801 годъ оставался безъ должности, издавалъ журналы, содержалъ типографію, и обогащалъ театръ новыми піесами, не имѣвшими впрочемъ большаго успѣха. Въ журналѣ своемъ *Почта Духовъ*, онъ выказалъ тотъ сатирическій умъ, который въ послѣдствіи прекраснымъ образомъ выразился въ его басняхъ.

Съ 1801 года Иванъ Андреевичъ оставилъ литературу. Получивъ самое ограниченное образованіе, но одаренный отъ природы прекрасными способностями, онъ выучился многому самъ, между прочимъ Италіянскому Языку, рисованію, и дошелъ до прекрасной игры на скрипкѣ, такъ что первѣйшіе музыканты и художники того времени дорожили его обществомъ и мнѣніемъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ жизнь разсѣянная, свѣтская, которой Иванъ Андреевичъ предался съ увлеченіемъ, удалила его отъ литературныхъ занятій.

До 1806 года, онъ ничего особенно замѣчательнаго не писалъ. Въ этомъ же г., проѣзжая въ Петербургъ чрезъ Мо-

(*) Портретъ И. А. Крылова былъ помѣщенъ въ № 19-мъ Русскаго Художественнаго Листка 1853 года. Изд.

скву, гдѣ тогда жили первѣйшіе дѣятели отечественной литературы, Крыловъ остался тамъ, и въ свободное время перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: *Дубъ и Трость* и *Разборчивая невеста*. Дмитріевъ, прочитавъ ихъ, совѣтовалъ переводчику не покидать этого рода поэзіи. Крыловъ послѣдовалъ его совѣту, и въ Москвѣ же перевелъ еще изъ Лафонтена: *Старикъ и трое молодыхъ*.

Такимъ образомъ только на 38-мъ году своей жизни Крыловъ выступилъ на ту стезю, которая повела его къ безсмертію, и въ 1808 году издалъ первое собраніе басенъ, въ числѣ двадцати трехъ. Въ этотъ же промежутокъ времени онъ написалъ нѣсколько комедій. Въ концѣ 1811 года, онъ былъ выбранъ въ члены Россійской Академіи, а въ слѣдующемъ 1812 году опредѣленъ въ Императорскую Публичную Библиотечку. Съ этой эпохи начинается для него новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ первый годъ службы его въ Библиотекѣ, Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему по 1,500 рублей въ годъ изъ Кабинета; чрезъ восемь лѣтъ эта милость была удвоена, и награды за наградами слѣдовали отъ Монаршихъ щедротъ. Въ 1823 году, въ Парижѣ, по предложенію Графа Орлова, 57 литераторовъ перевели 89 басенъ Крылова, которыя были изданы роскошно. Въ 1831 году новая высшая почесть была оказана ему въ отечествѣ: Государь Императоръ, въ числѣ подарковъ на Новый Годъ Государю Наслѣднику Цесаревичу, изволилъ прислать Его Высочеству бюстъ Крылова. Въ 1834 году по Высочайшему повелѣнію пенсія, производившаяся ему изъ Кабинета, была удвоена. Въ 1838 году отпразднованъ былъ пятидесятилѣтній юбилей литературнаго поприща Крылова, ознаменованный Монаршими милостями, выбитіемъ медали въ память юбилея, и открытіемъ подписки для учрежденія стипендіи, подъ названіемъ стипендіи Крылова.

Въ 1841 году Крыловъ навсегда оставилъ службу, и, обеспеченный пенсією въ 12,000 рублей, въ тишинѣ уединенія занимался обученіемъ грамотѣ дѣтей своей крестницы.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ скончался 9-го Ноября 1844 года, на 77-мъ году отъ роду, и похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Надгробный памятникъ на его могилѣ изъ темнаго порфира. Когда мы посѣтили кладбище, для снятія рисунка надгробія, то нашли у креста цвѣточный вѣнокъ, положенный какою-то благодарною рукою.

Необходимо ли говорить о достоинствѣ басенъ геніальнаго *Дядушки Крылова*? Что можетъ выразить похвала слабаго пера, въ сравненіи съ данью, которую ему отдають и будутъ отдавать на всѣхъ концахъ Россіи, — дѣтей, восхищающихся при каждомъ выраженіи живо, весело, умно и смѣшно разговаривающихъ звѣрей, птицъ и насекомыхъ, — и взрослыхъ, удивляющихся простотѣ, правдѣ и уму, заключающихся въ каждомъ изъ этихъ словъ.

Гнѣдичъ (Николай Ивановичъ) родился 2-го Февраля 1784 года въ Полтавѣ. Первое образованіе получилъ онъ въ тамошней семинаріи, а, по уничтоженіи ея, учился въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, и съ 1800 по 1803 годъ въ Московскомъ Университетѣ. Окончивъ образованіе, онъ

поступилъ на службу въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, а въ 1811 году въ Императорскую Публичную Библиотечку.

Гнѣдичъ никогда не пользовался совершеннымъ здоровьемемъ и, перенеся продолжительныя, тяжкія болѣзни, отъ которыхъ искалъ облегченія на различныхъ минеральныхъ водахъ, скончался въ Петербургѣ, 3-го Февраля 1833 года. Похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры. На надгробномъ памятникѣ его слѣдующая надпись:

Гнѣдичу,
обогатившему
Русскую Словесность
переводомъ Омира.

Рѣчи изъ устъ его сладчайшія меда липись.
Илліада, пѣснь 1-я.

А съ другой стороны памятника:

Отъ друзей и почитателей Николая Ивановича Гнѣдича,
родившагося 2-го Февраля 1784 г.
умершаго 3-го Февраля 1833 г.

Гнѣдичъ подарилъ Русской Литературѣ нѣсколько сочиненій и переводовъ, но составилъ себѣ славу сознаніемъ русскаго гекзаметра и переводомъ этимъ стихомъ Илліады Гомера.

Ломоносовъ признавалъ гекзаметръ, свойственнымъ Русскому Языку; но послѣ того какъ Тредіаковскій употребилъ этотъ стихъ для своей Телемахида, послѣдній всѣмъ опротивѣлъ. Гнѣдичъ, по настоянію С. С. Уварова, рѣшился наконецъ перевести размѣромъ подлинника, т. е. гекзаметромъ, Гомерову Илліаду, которую до того Костровъ и самъ Гнѣдичъ переводили александрійскимъ стихомъ, и вполне достигъ прекрасной цѣли — подаривъ Русской Литературѣ не переводъ, но слѣпокъ съ безсмертнаго творенія Гомера.

Заслуга Гнѣдича незабвенна!

Жуковскій (*) (Василій Андреевичъ) родился 29-го Января 1783 года, Тульской Губерніи, Бѣлевскаго Уѣзда, въ селѣ Мишенскомъ, гдѣ провелъ дѣтство свое и большую часть первой молодости. Воспитывался первоначально въ тульскомъ пансіонѣ Г. Роде, потомъ въ Тульскомъ Народномъ Училищѣ и наконецъ въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, гдѣ, по окончаніи курса, за успѣхи въ наукахъ, имя его золотыми буквами выставлено было на доскѣ. По выходѣ изъ пансіона, Жуковскій опредѣлился въ службу и жилъ въ уединеніи, занимаясь поэзіей.

Первые его литературные опыты относятся къ 1797 году, а съ 1808 по 1811 онъ издавалъ журналъ *Вѣстникъ Европы*. Къ этому періоду его дѣятельности принадлежитъ большая часть его прозаическихъ сочиненій, языкъ коихъ, согласуясь съ слогомъ Карамзина въ легкости, естественности и стройности рѣчи, заключаетъ въ себѣ всѣ стихіи языка стихотворнаго, отъ чего получилъ особенную плавность, живописность и поэтическій колоритъ.

Въ 1812 году Василій Андреевичъ вступилъ въ московское ополченіе, и служилъ въ продолженіе кампаніи до перехода русскихъ войскъ за границу. Въ это время онъ написалъ *Пѣвца во стани русскихъ воиновъ*.

Въ 1815 году Жуковскій переѣхалъ на жительство въ

(*) Портретъ В. А. Жуковскаго помѣщенъ въ № 16-мъ Р. Х. Л. 1852 года. Изд.

Петербургъ, и въ слѣдующемъ году получилъ отъ Императора Александра Павловича пенсію, по 4,000 р. ассигнаціями въ годъ. Въ 1817 г. приглашенъ былъ ко Двору, и удостоился быть назначеннымъ въ наставники Русской Словесности при Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Въ это время (1816 г.) появилось первое изданіе сочиненій Василія Андреевича въ двухъ томахъ.

По прошествіи 1825 года, занявъ высокую должность наставника при Его Императорскомъ Высочествѣ Государѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, Жуковскій не покидалъ однако же поэтическихъ занятій, и въ это время (1831 г.) были изданы его баллады, повѣсти и Ундина. Исполнивъ возложенное Монархомъ на него высокое порученіе, Жуковскій отправился въ Германію, гдѣ оставался до самой смерти. Въ 1848 и 1849 годахъ напечатаны имъ три тома стихотвореній, изъ коихъ два послѣдніе содержатъ въ себѣ переводъ Иліады.

Василій Андреевичъ Жуковскій скончался 10-го Апрѣля 1852 г. Тѣло его привезено было изъ-за границы и предано землѣ въ Александро-Невской Лаврѣ. Надъ его могилою возвышается скромная дерновая пирамида, усѣянная резедой и посаженная цвѣтами.

Заслуги Жуковского въ Русской Литературѣ велики. Карамзину и Крылову мы обязаны преобразованиемъ языка и особыхъ, имъ приналежащихъ отдѣловъ словесности. На долю же Василія Андреевича досталось ввести въ нашу поэзію, вмѣсто классическаго направленія, романтическое, и выработать нашъ поэтическій языкъ до неподражаемой простоты, легкости и сладостной гармоніи.

Наибольшая часть произведеній Жуковского принадлежатъ къ переводнымъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ, которымъ онъ болѣе всего сочувствовалъ. Но это не переводы, а творенія, и содержаніемъ, и формою, и духомъ пересозданныя на Русскій Языкъ. Чтобы въ такой степени совершенства пересоздавать, необходимо имѣть столько же таланта, сколько потребно для произведенія самого творенія.

Пушкинъ (Александръ Сергѣевичъ) родился 26-го Мая 1799 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ своего отца, и, вѣроятно, дѣятельность его таланта была возбуждена уже еще до поступленія въ Лицей, въ 1811 году, ибо отецъ его и дядя были въ дружескихъ сношеніяхъ съ Дмитриевымъ, Карамзинымъ и Жуковскимъ. Пушкинъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду началъ писать стихи. Въ продолженіе лицейской жизни онъ написалъ много сочиненій, печатавшихся въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, и составилъ планъ *Руслана и Людмилы*. Природа, сверхъ поэтическаго таланта, наградила его изумительною памятью и проницательностью; ему не доставало только постоянства въ трудѣ и любви къ жизни созерцательной. Пробывъ шесть лѣтъ въ Лицеѣ, Пушкинъ вышелъ изъ него въ 1817 году, и поступилъ на службу въ Иностранную Коллегію. Три послѣдующіе года, проведенные имъ въ развлеченіяхъ большаго свѣта, не были однако же потерянны для поэзіи, ибо большую часть дня проводилъ онъ за окончаніемъ поэмы *Русланъ и Людмила*, а большую часть ночи въ свѣтѣ. Въ 1820 году поэма его была кончена, и вслѣдъ затѣмъ Пушкинъ переѣхалъ въ Кишиневъ на службу, и потомъ пять лѣтъ провелъ на югѣ Россіи. Въ

продолженіе этого времени, подъ вліяніемъ природы Бессарабіи, Тавриды и Кавказа, глубоко дѣйствовавшей на впечатлительную душу молодого поэта.—Пушкинъ создалъ много прекрасныхъ стихотвореній и цѣлыхъ поэмъ: *Цыганы*, *Бакчисарайскій фонтанъ*, *Кавказскій пленникъ*, которые и до нынѣ перечитываются нами и выучиваются молодымъ поколѣніемъ съ наслажденіемъ. Даже не выучиваются, но, по прочтеніи ихъ нѣсколько разъ, невольно остаются въ памяти — такіа прелесть, легкость, гармонія заключаются въ его стихѣ и такіа чудныя, новыя картины рисуетъ его волшебное перо.

Возвратясь изъ южной Россіи въ свою псковскую деревню, Пушкинъ занялся сочиненіями, а въ послѣдствіи, постоянно, съ наступленіемъ осени, пріѣзжалъ изъ столицы трудиться въ уединеніи. Въ числѣ его рукописей тогда уже находились *Годуновъ*, и главы *Евгенія Онегина*, изъ коихъ первая напечатана въ 1825, послѣдняя въ 1832 г.

За поэмами *Цыганы*, *Братья разбойники* и *Графъ Нулинъ*, въ 1829 году явилась *Полтава* и въ этомъ году Пушкинъ снова отправился на югъ Россіи, потомъ за Кавказъ и сопутствовалъ въ движеніи нашихъ войскъ къ Эрзеруму. Въ послѣдствіи онъ напечаталъ описаніе этого путешествія. По возвращеніи, онъ написалъ нѣсколько драматическихъ сценъ и пять повѣстей прозою (повѣсти *Бѣлкина*), *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинскую годовщину*.

Съ 1831 года Пушкинъ приступилъ къ сочиненію исторіи Петра Великаго, занялся историческими розысканіями, и во время этихъ трудовъ издалъ, въ 1834 г., *Исторію Пугачевского бунта*, для коего совершилъ путешествіе въ восточную часть Европейской Россіи, и повѣсти: *Капитанскую Дочку*, *Пиковую Даму* и *Кирджали*.

Въ порѣ лучшей жизни, окруженный всеобщимъ уваженіемъ и славой, во время занятій исторіею Петра Великаго, прервалась, на 36 году, жизнь гениальнаго поэта, обѣщавшая еще многое для успѣха и развитія нашей литературы! Александръ Сергѣевичъ умеръ 29-го Января 1837 года, и тѣло его похоронено въ псковскомъ его имѣніи.

Творенія Пушкина слишкомъ памятны каждому изъ нашихъ читателей, и каждый изъ нихъ оцѣнилъ собственнымъ чувствомъ удивленія и восхищенія этотъ многообразный, могучій талантъ; намъ остается присоединить только къ общему сѣтованію соотечественниковъ сожалѣніе — зачѣмъ онъ такъ рано, не дойдя до высшей точки развитія своего гениа, сомкнулъ на вѣки свои уста.

(Окончаніе впрѣдъ.)

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 31-му Русскаго Художественнаго Листка, изображены могилы русскихъ писателей: 1) В. А. Жуковского, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, въ С. Петербургѣ (рисов. съ натуры В. Тиммомъ, въ Августѣ 1853 года); 2) А. С. Пушкина, въ имѣніи его, Псковской Губерніи (съ рисунка Г. Иванова); 3) Н. М. Карамзина (и супруги его), на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, въ С. Петербургѣ (рисов. съ натуры В. Тиммомъ, въ Августѣ 1853 г.); 4) Н. В. Гоголя, на кладбищѣ Даниловскаго Монастыря, въ Москвѣ (рисов. съ натуры В. Тиммомъ, въ Октябрѣ 1852 г.); 5) Н. А. Полеваго, на Волковомъ Кладбищѣ, въ С. Петербургѣ (рисов. съ натуры В. Тиммомъ, въ Октябрѣ 1853 года); 6 и 7) И. А. Крылова и Н. И. Гнѣдича, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры (рисов. съ натуры В. Тиммомъ, въ Августѣ 1853 года).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Феодоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домѣ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Свѣрной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, О. В. Бабунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 31-го Октября 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

НАДГРОБИЯ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(Окончаніе.)

Полевой (Николай Алексѣевичъ) родился въ 1796 году, въ Сибири. Отецъ его занимался торговлею, и до 1816 года долженъ былъ противъ воли и расположенія помогать въ купеческихъ дѣлахъ отца и разъѣзжать по Россіи. Выучась грамотѣ въ дѣтскомъ возрастѣ, онъ съ жадностью и безъ разбора перечитывалъ тысячи книгъ и, обладая счастливою памятью, удерживалъ навсегда имъ прочитанное. До 1811 года онъ продолжалъ это безпорядочное усвоеніе чужихъ идей, и подъ ихъ вліяніемъ писалъ стихи, прозу, драмы, составлялъ газету и журналъ. Въ 1811 году Полевой, пріѣхавъ съ порученіями отца по дѣламъ торговымъ изъ Сибири въ Москву, слушалъ лекціи Мерзлякова, Страхова, Гейма, Коченовскаго, читалъ всѣ книги, какія ему попадались, но продолженіе чтенія безъ плана и системы, какъ онъ самъ выразился въ своей автобіографіи, не вело за собою ничего существеннаго. Проводя дни за торговыми дѣлами, онъ часто цѣлыя ночи просиживалъ за ученіемъ, тайкомъ отъ отца, но неудержимая страсть его въ этомъ равнялась въ немъ удивительной силѣ воли къ достиженію цѣли и преодолѣнію препятствій. Возвращеніе его изъ Иркутска въ Курскъ въ 1816 году было рѣшительно для его занятій; онъ съ неимоверными усиліями старался перевоспитать себя, привести въ порядокъ усвоенное имъ долговременнымъ чтеніемъ, и въ то же время изучалъ Языки Французскій, Нѣмецкій, Латинскій и Греческій, перерабатывалъ, по своему, русскую грамматику и русскую исторію. Въ 1820 году, переселясь изъ Курска въ Москву, онъ началъ издавать журналъ Московскій Телеграфъ, который состоялъ лѣтъ десять подъ его редакціей. Съ 1838 года Полевой поселился въ Петербургѣ, гдѣ два года издавалъ журналъ Сынъ Отечества, а потомъ участвовалъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. На пятидесятомъ году жизни, запечатлѣнной самою разнообразною, многостороннею дѣятельностью, Полевой, истощенный усиленными трудами, скончался въ Петербургѣ, въ 1843 году. Онъ похороненъ на Волковскомъ Кладбищѣ.

Полевой принадлежитъ къ числу талантливыхъ и ревностнѣйшихъ дѣятелей въ отечественной словесности, и

вліяніемъ своимъ много способствовалъ къ ея развитію. Онъ не имѣлъ ни учителей, ни наставниковъ: все пріобрѣлъ самъ, неутомимою страстью къ ученію и трудомъ, а потому недостатокъ систематическаго ученія постоянно препятствовалъ развитію его природныхъ способностей и дѣятельности.

Гоголь-Яновскій (Николай Васильевичъ) родился 20-го Марта 1810 года въ Миргородскомъ Уѣздѣ, Полтавской Губерніи. Происходилъ отъ старинной дворянской фамиліи. Воспитывался въ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, гдѣ учился плохо, не оказывалъ ни успѣховъ, ни способностей. Въ 1828 году, окончивъ курсъ наукъ, выпущенъ изъ гимназіи съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса, но только спустя два года послѣ того, опредѣлился на службу въ Департаментъ Удѣловъ. Вскорѣ послѣ того онъ посвятилъ себя педагогическимъ занятіямъ, и оказалъ притомъ особенное рвеніе и любовь къ своему предмету, и хотя литературные труды его уже успѣли доставить ему извѣстность, но онъ до 1836 года не покидалъ этихъ занятій. Съ Юля 1834 по начало 1836 года, Гоголь состоялъ адъюнктомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ С. Петербургскомъ Университетѣ. Первые литературные труды Гоголя напечатаны въ 1829 году, т. е. вскорѣ послѣ выпуска его изъ Нѣжинскаго Лицея. Въ 1831 году онъ издалъ свои *Вечера на хуторѣ*, имѣвшіе большой успѣхъ. Послѣ того во многихъ журналахъ и сборникахъ часто являлись его сочиненія въ различныхъ родахъ; въ особенности рассказы его *Миргородъ* и *Тарасъ Бульба* исполнены высокихъ художественныхъ красотъ. Кому также не извѣстна и не памятна *Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*, запечатлѣнная тонкимъ комизмомъ. Наконецъ *Ревизоръ* и *Мертвыя души* заключаютъ рядъ произведеній живаго юмора Гоголя, которымъ онъ заклеилъ жизнь пошлую, пустую, въ картинахъ творчески произведенныхъ, вѣрныхъ природѣ до неуловимыхъ мелочей.

Гоголь, находясь за границею, и впадъ въ недугъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ получалъ, по Высочайшему повелѣнію, пособіе отъ щедротъ Монаршихъ и, возвратясь въ Россію, умеръ въ Москвѣ 21-го Февраля 1852 г. Тѣло его похоронено въ оградѣ Даниловскаго Монастыря. Памятникъ на его могилу еще изготавляется.

(*) Портретъ его былъ помѣщенъ въ № 8-мъ Русскаго Художественнаго Листка 1852 г.

ПОЛОЖЕНІЕ

О ДВИЖЕНІИ ПО КІЕВСКОМУ ЦѢПНОМУ ЧРЕЗЪ РѢКУ ДНѢПРЪ МОСТУ,

НАПЕЧАТАННОЕ ВЪ № 89-мъ СЕНАТСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

(6-го Ноября.)

Глава I. Положенія общія. § 1-й. Движеніе по Кіевскому Цѣпному Мосту совершается на правилахъ сего положенія, подъ непосредственнымъ постояннымъ наблюдениемъ и отвѣтственностію Окружнаго Правленія X Округа Путей Сообщенія, и, въ особенности, начальника округа и его помощника. § 2-й. Движеніе по мосту производится безостановочно, исключая времени разводки моста для пропуска судовъ, на основаніи примѣч. 5 къ ст. 109 Том. XII Уст. Пут. Сообщ., по продолж. XV. § 3-й. При сильныхъ вѣтрахъ и ураганахъ, производящихъ качаніе моста, проѣздъ экипажей и обозовъ, и вообще передвиженіе грузовъ, не допускается; въ это время дозволяется однимъ только пѣшеходамъ проходить по мосту, и въ такомъ лишь числѣ, чтобы на каждый пролетъ моста приходилось не болѣе 150-ти человекъ, въ одно время.

Глава II. О проходѣ пѣшеходовъ и проѣздѣ экипажей и обозовъ. § 4-й. Пѣшеходы проходятъ мостъ собственно по тротуарамъ, съ обѣихъ сторонъ для сего устроеннымъ. § 5-й. Во время церковныхъ шествій и публичныхъ церемоній, когда бываетъ большое скопленіе народа, переходъ по мосту допускается собственно по полотну моста, для ѣзды назначенному, но съ тѣмъ, чтобы середина моста, по всей длинѣ онаго, шириною на восемь футовъ, оставалась свободною. § 6-й. Ъзда по мосту въ экипажахъ, городскихъ и дорожныхъ, производится съ каждаго конца по правой сторонѣ моста. § 7-й. Ъзда экипажей по мосту допускается только шагомъ. § 8-й. Экипажамъ воспрещается обгонять одинъ другаго. § 9-й. Обозы всякаго рода слѣдуютъ чрезъ мостъ не иначе какъ шагомъ, держась также правой стороны моста съ каждаго конца. § 10-й. Перевозка отдѣльныхъ тяжестей, до 200 пудовъ въ одной массѣ, допускается на обыкновенныхъ подводахъ. § 11-й. Грузъ свыше 200 пудовъ въ одномъ объемѣ, перевозится чрезъ мостъ не иначе какъ на платформахъ или каткахъ, имѣющихъ площадь не менѣе одной квадратной сажени, на каждые 40 пудовъ груза. § 12-й. Если бы потребовалось перевезти одновременно нѣсколько такихъ грузовъ (§ 11-й), то перевозка ихъ допускается одинъ послѣ другаго; но второй грузъ идетъ не прежде какъ когда первый будетъ уже совершенно перевезенъ чрезъ мостъ, и такъ далѣе.

Глава III. О проходѣ войскъ. § 13-й. Войска, проходя чрезъ мостъ, идутъ всегда по срединѣ полотна онаго, и въ это время, пропускаются по мосту одни токмо пѣшеходы по тротуарамъ. § 14-й. Въ одно время можетъ проходить цѣлый баталіонъ пѣхоты; но ежели идетъ болѣе одного баталіона, то второй баталіонъ вступаетъ на мостъ тогда, когда впереди идущій будетъ находиться на первомъ, послѣ береговаго устоя, пролетѣ, и такъ далѣе. § 15-й. Пѣхота слѣдуетъ по мосту отдѣленіями, вольнымъ шагомъ, но не въ одну ногу. § 16-й. Кавалерія въ одно время можетъ проходить цѣлымъ эскадрономъ; но ежели идетъ болѣе одного эскадрона, то второй эскадронъ вступаетъ на мостъ въ то время, когда впереди идущій будетъ находиться на первомъ, послѣ береговаго устоя, пролетѣ, и такъ далѣе. § 17-й. Кавалерія слѣдуетъ по мосту шагомъ, справа по три. § 18-й. Артиллерія слѣдуетъ по мосту шагомъ, орудіе за орудіемъ, ящикъ за ящикомъ, иля по срединѣ полотна моста. § 19-й. Артиллерія въ одно время можетъ проходить не болѣе одной батареи. § 20-й. Ежели по мосту должно итти болѣе одной батареи, то вторая батарея вступаетъ на мостъ въ то время, когда впереди идущая прослѣдуетъ весь мостъ, и такъ далѣе.

Глава IV. О прогонѣ скота. § 21-й. Лошади, быки и коровы проводятся чрезъ мостъ шагомъ, и не болѣе 50-ти головъ въ одномъ гуртѣ, съ каждаго конца въ одно время. § 22-й. При большемъ числѣ гуртовъ, второй гуртъ, въ 50 головъ, пускается на мостъ въ то время, когда впереди идущій будетъ находиться на первомъ, отъ береговаго устоя, пролетѣ, и такъ далѣе. § 23-й. При каждомъ гуртѣ, въ 50 головъ, должны быть два погонщика спереди и столько же сзади. § 24-й. Мелкій скотъ и птицы перегоняются чрезъ мостъ нераздѣльными стадами, безъ всякаго измѣненія, какъ они слѣдуютъ по обыкновеннымъ дорогамъ.

На рисунокъ, приложенномъ къ № 32-му Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ листъ первый видовъ Кіева: «Видъ цѣпнаго моста на Днѣпрѣ, и Кіево-Печерской Лавры»

**Подписка на 1854 годъ на Русскій
Художественный Листокъ принимается на
тѣхъ же условіяхъ и въ тѣхъ же мѣстахъ,
какъ и въ 1853 году (см. ниже).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургъ: для *иногородныхъ* у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Баунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи А. Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 9-го Ноября 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ЦѢПНОЙ МОСТЪ НА ДНѢПРѢ, ВЪ КІЕВѢ, И ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОСВЯЩЕНІЕ ЕГО.

28-го Сентября происходило открытіе Цѣпнаго Моста въ Кіевѣ. Древняя столица Владиміра Равноапостольнаго, въ продолженіе тысячелѣтняго своего существованія, не имѣла средствъ къ постоянному сообщенію съ заднѣпровской стороною. Своеравный Днѣпръ, разливаясь весной, сверхъ своей обыкновенной ширины, почти на десять верстъ, измѣняя притомъ положеніе своего русла, мѣшалъ даже помышлять о сооруженіи постоянного чрезъ него моста. Вѣку благополучно царствующаго Государя Императора предоставлено было преодолѣть, въ числѣ многихъ, и это, по-видимому, непреодолимое препятствіе. Да и чего не совершать твердая и благая воля Монарха и усердіе исполнителей священной воли! По Высочайшему повелѣнію, составлены были Англійскимъ Инженеромъ Карломъ Виніолемъ и разсмотрѣны въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій проекты и планы цѣпнаго моста чрезъ Днѣпръ, на каменныхъ устояхъ, и, по зрѣломъ и основательномъ обсужденіи, и по утвержденіи Государемъ Императоромъ, 30-го Августа 1848 г. послѣдовала закладка, у такъ называемаго Панкратьевскаго Оврага, ниже впаденія рѣки Черторей въ Днѣпръ. Кто возьмется исчислить все препятствія и затрудненія, встрѣчавшіяся при совершеніи сей работы, неизвѣстныя при постройкѣ другихъ мостовъ! Ширина и быстрина рѣки, непрочность и измѣняемость дна, наконецъ опасеніе чрезвычайныхъ весеннихъ разливовъ, все было предвидѣно, исчислено, побѣждено, и день 28-го Сентября 1853 года освѣтилъ днѣпровскій мостъ, идущій прямою какъ натянутая струна линіею, по громадамъ гранитныхъ устоевъ, чрезъ покоренный Днѣпръ. Въ часъ пополудни на мосту, у праваго берега, находились Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ съ духовенствомъ всего города и строители моста. Они окружены были воспитанниками Владимірскаго Неразжированнаго Корпуса и здѣшнихъ обѣихъ гимназій. Густыя, пестрыя толпы народа покрывали, въ безмолвіи нетерпѣливаго ожиданія, какъ этотъ берегъ Днѣпра, такъ и окрестныя горы. Вслѣдъ за тѣмъ изволилъ прибыть, осчастливившій наканунѣ прїѣздомъ Своимъ Кіевъ, Его

Императорское Высочество, Государь Великій Князь Николай Николаевичъ, въ сопровожденіи Главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, Графа П. А. Клейнмихеля, главнаго начальника края, Князя И. И. Васильчикова, и свиты Своей. Немедленно совершено было Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Филаретомъ благодарственное молебствіе Господу Богу; послѣ чего Его Высочество, предшествуемый Митрополитомъ и духовенствомъ и сопровождаемый всеми присутствовавшими, прошелъ весь мостъ пѣшкомъ до другаго берега. Шествіе это, озаренное яркими и теплыми лучами солнца и оживляемое присутствіемъ Великаго Князя, составляло зрѣлища торжественное и умиленное. Затѣмъ проѣхали по мосту экипажи Его Высочества и Его свиты. На той сторонѣ, Великій Князь сѣлъ въ Свою коляску, и напутствуемый благословеніями Митрополита, изволилъ отправиться по броварскому шоссе въ С. Петербургъ.

Такъ совершилось открытіе сего памятника на торжество наукъ и искусству, на удивленіе вѣкамъ, на пользу Русскому Народу, на славу Русскому Царю! (*)

(*) Статья объ освященіи моста заимствуется изъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей (№ 230-й, 1853 г.). Въ примѣчаніи къ статьѣ было сказано: «Изображеніе открытія моста вы увидите въ Русскомъ Художественномъ Листкѣ, котораго издатель, Г. Тиммъ, теперь здѣсь и снялъ картину съ природы посредствомъ дагерротипа.» На эти строки я считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: «Я снималъ освященіе моста съ природы карандашемъ, а не дагерротипомъ, т. е. набрасывалъ на бумагу данныя и собственныя замѣтки, для составленія въ послѣдствіи рисунка, приложеннаго къ Р. Х. Л. Точно также общій видъ моста, равно и все другіе виды Кіева, которые намѣренъ представить въ моемъ изданіи, сняты съ природы карандашемъ. Видъ освященія моста снятъ фотографіею, по порученію Г. Виніоля, Г. Бонемъ (Boune), но неудачно. Я видѣлъ этотъ опытъ: для него дагерротипъ былъ поставленъ на высотахъ (которыя въ моемъ рисункѣ изображены на послѣднемъ планѣ); изображеніе моста вышло хорошо; но вмѣсто фигуръ вышли неопредѣленныя пятны. Г. Виніоль, интересовавшійся имѣть изображеніе освященія моста, имѣя сооруженнаго, просилъ меня, по окончаніи моего рисунка, отправить ему экземпляръ въ Лондонъ, потому что фотографическій опытъ не удался. При этомъ долгомъ считаю присоветовать, что я обязанъ Г. Виніолю, сообщеніемъ мнѣ многихъ фотографическихъ рисунковъ объ архитектурныхъ подробностяхъ моста, снятыхъ во время постройки, которые мнѣ были весьма полезны. Этимъ я выигралъ время, и успѣлъ снять многіе другіе виды Кіева, весьма любопытныя, и которыми вообще этотъ городъ надѣленъ въ изобиліи.»

В. Тиммъ.

РУССКАГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТКА

въ 1853 году.

Русскій Художественный Листокъ, основанный съ Высочайшаго соизволенія въ 1851 году, въ настоящее время единственное въ Россіи періодическое живописное изданіе, вступающъ, съ 1854 года, благодаря вниманію къ нему всѣхъ любителей изящнаго, въ четвертый годъ своего существованія. Лестный пріемъ, оказанный ему въ высшемъ кругу обѣихъ столицъ и въ губерніяхъ, доказалъ, что это изданіе удовлетворило ожиданіямъ публики, и издатель также въ 1854 году употребить съ своей стороны всѣ усилія, чтобъ придать Русскому Художественному Листку разнообразіе и занимательность, необходимыя для подобнаго изданія. Слѣдуя неуклонно программѣ Русскаго Художественнаго Листка, онъ представитъ своимъ подписчикамъ все, близкое русскому сердцу и все, драгоценное для русской жизни, какъ прошедшее такъ и въ особенности современное. Издатель предпринималъ для того, лѣтомъ 1853 года, поѣздки по Россіи, и завелъ художниковъ-корреспондентовъ въ губерніяхъ. Нынѣшнею осенью онъ совершилъ поѣздку чрезъ Москву и по новому московско-варшавскому шоссе, чрезъ Малоярославецъ, Юхновъ, Рославль, Гомель, Черниговъ, въ Кіевъ, и обратно чрезъ Нѣжинъ, Орель и Тулу и во всѣхъ мѣстахъ, имъ посѣщенныхъ, собралъ множество видовъ, народныхъ сценъ, разнообразныхъ костюмовъ, и проч., что все не замелитъ представить въ своемъ Русскомъ Художественномъ Листкѣ.

Въ 1853 году цѣна Русскому Художественному Листку, по случаю измѣненія почтовой таксы за пересылку періодическихъ изданій, не была возвышена, подобно тому какъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Желая угодить въ этомъ отношеніи своимъ подписчикамъ, издатель и на 1854 годъ оставилъ цѣну своему изданію прежнюю, принявъ всѣ расходы по пересылкѣ, выше прежнихъ, на себя, въ надеждѣ на готовность читателей поддержать Русскій Художественный Листокъ. Нѣкоторые книгопродавцы, въ разосланныхъ ими объявленіяхъ 1853 года, возвысили цѣну до 10-ти и до 12-ти руб. сер., не оговоривъ условій подписки на Русскій Художественный Листокъ, означенныхъ ниже, а потому издатель считаетъ долгомъ предупредить своихъ подписчиковъ объ этихъ самопроизвольныхъ цѣнахъ, назначенныхъ лицами, съ которыми онъ не имѣетъ ни какихъ сношеній, и проситъ подписываться только въ мѣстахъ, означенныхъ въ каждомъ номерѣ Листка, и въ его собственныхъ объявленіяхъ. Программа Русскаго Художественнаго Листка остается прежняя.

При рисункахъ будутъ самыя краткія ихъ описанія, гдѣ необходимо съ историческими поясненіями. Рисунки будутъ исполняемы на камнѣ самимъ издателемъ, В. Тиммомъ, и печатаемы въ два тона въ лучшихъ петербургскихъ литографіяхъ.

Согласно своей программѣ, Русскій Художественный Листокъ и въ наступающемъ 1854 году будетъ выходить по три раза въ мѣсяцъ: 1-го, 10-го и 20-го чиселъ, въ поллиста большаго формата рисунковъ, а текста будетъ прилагасяемо, сколько потребуется, смотря по описанію изображеній. Въ семъ случаѣ издатель будетъ слѣдовать тѣмъ же правиламъ, какъ и въ 1853 году.

Подписная цѣна: съ доставкою на домъ здѣсь, въ С. Петербургѣ, и съ пересылкою во всѣ города Имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, 9 руб. сер., за СЛОЖЕННЫЕ экземпляры въ наглухо-заклеенныхъ конвертахъ, которые будутъ разсылаемы немедленно по выходѣ въ свѣтъ (три раза въ мѣсяцъ), а 12 руб. сер. за НЕСЛОЖЕННЫЕ, накрученные на палку и обшитые холстомъ, которые будутъ разсылаемы не три раза въ мѣсяцъ, а однажды, 1-го числа каждаго мѣсяца, по три номера вдругъ. *Гг. иногородные благоволятъ относиться къ самому издателю Василью Ѳеодоровичу Тимму, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека, въ С. Петербургѣ.*

Подписка также принимается: въ С. Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы, на Мойкѣ, у Почтамтскаго Мостика, въ домѣ Греча; въ книжныхъ магазинахъ: П. А. Ратькова (Контора Отечественныхъ Записокъ) и Ѳ. В. Базунова (Контора Современника); въ магазинахъ Гг. Фельтена и Дацаро, на Невскомъ Проспектѣ; Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ); въ литографіи А. Минстера, по Большой Садовой, въ домѣ Риттера и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта. Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова, П. А. Ратькова и въ магазинѣ эстамповъ Г. Дацаро, на Кузнецкомъ Мосту.—*С. Петербургскіе подписчики могутъ, по примѣру нынѣшняго года, получать сами, за девять руб. сер., всѣ номера несложенные, немедленно по выходѣ въ свѣтъ, изъ Конторы Редакціи Сѣверной Пчелы и изъ магазиновъ П. А. Ратькова и Ѳ. В. Базунова.*

На рисункѣ, приложенномъ къ № 33-му Русскаго Художественнаго Листка, изображено торжественное освященіе цѣпнаго моста въ Кіевѣ, Высокопреосвященнымъ Филаретомъ Митрополитомъ Кіевскимъ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, 28-го Сентября 1853 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иногородныхъ* у издателя Василья Ѳеодоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ѳ. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Дацаро, и въ литографіи Минстера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 15-го Ноября 1853 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ПАМЯТНИКЪ ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРУ СКАРЯТИНУ,

ВОЗДВИГНУТЫЙ АВСТРІЙСКИМИ ВОЙСКАМИ
ПОДЪ ШЕСБУРГОМЪ (СЕГЕЗВАРОМЪ).

Дѣло 19-го Іюля 1849 года, подъ Сегезваромъ, противъ венгерскихъ мятежниковъ, было ознаменовано блистательнымъ успѣхомъ русскаго оружія, и съ тѣмъ вмѣстѣ запечатлѣно смертію храбраго Генераль-Маіора Скарятинна, сильно контуженнаго въ плечо и въ голову однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ ядеръ въ то время, когда онъ, какъ начальникъ корпуснаго штаба, находился при Генераль-Адъютантѣ Лидерсѣ, располагавшимъ войска на позицію. Контузія была смертельна, и Скарятинъ умеръ до окончанія славнаго боя (*).

Корпусъ австрійскихъ войскъ, расположенныхъ въ Трансильваніи и бившихся съ Русскими противъ Венгерцевъ, единодушно изъявилъ желаніе почтить память Генераль-Маіора Скарятинна, сооруженіемъ ему, своимъ иждивеніемъ, монумента на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ палъ въ шесбургскомъ сраженіи.

Императоръ Австрійскій Францъ Іосифъ, во время своего пребыванія въ Трансильваніи, въ прошедшемъ году, присутствовалъ, съ многочисленною свитой, при закладкѣ этого памятника, и въ день смерти Скарятинна, 19-го Іюля 1852 года, при залпахъ ружей и орудій и колокольномъ звонѣ шесбургскихъ церквей, собственноручно положилъ первый камень монумента въ честь нашему храброму воину.

¹⁶/₂₈ Сентября нынѣшняго года назначено было открытіе памятника, и для присутствованія при этомъ, по сношенію командующаго войсками въ Трансильваніи, Фельд-маршаль-Лейтенанта Князя Шварценберга, съ Генераль-Адъютантомъ Княземъ Горчаковымъ, съ Высочайшаго разрѣшенія были командированы въ Шесбургъ: Свиты Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ Князь Урусовъ 2-й, Гусарскаго Герцога Нассаускаго Полка Подполковникъ Блюмъ и 5-го Сапернаго Баталіона Капитанъ Критскій.

(*). Изъ № 23-го Извѣстій изъ Дѣйствующей Арміи.

16-го Сентября, въ десять часовъ утра, окружили памятникъ, прикрытый щитами, генералы и офицеры отъ всѣхъ войскъ, въ Трансильваніи расположенныхъ, два баталіона австрійской пѣхоты, два дивизіона уланъ, пѣшая и конная артиллерійскія баттарей.

По освященіи памятника, онъ былъ открытъ при залпѣ ружей и орудій, и вслѣдъ за тѣмъ войска прошли мимо его церемоніальнымъ маршемъ.

Такъ, по-братски, Австрійцы достойно воздали честь и хвалу нашему храброму соотечественнику, павшему въ дѣлѣ обороны ихъ престола.

Въ тотъ же день данъ былъ Княземъ Шварценбергомъ большой обѣдъ, во время котораго князь, провозгласивъ тостъ за здравіе Государя Императора, и затѣмъ въ честь Русской Арміи, припомнилъ, съ чувствованіями глубокой признательности, какъ въ годину тяжкаго испытанія, ниспосланнаго Всевышнимъ Австріи, Государь Императоръ великодушно подалъ ей Свою мощную руку помощи.

Генераль-Маіоръ Князь Урусовъ отвѣчалъ тостомъ за здравіе Императора Австрійскаго и въ честь его арміи увѣковѣчившей память Русскаго, павшаго за ихъ дѣло:

«Да здравствуютъ тѣ, кто почтили его память.

«Да здравствуютъ тѣ, кто имя его увѣковѣчили.

«Да здравствуетъ славная Австрійская Армія!...»

заклучилъ свой тостъ Князь Урусовъ.

Изображеніе этого прекраснаго памятника, сооруженнаго храброму Генераль-Маіору Скарятину и признательности къ Русскимъ Австрійцевъ, помѣщаемъ на рисункѣ, приложенномъ къ сему номеру, съ копіею надписи, изсѣченною на монументѣ:

ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРУ

ГРИГОРИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ СКАРЯТИНУ,
ПАВШЕМУ ПРИ Г. ШЕСБУРГѢ, ¹⁹/₃₁ Іюля 1849 ГОДА,
СРАЖАЯСЯ ЗА ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ЗАКОННАГО ПОРЯДКА,
ВОЗДВИГНУТЬ ПАМЯТНИКЪ СЕЙ ОФИЦЕРАМИ
СЕМІГРАДСКАГО КОРПУСА АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ (*).

(*). На оборотъ памятника подобная же надпись на Нѣмецкомъ Языкѣ.

А. М. ДОРОГОВЪ.

Александръ Матвѣвичъ Дороговъ принадлежитъ къ числу даровитыхъ русскихъ пейзажистовъ, но, къ несчастію, слишкомъ рано похищенъ смертію.

Сынъ коллежскаго ассессора, онъ воспитывался въ Горномъ Институтѣ, гдѣ, оказавъ большія способности къ художествамъ, по Высочайшему соизволенію былъ выпущенъ въ 1841 году изъ младшаго кондукторскаго класса, съ правомъ получить чрезъ годъ первый оберъ-офицерскій чинъ, но съ тѣмъ, чтобы, по усовершенствованіи себя въ живописи и архитектурѣ въ Академіи Художествъ, служилъ въ послѣдствіи на уральскихъ заводахъ.

Дороговъ оказалъ въ Академіи Художествъ блистательные успѣхи въ пейзажной живописи, такъ что въ 1844 году получилъ серебряную медаль перваго достоинства за морской видъ, а въ 1847 году удостоился золотой медали втораго достоинства за видъ Константинополя. За эти успѣхи, еще въ 1844 году, по ходатайству Его Императорскаго Высочества, Президента Академіи Художествъ, съ Высочайшаго соизволенія, уволенъ былъ изъ горнаго вѣдомства для исключительнаго занятія живописью.

По выпускѣ изъ академіи, Дороговъ путешествовалъ по Крыму, на Кавказѣ, въ Европейской и Азіатской Турціи. Въ Русской Иллюстраціи, изданія 1847 года, много помѣщено рисунковъ съ его картинъ, отличавшихся вѣрностью изображаемой имъ природы, свѣжестью и пріятностью колорита.

На академической выставкѣ, бывшей въ С. Петербургѣ въ 1846 году, Дороговъ выставилъ четыре картины, оцѣнку которыхъ мы нашли въ листкахъ Русской Иллюстраціи того года: «1) Сухумъ-Кале съ моря, укрѣпленіе, созданное природою на абхазскомъ берегу. Щитъ солнечный за горой; отъ него по взволнованному морю льется полоса свѣта, съ которою въ сильномъ контрастѣ возвышается черная масса отвѣсныхъ скалъ. Освѣщеніе сзади всегда способствуетъ усилению эффекта: отъ чего же этимъ и не воспользоваться; не хорошо если художникъ только этимъ и взять хочетъ, но между прочимъ оно пріятно и доставляетъ вѣрный эффектъ. 2) Оріанда, имѣніе Ея Императорскаго Величества въ Крыму — пейзажъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный и по теплотѣ воздуха и зелени, и по тщательному исполненію. 3) Навагинское укрѣпленіе Соча, на Кавказѣ, и сторожевыя собаки — очень хорошия этюды изъ этой новой поэмы, которую мы читаемъ около ста лѣтъ всегда съ новымъ интересомъ. На Черной Горѣ, говорятъ, собаки не разъ спасали эту подъ-облачную страну отъ конечной гибели; Турки никогда не могли заставить Черногорцевъ врасплохъ; собаки всегда давали знать своевременно о приходѣ незваныхъ гостей. На Кавказѣ навагинскіе псы оказываютъ тѣ же услуги; нельзя сказать, чтобъ эти псы были красивой породы, но за то они нравятся какъ вѣрные слуги; на этомъ пейзажѣ замѣчательны и жилища, съ пушками въ окнахъ. 4) Видъ горы Аю-Дагъ съ моря, по нашему мнѣнію, лучшій изъ четырехъ. Странная форма горы обращала на себя вниманіе почти каждаго живописца, посѣщавшаго Крымъ. Ее перерисовывали

со всѣхъ сторонъ. Надобно сознаться, что пунктъ, избранный для этой картины Г. Дороговымъ, весьма удаченъ. Массы свѣта, разливаясь полосами, увеличиваютъ эффектъ картины. — И такъ, заключаетъ рецензентъ, мы имѣемъ еще одного и весьма даровитаго художника, за успѣхами котораго будемъ слѣдить съ любовью и безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ.» (*)

Вотъ отзывъ о Дороговѣ Н. В. Кукольника, эстетическому вкусу и познанію въ художествахъ котораго мы можемъ повѣрить, тѣмъ болѣе, что эта оцѣнка произведеній художника, въ первый еще разъ представившаго свою работу на судъ публики, была вскорѣ подтверждена судомъ самой академіи, увѣнчавшей работу Дорогова золотою медалью втораго достоинства.

Рисунки Дорогова помѣщены въ путешествіяхъ по Египту Ковалевскаго и Малой Азіи Чихачева. Жаль, что, по причинѣ болѣзни, Дороговъ не могъ продолжать работъ для этого живописнаго путешествія, первая часть котораго недавно великолѣпно издана въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: *Asie Mineure, description physique, statistique et archéologique de cette contrée, par P. de Tchihatcheff.* Въ первой вышедшей части, заключающей въ себѣ отдѣлъ географической и физической, находятся въ числѣ другихъ рисунковъ пятнадцать работъ Дорогова, изъ числа коихъ мы заимствуемъ виды: дома Императорскаго Россійскаго Посольства въ Константинополѣ, (***) и дома Россійскаго Консульства въ Чанакъ-Калессіи, на азіатскомъ берегу въ Дарданеллахъ.

Если хотите имѣть понятіе о прелестяхъ роскошной природы, которыми она запечатлѣла одно изъ лучшихъ своихъ созданій — берега Босфора и Дарданеллъ, отрѣзавшихъ Европу отъ Азіи, то обратитесь къ вышеупомянутому нами изданію Чихачева, и въ рисункахъ Дорогова, какъ въ зеркалѣ, найдете отраженіе этихъ чудныхъ пейзажей, манящихъ воображеніе къ роскоши и нѣгѣ.

Повторимъ, Дороговъ, къ сожалѣнію, еще въ началѣ своего художческаго поприща преждевременно похищенъ отъ насъ: онъ утонулъ въ Невѣ, 11-го Іюня 1850 года, во время прогулки съ пріятелями.

(*) Въ теченіе 1854 года, въ Р. Х. Л. будутъ представлены изображенія этихъ четырехъ картинъ.

(**) Тотъ, который представленъ на заднемъ планѣ и выше всѣхъ.

На рисунокѣ, приложенномъ къ № 34-му Русскаго Художественнаго Листка, представлены: 1) домъ Императорскаго Россійскаго Посольства въ Константинополѣ; 2) домъ Россійскаго Консульства въ Чанакъ-Калессіи (въ Дарданеллахъ); 3) памятникъ Генералъ-Маіору Г. Я. Скарятину, подъ Шесбургомъ, освященный 16/28 Сентября 1853 года; 4) портретъ Н. А. Полеваго, скончавшагося 22-го Февраля 1845 года, въ С. Петербургѣ; 5) портретъ художника А. М. Дорогова, скончавшагося 11-го Іюня 1850 года, въ С. Петербургѣ.

Подписка на 1854 годъ на Русскій Художественный Листокъ принимается на тѣхъ же условіяхъ и въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ 1853 году (см. ниже).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Русскій Художественный Листокъ, съ пересылкою или безъ пересылки (за 36 номеровъ), за СЛОЖЕННЫЕ номера 9 руб. сер., за НЕСЛОЖЕННЫЕ 12 руб. сер. Подписка принимается въ С. Петербургѣ: для *иностранцевъ* у издателя Василія Федоровича Тимма, на Васильевскомъ Острову, въ Третьей Линіи, въ домъ Варнека; для *городскихъ* въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы; въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова, Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ магазинахъ эстамповъ Гг. Фельтена и Даціаро, и въ литографіи Мнштера.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 30-го Ноября 1853 года.

Цензоръ Н. Ахматовъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ИСАКІЕВСКІЙ СОБОРЪ.

На рисункѣ, приложенномъ къ № 35-му Художественнаго Листка, изображенъ Исакиевскій Соборъ, сооружаемый въ С. Петербургѣ, снятый съ фотографіи Г. Біанки, исполненной весною 1853 года, слѣдовательно сей храмъ представленъ въ томъ видѣ, въ какомъ находился во время снятія его фотографіею.

Соборъ Преподобнаго Исаакія Далматскаго, сооружаемый на площади между Исакиевскимъ и Синимъ Мостами, заложенъ Императрицею Екатериною II въ 1768 году, въ память дня рожденія Петра Великаго (30-го Мая). Постройка сего собора часто прерывалась, и въ 1800 году довершена была временною крышею съ куполомъ. Основаніе нынѣшнему храму положено 26-го Іюня 1819 года. Исакиевскій Соборъ, по окончаніи его, будетъ принадлежать къ числу самыхъ великолѣпныхъ храмовъ въ мірѣ. Строитель его — почетный вольный общникъ Императорской Академіи Художествъ, архитекторъ Монферранъ, положившій основаніе храму въ 1819 году. Чтобы ознакомить нашихъ подписчиковъ съ тѣмъ, что исполнено по сооруженію собора въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, сообщаемъ извлеченіе изъ напечатанныхъ (*) отчетовъ Академіи Художествъ, о трудахъ Г. Монферрана по сооруженію Исакиевского Собора.

Въ теченіе 1848—1849 года занятія почетнаго вольнаго общника Академіи Художествъ Монферрана состояли въ окончаніи устройства желѣзной системы въ сводахъ и аркахъ собора, для производства штукатурки и постановки украшеній въ оныхъ; продолженіемъ работъ штукатурки сводовъ и арокъ, и постановкѣ украшеній въ оныхъ, какъ алебастровыхъ, такъ и гальванопластическихъ; на углахъ сѣвернаго фронтона гальванопластическихъ фигуръ, изображающихъ Евангелиста Іоанна и Апостоловъ Петра и Павла; въ нишѣ сѣвернаго портика бронзоваго барельефа, изображающаго Положеніе во гробъ Христа Спасителя; надъ большими дверьми сѣвернаго и южнаго портиковъ, двухъ гальванопластическихъ барельефовъ, изображающихъ Поклоненіе Пастырей, и Распятіе Иисуса Христа; продолженіемъ построения мраморнаго субсесамента и пилястръ внутри собора, изготовленіемъ двѣнадцати бронзовыхъ дверей для четырехъ нишъ сѣвернаго и южнаго портиковъ, тоже четырехъ дверей для входа на круглыя лѣстницы и помѣщенія для сторожей подъ сими же портиками; подготовкою подъ позолоту въ башнѣ большого купола; изготовленіемъ и постановкою на мѣсто двухъ желѣзныхъ подвижныхъ снарядовъ, для сбрасыванія снѣга съ крыши собора, и поднятіемъ колоколовъ въ малыя башни.

Въ 1849—1850 году Г. Монферранъ: а) продолжалъ построение цоколя внутри собора, постановленіе на мѣсто мраморныхъ пилястръ, мраморную облицовку стѣнъ въ старой части собора; б) оканчивалъ позолоту въ башнѣ купола и въ отверстіи сферическаго свода, штукатурку сво-

довъ и алебастровыя украшенія въ сводахъ и архивольтахъ; с) производилъ позолоту въ одномъ изъ малыхъ куполовъ; приводилъ къ окончанію гальванопластическія работы по украшенію сводовъ въ боковыхъ проходахъ; исполнялъ внутреннія украшенія, а также составлялъ проекты на добавочное наружное украшеніе оконъ въ аттикѣ собора, въ коемъ между тѣмъ продолжались живописныя работы для иконостасовъ, по стѣнамъ и сводамъ, безостановочно.

Въ 1850—1851 году работы, производившіяся по собору, подъ наблюденіемъ Г. Монферрана, были слѣдующія: окончаніе цоколя и подлива большихъ пилястръ внутри собора, продолженіе передѣлки старой части собора, окончаніе позолоты въ башнѣ купола и начатіе оной въ большихъ сводахъ; продолженіе живописи на стѣнахъ и въ сводахъ; окончаніе построения цоколя большаго иконостаса изъ порфира, мрамора и малахита; построение мраморной облицовки внутри собора; исполненіе моделей фигуръ для аттика, группъ для малыхъ иконостасовъ и другихъ украшеній, постановки на мѣсто малыхъ бронзовыхъ дверей подъ южнымъ и сѣвернымъ портиками; отливкою изъ бронзы большихъ дверей наружныхъ и внутреннихъ.

Въ теченіе 1851—1852 года, Г. Монферранъ, по строенію Исакиевского Собора, какъ главный архитекторъ, имѣлъ наблюденіе, по наружности собора: 1) за изготовленіемъ въ настоящую величину алебастровыхъ моделей группъ, долженствующихъ быть произведенными гальванопластическимъ способомъ, которыя предназначены къ постановкѣ по четыремъ угламъ собора, на высотѣ крыши; 2) моделей фигуръ ангеловъ, предназначенныхъ къ постановкѣ надъ пилястрами, на высотѣ аттика собора; 3) за обдѣлкою и полировкой осьми гранитныхъ колоннъ и мрамора для добавочнаго украшенія четырехъ оконъ съ сѣверной и южной стороны собора; 4) за постановкою на мѣста шестнадцати малыхъ бронзовыхъ дверей подъ большими портиками, и 5) изготовленіемъ трехъ большихъ бронзовыхъ дверей для главныхъ входовъ собора, которыя и устанавливаются на мѣста. По внутренности собора: наблюдалъ за продолженіемъ живописи на стѣнахъ и св. иконъ для иконостасовъ, за облицовкою разноцвѣтнымъ мраморомъ стѣнъ собора до высоты большаго карниза, и окончаніемъ мраморныхъ наличниковъ дверей, съ вставками разноцвѣтнаго мрамора; за построениемъ изъ бѣлаго мрамора малыхъ иконостасовъ и боковыхъ дверей большаго иконостаса; облицовкою стѣнъ по четыремъ угламъ собора разноцвѣтнымъ мраморомъ финляндскихъ ломокъ, изготовленіемъ трехъ большихъ бронзовыхъ дверей, бронзовыхъ украшеній для иконостасовъ, моделей четырехъ малыхъ дверей, а также группъ, предназначенныхъ для постановки на срединѣ, поверхъ большаго и малыхъ иконостасовъ, и окончаніемъ подготовки грунта подъ позолоту въ верхнихъ частяхъ собора, и начатіемъ производства самой позолоты.

Въ 1852—1853 году Г. Монферранъ имѣлъ наблюденіе за производствомъ работъ по наружности собора: за изготовленіемъ гальванопластическимъ способомъ группъ для четырехъ угловъ въ аттикѣ и гальванопластическихъ фигуръ для постановленія надъ пилястрами, у четырехъ угловъ собора; продолженіемъ предварительныхъ работъ для постановки трехъ большихъ наружныхъ дверей; производствомъ столярной работы, составляющей основаніе этихъ

(*) См. Сѣверную Пчелу 1849, 1850, 1851, 1852 и 1853 годовъ.

дверей, и построением лѣсовъ для производства работъ по добавочному украшенію четырехъ нижнихъ оконъ собора. По внутренности собора: за производствомъ работъ изъ бѣлаго мрамора, со вставкою малахита и лапись-лазурика и бронзовыхъ украшеній для большаго иконостаса; построения двухъ малыхъ придѣловъ изъ бѣлаго жилватаго мрамора перваго сорта, трехъ большихъ бронзовыхъ внутреннихъ дверей и начатія столярной работы изъ дуба для основанія сихъ дверей; за подливкою на мѣсто нѣкоторыхъ частей бронзовыхъ украшеній въ малыхъ иконостасахъ; изготовленіемъ изъ бронзы четырехъ внутреннихъ дверей для боковыхъ проходовъ; окончаніемъ подготовки фоновъ подъ позолоту и продолженіемъ производства сей позолоты; окончаніемъ моделей: 1) Воскресенія Христа Спасителя для малаго придѣла собора, во имя Св. Александра Невскаго, произведенной академикомъ Пименовымъ, и 2) изображенія Христа Спасителя во славу, для постановки надъ царскими вратами большаго иконостаса, исполненной профессоромъ Барономъ Клодтомъ; за изготовленіемъ иконъ для царскихъ вратъ большаго иконостаса, написанныхъ профессоромъ Нефомъ; за построениемъ лѣсовъ для очистки живописи въ большомъ куполѣ; окончаніемъ двухъ лѣстницъ для входа въ малые куполы; покрытіемъ листовымъ свинцомъ нижней части конического свода большаго купола; окончаніемъ подлива фриза большаго антаблемента изъ краснаго шокшинскаго порфира; производствомъ моделей софитовъ въ амбразурахъ (проходахъ) большихъ дверей; за продолженіемъ живописи въ сводахъ собора, исполняемой художникомъ Соловьевымъ, и за производствомъ изъ глины моделей группъ ангеловъ, для постановленія по обѣимъ сторонамъ св. изображенія Тайной Вечери въ большомъ иконостасѣ, сдѣланныхъ профессоромъ Витали.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Назначеніе Русскаго Художественнаго Листка сообщать все занимательное изъ современнаго и прошедшаго Россіи. Нынѣ вниманіе всей Россіи устремлено на событія, совершающіяся на берегахъ Дуная, на Черномъ Морѣ и въ Закавказскомъ Краѣ на азіатской границѣ, а потому полагаемъ, что подписчики Художественнаго Листка съ удовольствіемъ встрѣтятъ на рисункахъ этого изданія изображенія, имѣющія отношенія къ симъ событіямъ. Заготовивъ нѣсколько подобныхъ рисунковъ, и получивъ уже Высочайшее разрѣшеніе на ихъ помѣщеніе въ Р. Х. Л., издатель доводитъ до свѣдѣнія подписчиковъ, что помѣщеніе этихъ рисунковъ начато будетъ имъ съ слѣдующаго номера (№ 36), въ которомъ изображено будетъ дѣло при Исакчи (на Дунаѣ, 11-го Октября 1853 года), изъ альбома Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, съ рисунка художника Лейтенанта Боголюбова, составившаго его по словамъ Капитанъ-Лейтенанта Повало-Швейковскаго, участвовавшаго въ этомъ сраженіи.

Въ первыхъ номерахъ 1854 года будутъ помѣщены слѣдующіе рисунки:

1) Портретъ Капитана 2-го ранга Варпаховскаго, павшаго въ дѣлѣ съ Турками при Исакчи (съ рисунка любителя-художника М. А. Гамазова).

2) Портретъ Флота Лейтенанта Желѣзнова, убитаго въ сраженіи съ Турками, при взятіи Египетскаго парохода «Первасъ-Бахре» (съ рисунка брата его).

3) Портретъ Генераль-Адъютанта Вице-Адмирала Корнилова (съ портрета, сообщеннаго издателю Адъютантомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя

Константина Николаевича, Капитанъ-Лейтенантомъ Лисянскимъ).

4) Рисунокъ, представляющій слѣдующія лица (верхомъ): Намѣстника Кавказскаго Князя М. С. Воронцова; Генераль-Лейтенанта Князя Бебутова (подъ начальствомъ котораго русскія войска одержали побѣду между Александрополемъ и Карсомъ, 18-го Ноября 1853 года); Генераль-Адъютанта Князя Бяратинскаго (Начальника Штаба Войскъ, на Кавказѣ расположенныхъ); Генераль-Маіора Князя Орбелиани 3-го (подъ начальствомъ котораго русскія войска одержали побѣду, 2-го Ноября 1853 г., подъ селеніемъ Байандуръ); Генераль-Маіора Индрениуса (участвовавшаго въ сраженіи 18-го Ноября 1853 г.); Полковника Свѣчина (состоявшаго при Генераль-Лейтенантѣ Князѣ Бебутовѣ); Полковника Алтухова (участвовавшаго въ сраженіи 18-го Ноября 1853 г.) и Генеральнаго Штаба Подполковника Циммермана (участв. въ сраженіи 14-го Ноября 1853 г.) (по большей части съ портретовъ, рисованныхъ В. Тиммомъ съ натуры на Кавказѣ, въ 1849 году).

5) Портреты Генераль-Адъютантовъ Князя Горчакова и Лидерса (верхомъ, передъ фронтомъ).

6) Унтеръ-офицеръ Кавказскаго Сапернаго Баталіона, въ лѣтней походной формѣ (какъ дополненіе къ рисунку кавказскаго солдата, въ зимней походной формѣ, помѣщенному въ № 27-мъ Р. Х. Листка 1853 года).

7) Сцена въ лагерѣ на Кавказѣ.

8) и 9) Турецкіе рекруты и турецкіе егеря съ прекрасныхъ рисунковъ Г. Раффе (*), рисованныхъ имъ съ натуры.

Сверхъ того будутъ помѣщены:

1) Отъѣздъ Его Величества Государя Императора съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею и Высочайшими Особами Императорской Фамиліи, изъ Царскаго-Села въ Гатчину, съ первымъ поѣздомъ С. Петербурго-Варшавской Желѣзной Дороги, 29-го Октября 1853 года (рисов. съ натуры В. Тиммомъ).

2) Изъ альбома Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича: «Смерть Генераль-Маіора Скарятинна», портретъ котораго былъ помѣщенъ въ № 33-мъ Р. Х. Листка 1852 года, а памятникъ, воздвигнутый ему на полѣ сраженія при Шесбургѣ, въ № 34-мъ Р. Х. Л. 1853 года.

3) «Зимняя экспедиція въ Чечнѣ» (на Кавказѣ, въ Январѣ 1850 года), съ прекраснаго рисунка извѣстнаго любителя-художника Князя Г. Г. Гагарина.

Издатель считаетъ долгомъ къ сему присовокупить, что онъ употребитъ всѣ усилія для пополненія, по возможности, вышеупомянутой коллекціи портретовъ и изображеній, имѣющихъ отношеніе къ нынѣшнимъ событіямъ, чтобы вполне исполнить назначеніе своего изданія.

На рисунокъ, приложенномъ къ № 35-му Русскаго Художественнаго Листка, изображенъ Исакіевскій Соборъ, сооружаемый въ С. Петербургѣ, и снятый съ фотографіи Г. Бианки, исполненной весной 1853 года. Сей храмъ окруженъ нынѣ временными зданіями, выстроенными какъ для помѣщенія разнаго рода мастерскихъ, необходимыхъ для сооруженія собора, такъ и для храненія матеріаловъ. По правую сторону собора, виднѣется зданіе Военнаго Министрства, изъ-за котораго выставляется шницъ Главнаго Адмиралтейства; съ лѣвой стороны видны дома: Генераль-Маіора Александрова (на углу Большой Морской Улицы и площади, на которой сооружается соборъ) и Двѣстительной Тайной Совѣтницы Мятлевой (на углу этой площади и Почтамтской Улицы). Далѣе, по лѣвую же сторону, изображено зданіе Синода и Сената. На заднемъ планѣ виднѣется Нева съ Исакіевскимъ Мостомъ и Васильевскій Островъ съ зданіями Перваго Кадетскаго Корпуса.

(*). Эти рисунки, вмѣстѣ съ другими, будутъ помѣщены для ознакомленія подписчиковъ Р. Х. Л. съ народомъ, воюющимъ нынѣ съ Россією.

Подписка на 1854 годъ на Русскій Художественный Листокъ принимается на тѣхъ же условіяхъ и въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ 1853 году.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно:

Манифестомъ Нашимъ, даннымъ въ 14-й день Юня текущаго года, Мы объявили любезнымъ Нашимъ вѣрно-подданнымъ о причинахъ, побудившихъ Насъ требовать отъ Порты Оттоманской твердаго обезпеченія на будущее время Священныхъ правъ Церкви Православной.

Мы также возвѣстили имъ, что всѣ старанія Наши склонить Порту, мѣрами дружескаго убѣжденія, къ чувству правоты и добросовѣстному соблюденію трактатовъ, оставались бесполезными; почему и признано было Нами необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія Княжества. Но, принявъ сію мѣру, Мы сохраняли еще надежду, что Порта, въ сознаниі своихъ заблужденій, рѣшится исполнить справедливыя Наши требованія.

Ожиданія Наши не оправдались.

Тщетно даже главныя европейскія державы старались своими увѣщаваніями поколебать закоснѣлое упорство Турецкаго Правительства. На миролюбивыя усилія Европы, на Наше долготерпѣніе, оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, исполненною извѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ, принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Россія вызвана на брань: ей остается, — возложивъ упованіе на Бога, — прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на Востокѣ Православной Вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ.

Мы твердо убѣждены, что Наши вѣрноподданные соединятъ съ Нами теплыя мольбы къ Всевышнему, да бла-

гословить Десница Его оружіе, подъятое Нами за святое и правое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ Нашихъ благочестивыхъ Предкахъ. *На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки.*

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 20-й день Октября мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ третіе, Царствованія же Нашего въ двадцать осьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

(Свѣ. Пч.)

ДѢЛО ПРИ ИСАГЧИ.

11-го минувшаго Октября, по распоряженію Генераль-Адъютанта Лидерса, отрядъ Дунайской Гребной Флотиліи изъ восьми канонирскихъ лодокъ, буксируемыхъ пароходами «Прутъ» и «Ординарецъ», отправился отъ острова Чаталъ, близъ Измаила, въ Галацъ, для охраненія нашихъ границъ по верховью Дуная.

Отрядъ былъ порученъ Командиру 2-го баталіона Гребной Флотиліи, Капитану 2-го ранга Варпаховскому. Пароходомъ «Прутъ» командовалъ Лейтенантъ Языковъ, а пароходомъ «Ординарецъ» Лейтенантъ Барковскій. На «Прутѣ» находились, сверхъ того, состоящій по особымъ порученіямъ при Генераль-Адъютантѣ Князь Горчаковъ, Лейтенантъ Греве 1-й и присланный отъ Его Свѣтлости Начальника Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества, Лейтенантъ Повало-Швейковскій.

Вмѣстѣ съ отрядомъ, по лѣвому берегу Дуная, и на одной съ нимъ высотѣ, шелъ баталіонъ пѣхоты, съ нѣсколькими полевыми орудіями, для подавія помощи, въ случаѣ надобности, пароходамъ, которые непріятельскими выстрѣлами могли быть поставлены въ невозможность продолжать плаваніе подъ парами вверхъ по Дунаю.

Пароходы были вооружены: «Прутъ» четырьмя тридцати-шести-фунтовыми пушко-карронадами, «Ординарецъ» четырьмя трехъ-фунтовыми пушками. На каждой канонирской лодкѣ было по три орудія двадцати-четыре-фунтоваго калибра и по четыре фальконета трехъ-фунтовыхъ. Комплектъ людей на каждой лодкѣ состоялъ изъ двадцати

матросовъ 5-го Ластоваго Экипажа и сорока рядовыхъ изъ 14-й Пѣхотной Дивизіи.

Въ пять часовъ утра, пароходы, расположивъ канонирскія лодки вдоль своихъ бортовъ, для защиты машины отъ выстрѣловъ, «Прутъ» по двѣ на каждой сторонѣ, а «Ординарецъ» по одной, и имѣя каждый по одной лодкѣ за кормой на буксирѣ, снялись съ якоря, и пошли вверхъ противъ теченія, имѣя хода до двухъ съ половиною узловъ.

Въ все семь часовъ утра, когда пароходы съ лодками стали подходить къ турецкимъ укрѣпленіямъ Исакчи (расположеннымъ противъ бывшей въ 1828 году переправы у Сатунова), съ этихъ укрѣпленій было брошено нѣсколько бомбъ, и вслѣдъ за тѣмъ съ верхняго укрѣпленія сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ ядрами по передовому пароходу «Прутъ».

Принявъ это за начало непріязненныхъ дѣйствій со стороны Турокъ, капитанъ Варпаховскій приказалъ отвѣчать изъ всѣхъ могущихъ дѣйствовать орудій канонирскихъ лодокъ и пароходовъ.—Вскорѣ турецкимъ ядромъ убитъ храбрый начальникъ отряда, стоявшій въ это время впереди кожуха.—Дѣйствіе турецкихъ баттарей по большей части было ядрами и картечью. Бомбъ хотя было брошено много, но онѣ не причиняли большаго вреда. Граната, упавъ на пароходъ «Ординарецъ», взорвалась надъ крѣпкой-камерой; двѣ другія попали въ канонирскую лодку, находившуюся у борта того же парохода, для закрытія его машины. Взорванныя въ носовой части лодки разрушили палубу подъ орудіями, чѣмъ прекратилось дѣйствіе послѣднихъ.

Турки направляли свои выстрѣлы преимущественно противъ пароходныхъ машинъ, и потому среднія части пароходовъ, какъ-то, кожухи, кожуховыя каюты, трубы дымовыя и паровыя были во многихъ мѣстахъ пробиты ядрами и картечью.

Калиберъ турецкихъ орудій, по найденнымъ снарядамъ, состоялъ изъ пушекъ двѣнадцати, шести и трехъ-фунтоваго калибра. Мортиры были двухъ-пудовыя. Всѣхъ орудій въ турецкихъ укрѣпленіяхъ насчитано до 25-ти и три-mortиры.

Подходя къ траверсу укрѣпленій, дымъ отъ нашихъ выстрѣловъ несло вѣтромъ прямо на нихъ, что затрудняло мѣткость прицѣливанія. Не смотря на то, однако жъ, въ верхнемъ укрѣпленіи, нашими выстрѣлами сбито три орудія, которыя вскорѣ замѣнены другими.

Въ намѣреніи наказать Турокъ за непріязненныя дѣйствія, отрядъ сталъ стрѣлять картечью и ядрами по лагерю, расположенному по скату горы, ниже верхняго укрѣпленія, и бросалъ гранаты въ городъ Исакчи. Въ скоромъ времени въ городѣ показался пожаръ, который такъ усилился, что къ концу дѣла большая часть его была объята пламенемъ. Лагерь почти истребленъ, и войска изъ него разбѣжались толпами.

Дѣйствіе нашей артиллеріи продолжалось почти до города Рени, сбивая на пути турецкіе пикеты и кордоны. Отрядъ находился подъ непрерывнымъ огнемъ турецкихъ баттарей около полутора часа.

Потеря наша убитыми заключается въ храброе Капитанъ 2-го ранга Варпаховскомъ и шести нижнихъ чинахъ; раненыхъ нижнихъ чиновъ 46 человекъ.

Государь Императоръ, получивъ объ этомъ дѣлѣ донесеніе Князя Меншикова, пожаловалъ привезшаго оное Лейтенанта Повало-Швѣйковскаго въ капитанъ-лейтенанты, а нижнимъ чинамъ, въ этомъ дѣлѣ находившимся, двѣнадцать знаковъ отличія Военнаго Ордена и по рублю серебромъ на человека. (Морск. Сбор. и Слѣв. Пч.)

Оглавленіе статей, помѣщенныхъ въ Русскомъ Художественномъ Листкѣ въ 1853 году.

Въ № 1-мъ. Торжественное принесеніе присяги Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, и объясненіе рисунка.

Въ № 2-мъ. Русскія свадьбы въ XVI столѣтіи.

Въ № 3-мъ. Донскіе Калмыки, статья А. Попова.

Въ № 4-мъ. Николай Ивановичъ Гречъ.—Рабочая комната О. В. Булгарина въ С. Петербургѣ.

Въ № 5-мъ. Очеркъ Тифлиса.

Въ № 6-мъ. Пятидесятилѣтіе дома Штиглицъ и Комп.

Въ № 7-мъ. Шарманщикъ.

Въ № 8-мъ. Итальянская Опера въ С. Петербургѣ въ 1852—1853 году.

Въ № 9-мъ. Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея Императорскаго Дерптскаго Университета.—Краткое поясненіе къ видамъ города Дерпта.

Въ № 10-мъ. Пожаръ театра въ Москвѣ.—Иванъ Ефимовичъ Сивербрикъ.—Яковъ Григорьевичъ Брянскій.—Танцевальное утро и дѣтскій балъ, данные въ пользу Убѣжища Дѣвицъ, въ залахъ Дворянскаго Сообранія, 22-го Февраля 1853 г.

Въ № 11-мъ. Подвигъ простаго русскаго человека.

Въ № 12-мъ. Лукціонная продажа дублетовъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ.—Василій Андреевичъ Каратыгинъ.—Елена Ивановна Гусева.—Гельсингфорсъ, статья О. Илиша.

Въ № 13-мъ. Петербургскій концертный сезонъ 1853 г.

Въ № 14-мъ. Кавказскія минеральныя воды.—Бальфъ.

Въ № 15-мъ. Продажа вербъ въ С. Петербургѣ.—Концертъ А. С. Даргомыжскаго.

Въ № 16-мъ. Концертъ А. С. Даргомыжскаго (окончаніе).—150-ти-лѣтіе Петербурга.

Въ № 17-мъ. Школа для киргизскихъ дѣтей въ Оренбургѣ.—150-ти-лѣтіе Петербурга (окончаніе).

Въ № 18-мъ. Воронежъ.

Въ № 19-мъ. Павелъ Андреевичъ Осодотовъ.—Къ пор-

трету П. К. Клодта. — Школа для киргизскихъ дѣтей въ Оренбургѣ (окончаніе).

Въ № 20-мъ. Каменный Островъ.

Въ № 21-мъ. Теремъ въ Императорскомъ Кремлевскомъ Дворцѣ въ Москвѣ. — Рисунки одежды Русскихъ съ XIV до XVIII столѣтія.

Въ № 22-мъ. Бакчисарай.

Въ № 23-мъ. Бакчисарай (окончаніе).

Въ № 24-мъ. 16-е, 17-е, и 18-е Августа 1813 г.

Въ № 25-мъ. Свѣдѣнія о городѣ Букарестѣ. — Ярмарка въ Валахіи.

Въ № 26-мъ. Яссы, главный городъ Молдавіи.

Въ № 27-мъ. Солдаты Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса.

Въ № 28-мъ. Святые мѣста на Востокѣ, статья А. Томилива. — Солдаты Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса (окончаніе). — Объ изданіи Русскаго Художественнаго Листка въ 1854 году.

Въ № 29-мъ. Мейданъ (въ Тифлисѣ).

Въ № 30-мъ. Ревель и Эстляндцы (изъ путевыхъ записокъ).

Въ № 31-мъ. Надгробія русскихъ писателей.

Въ № 32-мъ. Надгробія русскихъ писателей (окончаніе). — Положеніе о движеніи по кievскому цѣпному чрезъ рѣку Днѣпръ мосту.

Въ № 33-мъ. Цѣпной мостъ на Днѣпрѣ въ Киевѣ, и торжественное освященіе его. — Объ изданіи Русскаго Художественнаго Листка въ 1854 году.

Въ № 34-мъ. Памятникъ Генералъ-Маіору Скарятину, воздвигнутый австрійскими войсками подъ Шесбургомъ (Сегезваромъ).

Въ № 35-мъ. Исакиевскій Соборъ. — Отъ издателя.

Въ № 36-мъ. Высочайшій Манифестъ 20-го Октября 1853 года о войнѣ съ Турціею. — Дѣло при Исакии (на Дунаѣ), 11-го Октября 1853 года. — Оглавленіе рисунковъ и статей, помѣщенныхъ въ Р. Х. Л. въ 1853 году.

Примѣчаніе. Настоящимъ номеромъ оканчивается третій годъ изданія Русскаго Художественнаго Листка. Въ наступающемъ 1854 году, Русскій Художественный Листокъ будетъ продолжаться по примѣру прежнихъ лѣтъ, какъ о томъ извѣщено въ №№ 28, 33 и 35 настоящаго года.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ РУССКАГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТКА ВЪ 1853 ГОДУ.

Въ № 1-мъ. Торжественное принесеніе присяги, по совершеннолѣтіи, 26-го Ноября 1852 года, Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ Большой Придворной Церкви Зимняго Дворца. Съ Высочайшаго соизволенія рисовано съ натуры В. Тиммомъ.

Въ № 2-мъ. Рисунки русской свадьбы въ исходѣ XVI вѣка — сцены драматическаго представленія изъ частной жизни нашихъ предковъ, соч. П. П. Сухонина, а именно: 1) помолвка; 2) сватовство; 3) дѣвичникъ; 4) обуваніе невѣсты; 5) свадебный пиръ; 6) проводы новобрачнаго; 7) проводы новобрачной; 8) сѣнникъ; 8) встрѣча новобрачной.

Въ № 3-мъ. Калмыки, кочующіе въ Землѣ Войска Донскаго, рисован. съ натуры В. Тиммомъ въ окрестностяхъ Новочеркасска, въ 1849 году.

Въ № 4-мъ. Листъ первый съ портретами редакторовъ русскихъ періодическихъ изданій: издатели газеты «Сѣверная Пчела»: Ник. Ив. Гречъ и Фад. Венед. Булгаринъ. Оба представлены въ своихъ рабочихъ кабинетахъ.

Въ № 5-мъ. Видъ города Тифлиса.

Въ № 6-мъ. Портреты: 1) Барона Людв. Ив. Штиглица; 2) Барона Алек. Людв. Штиглица, и рисунки: 3) медаль, поднесенная Бар. А. Л. Штиглицу служащими въ его конторѣ, 1-го Января 1853 года; 4) Образцовый Приютъ Барона Штиглица, въ Спб.; 5) домъ Бар. Штиглица на Англійской Набережной, въ Спб., и портретъ артельщика Андрея Алексѣева.

Въ № 7-мъ. Шарманщикъ, съ картины художника А. Чернышева.

Въ № 8-мъ. Портреты: 1) Г-жи Полины Виардо-Гарсин; 2) Г. Лаблаша, и рисунки: 3) видъ Большаго Театра и Театра-Цирка въ Спб. (Изъ Альбома Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича); 4) сцена изъ третьяго дѣйствія оперы Осада Гента (представленной въ первый разъ 20-го Февр. 1853 года, на Большомъ Театрѣ, въ Спб.).

Въ № 9-мъ. Шестъ видовъ города Дерпта (Лифляндской Губерніи), по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Императорскаго Дерптскаго Университета, празднованнаго 12-го и 13-го Декабря 1852 года.

Въ № 10-мъ. 1) Дѣтскій хороводъ на балѣ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, 22-го Февраля 1853 года; 2) аукціонная продажа дублетовъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, 4-го Марта 1853 года; 3) Императорскій Большой Театръ въ Москвѣ, сгорѣвшій 11-го Марта 1853 года. Портреты: 4) Я. Г. Брянскаго, скончавш. 20-го Февраля 1853 г. въ Спб.; 5) И. Е. Сивербрика, скончавш. 17-го Ноября 1852 года въ Спб.

Въ № 11-мъ. Портреты: 1) Вас. Андреев. Каратыгина, скончавш. 13-го Марта 1853 года, въ Спб.; 2) Елены Ив. Гусевой, сконч. 27-го Февр. 1853 года, въ Спб.; 3) крестьянина государственныхъ имуществъ Василья Гаврилова Марина, оказавшаго подвигъ самоотверженія при пожарѣ Большаго Театра, въ Москвѣ, 11-го Марта 1853 года; портретъ сей, въ ростѣ, рисованъ В. Тиммомъ съ натуры, въ С. Петербургѣ.

Въ № 12-мъ. 1) Общій видъ Гельсингфорса; 2) морскія купальни въ Гельсингфорсѣ, — оба вида рисованы съ натуры В. Тиммомъ.

Въ № 13-мъ. Портреты: 1) Г-жи Леонаръ; 2) Г. Леонара; 3) Г. Бальфа; 4) Антона Контскаго; 5) Аполинарія Контскаго; 6) Н. Д. Дмитриева-Свѣчина.

Въ № 14-мъ. 1) Паркъ въ Кисловодскѣ; 2) минеральный источникъ Нарзанъ въ Кисловодскѣ; 3) Николаевскія и Ермоловскія минеральныя Ванны въ Пятигорскѣ; 4) видъ города Пятигорска; 5 и 6) Сакскія Грязи въ Крыму.

Въ № 15-мъ. 1) Портретъ извѣстнаго любителя-композитора А. С. Даргомыжскаго; 2) закладка часовни на Благовѣщенскомъ Мосту, въ Спб.; 3) продажа вербъ въ Спб., въ Гост. Дворѣ, въ 1853 году; 4) продажа куличей, предъ праздникомъ Пасхи, въ Гост. Дворѣ, въ Спб., въ 1853 году; 5) поднесеніе капельмейстерскаго жезла А. С. Даргомыжскому, въ концертъ 9-го Апрѣля 1853 года, въ Спб.; 6) капельмейстерскій жезлъ, поднесенный А. С. Даргомыжскому любителями музыки, 9-го Апрѣля 1853 года.

Въ № 16-мъ. По случаю 150-ти-лѣтія С. Петербурга, 16-го Мая 1853 года: памятникъ Петру I-му въ Спб., и слѣдующіи

62 $\frac{9(N)1}{4}$